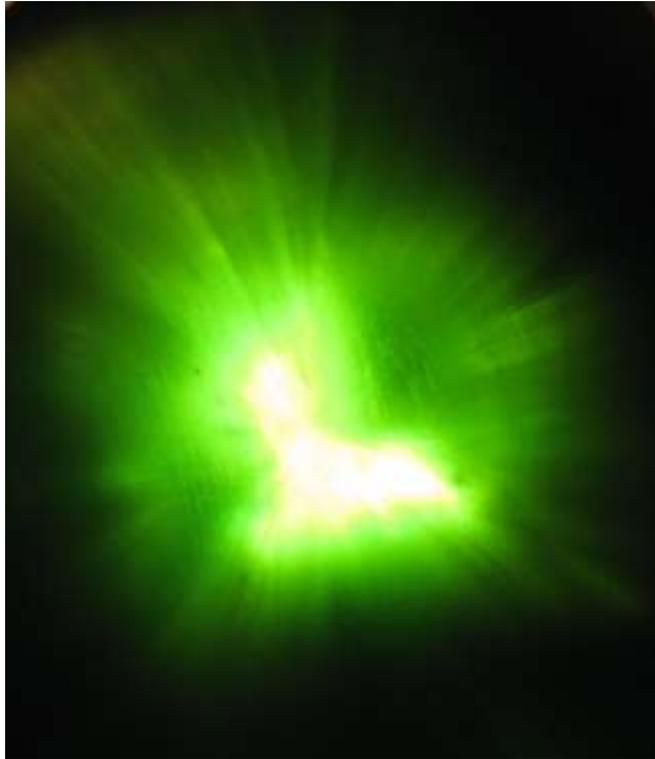

Семёнов В. Е.

Воспоминания о камне

Эта книга посвящается 140-летию со дня рождения академика Александра Евгеньевича Ферсмана и 100-летию со дня рождения Ларисы Анатольевны Попугаевой, первооткрывательницы коренных алмазных месторождений в России.

Глава 1. Начало пути.

В мае 2020 года, по приглашению нынешних владельцев «Замка Кесслеров-Ферсмана», мне удалось побывать в тех местах, где в детстве и юношестве проводил свои летние месяцы будущий академик Александр Евгеньевич Ферсман. В первую очередь, очень хотелось посмотреть, как из советских руин – «буквально с нуля» удалось восстановить замок «в мавританском стиле» и, конечно, побывать на могиле Евгении фон Гасфорд, родной бабушки юного Саши. Темой Кесслеров я заинтересовался ещё в 2005 году, когда моя дочь вышла замуж за правнука академика. Тогда в Интернете можно было прочитать, что их род прослеживается от королевского лесничего в Кёнигсберге Фридриха фон Кесслера, переехавшего в Россию. Он был женат на Сюзанне Вильгельмине Гроссбауэр, в браке – двое детей, Эдуард и Карл. А теперь, не спеша, обо всём по порядку...

В 1822 году, по приглашению графа Аракчеева, в Россию приехал Фридрих Карл фон Кесслер с женой и двумя малолетними сыновьями – Эдуардом и Карлом.

Императором Александром Первым была задумана очередная попытка реформы «жития» русской армии в мирное время. В-частности, вокруг усадьбы графа Аракчеева, в селении Грузино, что в Новгородской губернии, предполагалось построить военные поселения по определённому образцу: штабы полков, казармы, двухэтажные дома для офицеров, избы для солдат и их семей, хозяйственные постройки и т.д. Для этого требовалось очень большое количество строевого леса и дрова для отопления всех строений зимой. О серьёзности намерений красноречиво говорит тот факт, что для размещения всего шести полков было отведено очень обширное земельное пространство на большом протяжении вдоль берегов реки Волхов. Солдаты должны были заниматься хлебопашеством, разводить скот, овладевать различными ремёслами, ни в коем случае не забывая о военной подготовке. Одним словом, предполагалось постепенно перевести армию на полное самообеспечение.

Для разумного лесоиспользования и правильного лесоведения на этой территории и был приглашён Фридрих Кесслер, ранее занимавший высокую и почётную должность королевского лесничего в Кёнигсбергском округе. В России специалистов такого рода просто ещё не было, поэтому их приходилось искать за границей.

Про первое появление Кесслеров в России в Интернете есть очень интересная статья, как царь Иван Грозный награждал своих особо отличившихся подданных красивой заморской фамилией, а то ведь до этого у них были всего лишь, далеко не всегда приличные, прозвища. А если серьёзно, то вполне можно предположить, что первые Кесслеры прибыли в Россию во времена Петра Первого – строить Санкт-Петербург. Следующая волна немцев была возможна во времена царствования императрицы Анны Иоановны, которая привезла с собой герцога Бирона. Далее - знаменитые указы Екатерины Второй, с очень выгодными предложениями для иностранцев, желающих переселиться в Россию. Так что к концу 19 века в наших краях уже было много приезжих с довольно распространённой фамилией Кесслер.

Теперь – поподробнее о детях Фридриха.

Они – «погодки», Эдуард – 1814 г.р., а Карл – 1815 г.р. Оба получили гимназическое образование в СПб., но дальше пошли разными жизненными путями: Эдуард выбрал военную карьеру, Карл же предпочёл обучаться естественным наукам - математике, зоологии в Санкт-Петербургском университете, закончив его в 1838 году. Далее он начинает учить детей физике и математике в одной из петербургских гимназий, не прекращая научную работу, в 1840 году ему присваивают степень магистра, а через год – степень доктора (за работы по зоологии). С 1842 года он - адъюнкт при кафедре зоологии Киевского университета, начинает заниматься орнитологией, пишет и издает несколько научных работ по этой теме, в 1844-45 годах его утверждают профессором

зоологии. В этом звании Карл Кесслер начинает свои продолжительные поездки и экспедиции по южным губерниям, по берегам Чёрного, Азовского морей (далее будут поездки по России и Кавказу) с целью сбора научной информации о местной фауне. В 1859 году он был награждён орденом Святого Станислава 2-ой степени с императорской короной, в 1864г. – орденом Святой Анны 2-ой степени (тоже с императорской короной), в 1865 году – он уже статский советник. Карл Кесслер - организатор и неперенный участник первых съездов Энтомологического общества, постоянный председатель основанного им Петербургского Общества естествоиспытателей и первых его съездов. С 1867г. по 1873 год – он ректор Санкт-Петербургского императорского университета, далее: заслуженный профессор и почётный член Университета. Большой заслугой Карла Фридриховича Кесслера также является, построенная по его инициативе и ходатайству, Севастопольская биологическая станция – первая в России! Кроме вышеупомянутых выше наград, он получил ещё Демидовскую премию от Академии наук и золотую медаль Императорского Вольного Экономического общества. Впоследствии, в знак признания заслуг профессора Кесслера перед российской наукой, была учреждена премия его имени. К. Ф. Кесслер покоится на Смоленском лютеранском кладбище Санкт-Петербурга; позже, рядом с ним, будет похоронена его единственная жена – Аделаида Викентьевна.

Теперь об Эдуарде, старшем сыне Фридриха Кесслера.

После окончания гимназии, он поступает в Главное инженерное училище, располагавшееся в Инженерном (бывшем Михайловском, печально известном) замке. Эдуард закончил два его отделения: кондукторов с отличием и офицерское, получив высшее образование.

После стажировки за границей, в Голландии и Пруссии, он начинает преподавать военную инженерию в родном училище. В 1842 году, в чине штабс-капитана, его направляют на Кавказ, для помощи в усмирении и подчинении России непокорных горских племён.

По 1847 год Эдуард Кесслер занимается строительством военных укреплений, дорог для продвижения русских войск, иногда ему даже приходится принимать участие в боевых действиях. Отдельно надо отметить строительство многочисленных мостов через бурные кавказские реки. Общеизвестно его блестящее решение при наведении переправы через реку Сулак – это был первый в России плашкоутный мост!

В 1848 году – он уже полковник, ему поручают командовать Самурским пехотным полком. Во время длительного пребывания своего подразделения в Дешлагаре Кесслер организовал военный быт солдат и офицеров на уровне спокойной мирной жизни, насколько это было возможно в затерянном в горах ауле. 1855 год - он уже генерал-майор инженерных войск, заканчивает службу в Самурском полку; в 1859 г. ему было поручено руководство всеми

войсками, блокировавшими крепость в ауле Гуниб, последний оплот непокорного имама Шамиля. Благодаря разумным действиям генерала операция завершилась без кровопролития, почётной сдачей в плен Шамиля и его семьи. (Кстати – сейчас в Интернете можно прочитать статью об этом эпизоде, в ней про Кесслера вообще нет ни одного слова – главнокомандующий князь Барятинский обманом взял Шамиля в плен!) Далее он участвовал в покорении Западного Кавказа, некоторое время был посланником России в Турции и в чине генерал-лейтенанта ушёл в отставку. За многолетнюю безупречную службу был награждён многочисленными орденами и медалями, золотой шпагой с надписью «За храбрость» и большими земельными наделами на Кавказе и Кубани. Для постоянного местожительства своей семьи Эдуард Фридрихович приобрёл красивый участок земли, недалеко от столицы Крыма - Симферополя, в цветущей долине реки Салгир.

Нам пока неизвестно, каким образом, при таком напряжённом и опасном образе жизни, участвуя в непрерывных кавказских войнах, ему удалось познакомиться с дочерью коллежского асессора Евгенией фон Гасфорд, но она стала надёжной спутницей его жизни и верной женой, сопровождая Э.Кесслера во всех походах. Практически все четверо их детей были рождены в аулах и местах боевого пути генерала. Сначала появились на свет две дочери: Елена – 1853г.р., Мария – 1855г. (будущая мать академика А.Е.Ферсмана); далее – два сына: Евгений – 1856г. и в 1859г. – Александр.

Сознательную жизнь старшей дочери Елены можно охарактеризовать одним словом – «благотворительница». Будучи достаточно обеспеченным человеком, она считала своим долгом, при малейшей возможности, помогать бедным и обездоленным людям. В этом она видела свой путь, своё призвание, смысл своей жизни, к этому стремилась вся её душа. Проживая в Крыму, в собственном доме в Симферополе, она была постоянным членом городского Благотворительного общества, состояла в его Попечительском совете, занималась очень важными и нужными общественными делами - ведь на сборы общества содержались детские ясли, некоторые школы, лечебницы, дома призрения и другие заведения города. А ещё Елена Кесслер - попечительница одной из общин сестёр милосердия, в знак признания заслуг на этом поприще в 1897 году награждена «знаком отличия Красного Креста 2-ой степени».

Её умение и организаторский талант особенно проявились в годы Первой мировой войны, она возглавила общину сестёр милосердия, стала её председательницей, параллельно работая заместителем председателя Симферопольского Благотворительного общества. А ещё Елена была заведующей хозяйством городского «Общества помощи бедным одеждой», которое находилось под патронажем императрицы Александры Фёдоровны...

Через год после рождения Елены, в семье генерала Кесслера - прибавление, на свет появилась следующая дочь – Мария.

Она, как и все дети генерала, получила хорошее, по тем временам и возможностям, образование в одной из симферопольских гимназий. У неё ещё с детства обнаружились музыкальные способности и незаурядный талант к рисованию. Но, этого мало, все эти возможности надо было бережно развивать и поощрять, только тогда получится хороший конечный результат.

Уже зная об суровых буднях жизни отца, мы прекрасно понимаем, что именно её мама Евгения приложила для этого много усилий и энергии, так же, как и к воспитанию всех остальных детей.

В итоге: Мария выучилась прекрасно играть и музицировать на рояле; а, написанную ею собственноручно, большую копию картины Айвазовского - «Вид на остров Капри», можно увидеть в библиотеке Московского Минералогического музея им.А.Е.Ферсмана. А ещё она увлекалась литературой, старалась быть в курсе всех новинок. И это, не считая хорошего знания нескольких иностранных языков! Далее, в 1879 году, Мария Эдуардовна вышла замуж за поручика Евгения Ферсмана, сына генерал-лейтенанта Александра фон Ферсмана. У них, в Санкт-Петербурге,

родились двое детей: дочь – Вера, 1881 г.р. и сын Александр – 1883 г.р., будущий академик... Долгожданный, первый сын четы Кесслеров - Евгений, по окончании гимназии, решил продолжить своё дальнейшее обучение в Санкт-Петербургском университете, на Естественном отделении физико-математического факультета. Его способности и интересы были очень разнообразны, тяга к знаниям была так огромна, что он интересовался буквально всеми науками, желая знать, как можно больше, «обо всём и сразу». Вскоре после окончания учёбы, по приезде вместе с молодой женой Матильдой Хельффрейх в Крым, Евгений начинает пробовать себя в различных областях. Возможности достаточно велики, ведь ему, после ухода отца из жизни, досталось солидное наследство в его имении. Сначала он вместе со своей сестрой Еленой успешно занимается благотворительностью (содержит одну школу в течение десяти лет, потом основывает ещё одну школу, руководит сиротским приютом), эти его деяния были высоко оценены – в 1897 году он был награждён орденом Святой Анны 3-ей степени.

Занимаясь добрыми делами, Евгений пробует свои силы ещё и в аграрном хозяйстве – очень серьёзно занимается выращиванием винограда вокруг усадьбы, вплоть до изготовления собственных вин, известных в Крыму и не только. Он активно участвует в деятельности Симферопольского отдела Общества садоводов Крыма; впоследствии, его избирают заместителем Председателя Таврического и Екатеринославского комитетов виноградарства и виноделия. За успехи на этом поприще в 1901 году, на большой крымской выставке садоводов, ему будет присуждена Малая серебряная медаль, а в 1903 году, во время выставки Симферопольского земства, он получит такую же медаль, но – «За успехи в коневодстве»! Ещё он очень гордился тем, что долго работал мировым судьёй в Симферополе.

Постепенно, Евгений фон Кесслер стал очень уважаемым человеком в Крыму, ему был присвоен чин действительного статского советника; уже будучи постоянным членом Дворянского собрания Симферополя, он принимал активное участие в различных комиссиях и комитетах и при этом находил время продолжать заниматься благотворительностью...

Младший сын Кесслеров – Александр (второй брат матери А.Е.Ферсмана).

После учёбы в гимназии он, по примеру старшего брата, в 1877 году поступает на Естественное отделение Санкт-Петербургского университета. Его очень увлекают лекции академика Бутлерова по органической химии – о природе веществ, одним из дальнейших направлений своего жизненного пути Александр выбирает химию. По окончании университета его оставляют на кафедре, для подготовки к профессорскому званию по данному направлению. Проработав там некоторое время, он, в связи с ухудшением состояния здоровья, по рекомендации врачей, уезжает в Крым, к родительскому очагу.

Поначалу вся дружная семья наших Кесслеров жила в «старом помещичьем доме», в том самом, где на чердаке детвора нашла «старый запылённый сундук с сокровищами» (из детских воспоминаний академика А.Е.Ферсмана). Около 1880 года (а возможно и раньше), на семейном совете, было предложено построить невдалеке, на холме, летнюю дачу – в доме стало тесновато: много детей – Марии, Евгения, плюс внуки дяди Карла могут приехать на лето, где всех разместить, да и вид с того места гораздо более живописнее! На том и порешили.

По приезде Александра, для его опытов, было выстроено небольшое здание химической лаборатории, невдалеке от возводимого «Дома Кесслеров». «А мой строгий дядя-химик водил нас в свою лабораторию, где показывал нам различные соли и их кристаллы» (А.Е.Ферсман). При проектировании дома также было учтено его пожелание – постройка небольшой двухэтажной башенки для астрономических наблюдений и установки приборов слежения за погодой. В дальнейшем, Александр, в течение многих лет, изучал местный климат, что было очень важно для земледелия в Крыму.

А ещё, в промежутках между измерениями и исследованиями, ему удавалось, вместе с братом,

принимать активное участие в многочисленных комиссиях и комитетах по садоводству, виноградарству и т.п. С 1920 года Александр - преподаватель метеорологии в Таврическом университете. Его большой заслугой является создание одной из первых в Крыму Тотайкойской метеорологической станции, он был бессменным её руководителем до самого ухода из жизни в 1927 году.

Теперь несколько слов о дальнейших судьбах героев нашего рассказа. Генерал-лейтенант российских инженерных войск Эдуард фон Кесслер ушёл из жизни в 1878 году в городе Пятигорске и был погребён со всеми воинскими почестями на небольшом семейном кладбище, в селении Тотайкой, оно находится в нескольких сотнях метров от «Дома Кесслеров».

По моим сведениям, через 21 год, рядом с ним упокоилась его жена Евгения фон Гасфорд. Мы не перестаём удивляться и восхищаться чудесными свойствами её личности - какой широтой, красотой и благородством души надо было обладать, чтобы воспитать в своих детях чувства уважения к человеку любого социального сословия и глубокого небезразличия к жизни обездоленных людей!

В октябре 1908 года, на том же кладбище, А.Е.Ферсман похоронил свою мать, Марию Эдуардовну, ушедшую из жизни после тяжёлой болезни. Но, далее, многое ещё остаётся невыясненным, есть большие «белые пятна». Сведения о дочери генерала Елене теряются в районе 1918 года – январь, революционные матросы в Симферополе, гражданская война, спешная эвакуация 1920 года. Её брат Евгений, по некоторым сведениям, вместе со своим сыном, скончался в 1918 году (испанский грипп – эпидемия?), документально это пока не подтверждено. Работа с архивами и документами будет продолжена, но, безусловно, во всей этой истории несомненно одно – «наши» Кесслеры внесли свой большой весомый вклад, вписали свою, очень яркую, страничку в историю научной, культурной и общественной жизни Крыма того времени.

Глава 2. Тайна мраморной плиты

Летом 2019 года мой зять Вадим Геннадьевич Ферсман со своей женой Еленой и дочерью Ольгой побывал в Крыму, в гостях у владельцев замка Кесслеров, супружеской четы Голенко, впечатления - самые благоприятные. Они - все вместе, на двух машинах, проехали вдоль побережья Чёрного моря, полюбовались его красотами. Привезли большое количество фотографий, в том числе и памятной плиты бабушки А.Е.Ферсмана. Ещё в начале моих исследований Интернет уже пестрел снимками и расшифровкой (с поэтическим переводом) надписей на памятниках генералу фон Кесслеру, его дочери – Марии Эдуардовны, вышедшей замуж за Евгения фон Ферсмана (сына генерала фон Ферсмана), и баронессе Шайнфогель. До сих пор информация о Шайнфогелях ограничивается рассказом о кругосветных гонках в начале 20-го века с участием барона фон Шайнфогеля и тем, что они – потомственные бароны. По моей просьбе дочь сняла на «мобильный» мраморную плиту на месте захоронения Евгении фон Гасфорд, при увеличении фотографий удалось рассмотреть многие цифры и буквы. Но, прошло уже более ста лет – время оставило на ней свои неизбежные отпечатки: выбоины, щербины, царапины, главные цифры на правой стороне почти неразличимы. В начале марта 2020 года, по приезде в «Замок Кесслеров-Ферсмана», сразу же попросил хозяев проводить меня к месту упокоения бабушки академика, очень хотелось посмотреть на него собственными глазами. Всё увиденное произвело достаточно гнетущее впечатление: совсем рядом, в нескольких метрах, проходит дорога на щебёночный карьер, по ней ежеминутно снуют Камазы, Белазы (туда и обратно), пыль, грязь, выхлопы. А что, неужели нельзя было, хотя бы немного, сместить дорогу на карьер – ничего святого! Но, надо было приниматься за дело: отмыть плиту и сделать первые снимки в режиме «макро» двумя фотоаппаратами с различной степенью разрешения. К сожалению, плита расположена горизонтально и поэтому очень пострадала во времени. У меня уже был опыт попытки прочтения надписи на обломке круглой колонны – части памятника прапавтери родов Веймарнов и Ферсманов, Доротеи фон Хаак, родившейся в 1764 году, более 250-ти лет назад! Была выработана определённая методика, с помощью которой удалось успешно расшифровать и прочесть всё обозначенное. После первой «лабораторной работы» понять, что было написано на саркофагах двух генералов фон Веймарнов, не составило особого труда. Все эти захоронения находятся на Волковском лютеранском кладбище в Санкт – Петербурге... Могила баронессы Эмили Шайнфогель находится буквально в двух метрах от грязной дороги; небольшая, аккуратная, она не пострадала от времени (надпись на небольшой плите хорошо различима), вокруг, вместо ограды, - невысокие вечнозелёные кусты. Надписи на памятниках гласят, что год рождения баронессы – 1798-ой, а генерал Кесслер родился в 1812г.; есть предположение, что Эмилия - родственница матери Эдуарда, приехавшая погостить. Мария Эдуардовна Кесслер, дочь генерала и мать А.Е.Ферсмана, похоронена на другом краю небольшой площадки, примерно в десяти метрах от дороги; вертикальная памятная плита белого мрамора с легко читаемой надписью хорошо сохранилась, вокруг могилы – железная ограда. А теперь о главном. В такой же ограде, посередине участка, расположено совместное захоронение Э.Ф.Кесслера и его жены – Евгении фон Гасфорд; вертикальный памятник генералу в хорошем состоянии, чего нельзя сказать о лежащей внизу плите Евгении, тоже из мелкозернистого белого мрамора. Надпись на ней сделана не очень аккуратно, да и сами буквы меньше, тоньше и расположены в разных плоскостях. Первые снимки я сделал ранним утром, днём – ещё один заход, при положении солнца - слева (другая освещённость). В результате проявились буквы из слов «.UGENI. von HASFOR.» и другие слова; различимые цифры и несколько серых, слабых, неясных намёков на их фрагменты.

Дневное посещение было проделано уже вместе с Еленой Николаевной Голенко, у нас на вооружении были фотоаппараты и мобильный телефон. Рассматривая наши снимки вечером, увидели чётко – FEB (Februar – февраль), мелкие надписи – ten и sten, появились числа: 17 и ?9; и ещё, как бы, заглавная буква «J», а это первая буква названия месяца – или Januar, или Juni, или Juli; круг начал сужаться! Год рождения, вроде бы - 1826-ой, снято многократно, целиком и фрагментами.

После ужина Илья Георгиевич Голенко показал мне на компьютере копию бумаги, составленной в 1891 году про Евгению Гасфорд; в ней указано, что вдова генерала – 59-ти лет отроду.

Получалось, что она родилась примерно в 1832 году (если брать за основу данный документ!).

У меня в запасе был ещё один вариант – просмотр снимков в полной темноте; это дало свои результаты – в дате рождения великолепно стало видно число «29».

Утром, снова фотографирование – снова просмотр с Еленой Голенко, я «натренированным глазом» прекрасно вижу год рождения - 1826, Лена соглашается со мной, она видит ясно: то - «2», то - «6». Но сути дела это уже не меняет – с «документом» это не сходится ни в каком варианте!

Вот оно – начало интриги: на могильной плите я вижу чётко– 1826 г., а «по бумаге» она должна быть 1832 г. рождения? (Интересная антитеза, хотя какая женщина скажет, что ей 65 лет, а вот «слегка» за пятьдесят - это вполне реально). Тем не менее, «пазл» начинает складываться: Евгения фон Хасфорд родилась 29 (января, июня, июля) 1826 года, умерла 17 февраля 1893 или 1898 года. Дело в том, что от второй и третьей цифр (в годе смерти) остались только их фрагменты; а от четвёртой остался просто небольшой хвостик (который я трактовал, как начало цифры «3») и точка в середине цифры - остальное «съедено» временем.

Когда началась заключительная фаза, надо было применять более тонкие инструменты: зубную щётку (для промывки надписи), только детское мыло, рулонные салфетки, копировальную бумагу (в лучшем магазине Алушты – только зелёная!) и самые мягкие карандаши.

Далее – промывки, снимки (с солнцем, без солнца); проявилась очень слабая вторая буква «и» в названии месяца рождения. Круг совсем сузился: это либо - июнь, либо - июль.

Просто органолептически, с закрытыми глазами, попытался определить третью букву – у меня

получилось «п» - июнь!

В моём первом варианте надпись на плите Евгении выглядела (вкратце) так: «Евгения фон Гасфорд. Родилась 29 июня 1826 года. Умерла 17 февраля 1893 (запасной вариант – 1898) года». Полюбовавшись цветением миндаля, сначала робкого – около Алушты, потом пышного, буйного – в Гурзуфе, изобразив там же купание в Чёрном море, набрав разноцветных заветных камешков в речке Салгир, недалеко от места, где искал свои «хрусталики» юный Ферсман, я начал собираться ехать домой.

Во время прощального визита к могилам родственников Ферсмана, на подходе к ним, меня ожидал очень большой сюрприз – пыльная дорога была уложена свежим асфальтом.

Не веря своим глазам, я дошёл до въезда в карьер и сделал несколько фотографий цветущих абрикосовых деревьев. Около меня остановился большой «Белаз» и водитель, очень любезно, предложил меня подвезти: «Мы с товарищами вас очень уважаем; который день видим, что вы занимаетесь на кладбище каким-то серьёзным делом, иначе бы не ходили сюда столько дней подряд и не стояли бы на коленях. А у нас почитание могил родителей – самое главное правило в жизни».

Естественно, я ему рассказал, что сто лет назад бывал в этих краях академик Ферсман, здесь похоронены его мать и бабушка, да ещё дедушка – генерал царской армии, а меня попросили разобраться со стёртой надписью на могиле бабушки.

«Господин шофёр» поблагодарил меня за разъяснения и обещал рассказать всем остальным водителям, в чём была суть дела – расстались друзьями.

По возвращении в СПб. сразу же занялся другим интересным делом – надо было попытаться узнать, где на Волковском лютеранском кладбище захоронены (более ста лет назад), фон Койсслеры - Анна и пастор Петрикирхе Готлиб Аугуст; про степень их возможного родства с фон Кесслерами. Могила не сохранилась, но, по документам получается, что она находится на участке, где-то напротив семейного захоронения Ферсманов. Да ещё в Интернете в «Одесском мартирологе», нашлись несколько Кесслеров с отчеством Готлибович, интересно – однако... Дальше – больше. В одном серьёзном издании, которое восполнило многие пробелы в наших знаниях о жизни и деятельности академика Ферсмана (он никогда не распространялся о своём личном), утверждается, что две дочери генерала Густава фон Гасфорда – Евгения и Мария вышли замуж за генералов Кесслера и Ферсмана.

Вроде бы всё сходится: Гасфорд похоронен недалеко от своей жены на Волковском кладбище, дочь Мария покоится там же в семейном захоронении фон Ферсманов, с Евгенией мы тоже разобрались. Однако, есть одно «но» - генерал Гасфорд был женат трижды, дети были только от первого брака; да – три дочери, но их звали совершенно иначе, годы рождения – другие, хотя один (1826-ой?) сходится. Интернет «забит» рассказами о губернаторе Омска и Западной Сибири, неоднократно смакуется его женитьба на старости лет; но, почти все статьи о нём начинаются с фразы – «потомство его брата Фридриха внесено во 2-ю часть Дворянской книги Санкт-Петербургской губернии». По историческим сведениям, брат генерала, рано ушедший из жизни, был коллежским асессором и поэтому Мария с Евгенией вполне могут быть его дочерьми.

В справке из Государственного военно- исторического архива о генерал-лейтенанте Ферзмани (Ферзмани) написано, что «он был женат на дочери коллежского асессора Гасфорда», а не на дочери генерала! Вот какая ошибка может получиться при использовании неполной, недостоверной информации...

С нетерпением ждём открытия архивов (2-я часть СПб. губ.); начала работы лютеранской церкви Петрикирхе на Невском проспекте (туда ведут следы пастора фон Кейсслера) и поиска его же фамилии в справочниках несохранившихся захоронений по Волковскому кладбищу – 2-ой том. А ещё в запасе – Каролина Эмилия Христофоровна Кесслер, жена генерала Антона Скалона, героя

войны 1812 года, погибшего под Смоленском. Она похоронена в 1818 году, на Смоленском лютеранском кладбище в Санкт-Петербурге - могила и памятник в прекрасном состоянии. Здесь тоже надо разбираться с «сибирским следом»...

В конце марта позвонила Елена Голенко и сообщила, что появились некоторые сведения о возможном наличии прошения о назначении пенсии, поданного Евгенией фон Гасфорд на высочайшее имя (императрице Марии Фёдоровне). Оно датировано 1905 годом, но это всё надо очень тщательно проверять; моё личное мнение – что-то тут совсем не сходится! Нахождение в архивах этого документа расставило бы все точки над «i», закончились бы все наши сомнения по поводу года ухода из жизни Евгении фон Гасфорд: в 1893 г., или в 1898-99 г.г.; в результате круг поиска резко бы сузился.

Помните – четвёртая цифра «с хвостиком»? В ряде цифр на плите, «1» и «7» были вырублены просто прямыми линиями, а у «нашей», самой трудно различимой, в начале написания остался только некий слегка закруглённый хвостик; поэтому я и предположил, что это цифра «3». Но, если это не «тройка», то, возможно, это - «восьмёрка». И в силу может вступить такая версия – Евгения фон Гасфорд родилась в 1826 году, а умерла 17 февраля 1908г. Однако, нельзя «сбрасывать со счетов «первый хвостик» с верхушечкой от цифры «3». И тогда мы имеем в запасе ещё два варианта: она ушла из жизни 17 февраля 1908-го или 1909-го года.

Лично я прекрасно вижу в начале надписи об уходе: первые две цифры – «1» и «8», третья, по логике (исходя из опорного документа от 1891 года!) – цифра «9»; далее – либо тройка, либо – восьмёрка, очень возможно, что и «9 или 0»...

После долгих, неоднократных и очень тщательных просмотров и исследований всех фотографий 2020 и 2021 годов моё окончательное мнение таково - 17 февраля 1890 или 1899 года.

Но, на данный момент, нам известно только одно – в 1891 году Евгения фон Хасфорд значилась в документе и была жива, а со всем остальным ещё предстоит разбираться!

Если даже не будет найдено прошение о пенсии 1905 г., в любом случае, имеет смысл поискать некролог в местных газетах. Возможно, в нём будет указан и год рождения; тогда все вопросы по поводу надписи на плите будут окончательно закрыты.

Но, этот документ уже совершенно поменял бы акценты развития событий: одно дело – бабушка академика Ферсмана полюбовалась внуком в детстве и юношестве, а совсем другое – дожила до его женитьбы 9 мая 1907 года на княжне Ольге Николаевне Оболенской! В этом случае она наверняка могла знать о предстоящем венчании (не говоря об обручении) и от души порадоваться за внука.

С появлением сведений об этом новом, очень важном для нас прошении, у меня сразу же возникли два интересных вопроса о моментах жизни «рода Ферсманов».

Первый - в письме В.Н.Китаевой о посещении «Тиетты», базы в Хибинах (основанной А.Е.Ферсманом на озере Малый Вудъявр), упоминается богато инкрустированная ширма от императрицы Марии Фёдоровны. А что она там делает, каким образом попала в те края и уж не свадебный ли это подарок молодой чете Ферсманов от «принцессы Дагмары»?

Вопрос второй – в 1920 году, в порту Копенгагена, англичане хотели арестовать небольшое российское судно «Китобой», полагающееся им в качестве военного приза.

Командовал судном старший лейтенант Оскар Оскарович Ферсман, двоюродный брат академика. Было много споров, но, только после вмешательства Марии Фёдоровны, матери императора Николая Второго, англичане отказались от своих претензий.

P.S. Что интересно: начало наших серьёзных попыток расшифровать даты на могильной плите Евгении фон Гасфорд, родной бабушки академика Ферсмана, абсолютно совпало, до одного дня, с очередной годовщиной её ухода из нашей жизни. Всё предопределено?!

И, ещё немного – про итоги. В начале нашей «лабораторной» работы мы имели сразу же три

нестыковки: первая – в надписи на памятнике генералу Эдуарду Кесслеру указан год его рождения – 1812-й (по моим сведениям - 1814-й!); второе расхождение - в датах года рождения его жены, Евгении Гасфорд (на памятнике – 1826-ой, а по «документу от 1891 года» она родилась в 1832 году). Третья – «флюид» о некоем прошении от 1905 года, наличие которого просто опровергает расшифрованную надпись даты смерти – 17 февраля 1899 года.

Если наследники Евгении могли ошибиться с датой рождения на памятнике (что очень мало вероятно), то, уж с датой ухода из жизни родной матери четверо её детей обмануться не могли никоим образом.

На данный момент, «флюид» пока остаётся «флюидом» - случайным ошибочным всплеском, а мы продолжим наши архивные поиски некролога о Евгении Гасфорд, с целью определения точных дат её жизни. Работаем дальше...

Глава 3. Легенда о пяти и более захоронениях на семейном кладбище Кесслеров в Тотайкое, в Крыму.

Постепенно, со временем, набралось определённое количество информации по этой теме: воспоминания Маины Семёновны Ткаченко (ныне проживающей в Севастополе), долгое время проработавшей в школе-интернате, находящейся недалеко от «Дома Кесслеров-Ферсмана»; сентябрьское письмо 1949 года от А.Ф.Соседко к Е.М.Ферсман о разрушении могил; письмо доцента М.В.Щербаковой о посещении памятных мест в Тотайкое; фотографии 1985 года - пионеров, ухаживающих за памятниками и т.д.

Теперь опять, понемногу, обо всём по порядку.

Осень 1949 года. Цитата из письма Соседко, любимого ученика и соратника академика Ферсмана: «Побывал я в Тотайкое, ... в доме, где раньше жили Кесслеры, сейчас генеральская дача.

Могила Марии Эдуардовны Ферсман и окружающие её могилы в весьма заброшенном состоянии. На памятнике следов ангела не сохранилось, склеп перед памятником провалился, ... среди заросшего кустарника памятник обрушился, склеп провалился и прочитав на свалившейся плите, чья это могила нельзя. Козин, замдиректора Крымской базы АН, заснял эти памятники и собирался говорить о них в обкоме»...

Весна 1970 года. Несколько выдержек из письма в «Литературную газету» кандидата географических наук Щербаковой М.В.

«... В январе этого года пришлось ехать экскурсионным автобусом из Симферополя в Ялту.

В туманной дымке на берегу Салгира виднелся белый сказочный дом. Экскурсовод рассказывала, что в этом доме провел свои детские и юношеские годы выдающийся советский ученый академик Ферсман. ... После возвращения из Ялты почитатели ученого решили побывать в белом доме на Салгире, захотели узнать, как охраняется место, освященное памятью об ученом.

То, что мы увидели, превзошло все наши ожидания... Пожалуй, самое страшное впечатление произвели могилы родных и матери А.Е.Ферсмана – Марии Эдуардовны. В нескольких шагах от могил проложена дорога на карьер, где непрерывно идут машины. Ограды около могил нет, памятники разрушены, сдвинуты, деревья и кустарники поломаны. Как могло случиться, что не уберегли могилы и позволяют кощунствовать над ними? Необходимо срочно принять меры, пока могилы не сравняли с землей. Самым лучшим решением было бы увековечить память великого ученого созданием мемориального музея Александра Евгеньевича Ферсмана»...

Хороший вопрос, однако – как такое могло случиться, кто это мог сделать?!

В самом начале советской власти кладбища были «национализированы», остались без охраны и ухода – стали бесхозными, что немедленно сказалось на их состоянии. В Санкт-Петербурге от этого очень пострадали во времени два основных лютеранских кладбища – Волковское и Смоленское.

Но, заниматься вандализмом на очень небольшом клочке земли в уединённом месте возле речки Салгир, наверное, уж, очень слишком; хотя кто его знает, тогда были возможны любые, даже самые непредсказуемые варианты. Была же уничтожена могила генерала Тотлебена в 40-е годы 20-го века на Братском кладбище в Севастополе, которую немецкие оккупанты «с большой помпезностью» восстановили в целях антибольшевистской пропаганды. А в городе Симферополе, в качестве места для постройки новых домов, использовали старое православное кладбище, не говоря уже о судьбе других!

Во время Великой Отечественной войны в Тотайкое могли находиться и немецкие, и румынские войска, возможно было и расквартирование по окрестным сёлах. Немцам, вроде бы, не имело смысла разрушать памятники генералу Кесслеру и членам его семьи, по тем же идеологическим соображениям.

Скуки ради, «это» сделали румынские солдаты – вряд ли, надписи на плитах сделаны на немецком языке (генерал фон Кесслер, Евгения фон Гасфорд, Эмилия фон Шайнфогель); одна на русском – «Мария Ферсманъ».

Татары из окружающих деревень – тоже большие сомнения: ведь Кесслеры открыли школу для их детей (есть фотографии). Вопрос пока остаётся без ответа; а само кладбище продолжает оставаться в относительно уединённом месте, даже сейчас, поблизости от него, всего лишь несколько небольших жилых домиков.

С некоторых советских времён, совсем рядом с захоронениями, проложили проезд к карьере для добычи щебня – теперь это «большая дорога» с беспрерывно проезжающими самосвалами. В альбомах 1985 года есть фотографии, на которых пионеры из ближайшей школы - интерната ухаживают за могилами, возлагают цветы к памятной доске на «Доме Кесслера-Ферсмана» и т.д. Вокруг «миникладбища» на снимках просматривается, косо расположенная деревянная оградка из штакетника; за габаритами, невдалеке – деревянный туалет. Понятно, что в «те времена» уже осуществлялся присмотр за кладбищем и были экскурсионные посещения приезжими туристами со всего Советского Союза, проводимые вышеупомянутой Маиной Семёновной. По-прежнему, бытует мнение, что здесь было пять и более могил, но, пока, мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть эту версию – слишком мало материалов и информации.

Захоронение Эдуарда и Евгении Кесслеров. Место погребения матери А.Е.Ферсмана.

В начале марта 2020года я очень внимательно осмотрел территорию захоронений и прилегающей к ним местности: в кустах есть камни, но это небольшие валуны, никаких следов надписей на них нет, особых обломков, похожих на части памятников, не нашёл. Рядом проходит мелкая «во времени» косая канавка, уходящая влево (бывшая дорога?). Само место очень похоже на спланированную бульдозером площадку – по двум габаритам возвышения грунта; захоронения находятся ниже, на настолько ровном месте, что на нём даже сделаны дорожки из небольшой плитки.

В архивах местного сельсовета нет никаких сведений об этом «кладбище»; видимо, надо искать их в записях евангелическо - лютеранских церквей ближайших приходов..

Информация к размышлению. Если присмотреться к памятникам, то можно увидеть некоторые

зазоры между деталями и если их разбирали с «благими целями», то когда?

Возможен такой вариант: после посещения А.Ф.Соседко в 1949 году могил родственников академика Ферсмана и обращения в партийные органы делу дали «ход» - было дано указание срочно привести в соответствующий вид место захоронений.

Если всё было, как описывает Александр Фёдорович: «полный развал, оград нет, склепы разрушены, памятник и плиты валяются, невозможно прочесть надписи», то проще всего было всё аккуратно разобрать (с планом-зарисовкой, что и где стояло), «разогнать» бульдозером площадку (влево-вправо до ровного, лишнее – в сторону) и поставить памятники на свои места (по мере возможности), да ещё оградки сделать одинаковые.

А, если ещё выложить дорожки из плиток, то будет вообще замечательно, хоть экскурсии теперь води! Но, ведь, «благими намерениями выстроена дорога в ад»: дело оказалось очень трудным, запутанным, надо было многое согласовывать, увязывать и пр., его постепенно спустили «на тормозах»; о чём красноречиво свидетельствует письмо в Литературную газету от 1970 года. Если оно было опубликовано, то «наше дело» могли срочно достать из «долгого ящика» и решительно покончить с этим возмутительным безобразием к великой радости читателей.

Это, конечно, всего лишь гипотетические предположения; возможно, участок захоронений был изначально сделан ровным, ведь на нём похоронен генерал-лейтенант инженерных войск Эдуард фон Кесслер. Тогда всё могло быть ещё проще: после статьи в газете быстро сложили плиты на свои места, поставили оградки вокруг могил, а старый хлам выбросили «от глаз подальше», всего и делов!

Здесь, возможно, есть некоторая историческая параллель с могилой Багратиона, захороненного сейчас, опять, прямо на Бородинском поле – сначала тело перевезли из места захоронения в селении Симы обратно, на поле сражения; потом в советское время (те же 40-е годы 20 века!) кощунственно достали останки, куда-то увезли, разбросав по сторонам части мундира и клочья волос покойного, потом привезли обратно к юбилею сражения и перезахоронили, всё красиво оформив – восхищайся, народ, подвигом князя Багратиона!...

Хотите ещё пример, пожалуйста, ярче не бывает – Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, один из первооткрывателей Антарктиды был со всеми почестями похоронен в Кронштадте; на ваш вопрос о возможности увидеть могилу и поклониться его праху вы получите стыдливый ответ: не сохранилась!!!

Так что не исключена возможность облагораживания участка с некоторой рекультивацией, но для этого, безусловно, нужно было разрешение местных властей на проведение этого мероприятия.

И, как всегда, возможны варианты: либо «с помпой» и статьями в газетах; либо наоборот – очень тихо, в течение нескольких ночей, при грамотной организации.

А ещё интересно – все три памятных мраморных плиты выполнены в одном общем стиле и, как будто, из одинакового камня?!

Вообще, дело это - очень сложное, запутанное: совсем небольшое семейное кладбище, расположенное на «своей» земле, в уединённом месте, нигде особо не числилось.

И если бы академик А.Е.Ферсман не провёл бы свои детские и юношеские годы в Тотайкое (ныне – Ферсманово), то об этом кладбище никто бы и никогда не вспомнил.

Сейчас оно пока находится в относительно нормальном состоянии, вокруг могил – покрашенные металлические ограды, с высаженными внутри цветами; в Интернете можно прочесть статьи о недавнем его посещении местными волонтерами.

Да, кстати – от могилы деда академика Ферсмана (по отцовской линии) генерал-лейтенанта русской армии Александра фон Ферсмана на Волковском лютеранском кладбище в Санкт-Петербурге к 2010 году остались одни обломки с полным уничтожением семейного захоронения...

Теперь, немного, о расшифровке надписи на памятной плите генералу Эдуарду фон Кесслеру, сделанной латинским шрифтом на немецком языке.

Сейчас в Интернете можно найти много интересующих нас изображений и плиты, и памятника целиком. Подписи под фотографиями не всегда правильны, но это никого не смущает: главное – «позиционировать себя», несколько слов надписи утрачены во времени – это тоже «ни о чём»! Есть несколько попыток перевода текста эпитафии генералу, состоящей из четырех строк. В одном варианте переведены только последние две строчки: «Твёрдой воле и добродетели, посвящённой нам». Начало другого перевода немного похоже на симбиоз современного «рэпа» и базовых слов из известного стихотворения Александра Блока. Судите сами: «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека» - «Монумент. Останки. Деревья. Камень.»

Полностью текст этого перевода выглядит таким образом: «Монумент бранным останкам. Камень, обросший деревьями. Памятник твёрдой воле и добродетели, посвящённой нам». (Однако, в тексте надписи – эпитафии нет ни одной точки!)

В марте и апреле 2021 годов мы, с супружеской четой Голенко, сделав большое количество фотографий, разобрались с почти исчезнувшими цифрами дат рождения и ухода из земной жизни супруги генерала – в девичестве Евгении фон Гасфорд, бабушки академика Ферсмана. Следующим этапом наших действий стала окончательная расшифровка эпитафии с попыткой восстановить утраченные слова. За основу были взяты снимки наших хороших знакомых: Ивана Коваленко, Полины Морозовой и, конечно, наши.

Первые две строчки достаточно хорошо сохранились и напрямую, по словарю, переводятся, как: «Монумент земной оболочке есть это дерево вокруг растения...», далее, в окончании второй строки, идёт слово «STEIN» – камень. В начале третьей строки отсутствуют несколько букв или два коротких слова, здесь надо найти что-то подходящее по смыслу и размеру; в продолжении абсолютно правильно: «памятник твёрдой воле...». В начале четвёртой строки отчётливо видна буква «С», далее – только хвостик от «R», вторая головоломка. Дальнейший перевод не вызывает сомнений – «твоей добродетели, нам посвящённой». Теперь, с этого места, помедленнее.

Ещё со школьной скамьи нам известно, что дословно переводить немецкий текст на русский язык нельзя категорически – обязательно нужно осмысление текста с литературной обработкой. Именно так и надо поступать в нашем случае, не спеша, разбираться со всеми возможными вариантами.

Есть красивая версия прочтения надписи с использованием аллегорических изображений на плите, они прекрасно сохранились по всей своей высоте. Мы видим высокую, большую ветвь с листьями (возможно лаврового дерева), изогнутую влево, через всю её длину – изображение сабли или шашки в ножнах, а посередине – объёмное изображение

симпатичной мордочки умной собачки. Всё вместе взятое может символически означать: ветвь пересаженного дерева (ведь генерал родился в Восточной Пруссии), далее - он был награждён золотой шпагой «За храбрость», а собачка – символ верного и преданного служения своей второй родине – России. После консультаций с уважаемыми людьми, в том числе и пастором Петрикирхе Михаэлем, выяснилось, что у немцев нет такой традиции - отображать жизненный путь человека аллегориями, но, тем не менее, они присутствуют на памятнике генералу Эдуарду Кесслеру.

В начале января 2022 года Елена Николаевна Голенко, по нашей просьбе, прислала фотографию, интересующей нас отмытой части надписи со щербинами и выбоинами, сохранившиеся буквы и их фрагменты стали видны более отчётливо. Поскольку смысл фразы от этого сильно не изменится, то, возможно, в начале третьей строки было написано «IN STILLE» - в тишине, безмолвии. Далее - предположительно, что четвёртая строчка начиналась со слова «CAESAR», в латинской транскрипции, стали видны небольшие хвостики от букв «S» и «R». И, что самое главное, содержание текста от этого не пострадает. Можно трактовать перевод этого слова, как «полководец», но, есть мнение, что вырезать его на камне без артикля было бы грубой ошибкой. (Хотя слово «Цезарь» с артиклем - тоже «нонсенс» и в нашем случае вполне допустимо сравнение с великим полководцем?!)

Но, на данный момент, других вариантов прочтения у нас просто нет.

После очередного обращения к лингвистам удалось узнать, что «земная оболочка» правильно переводится, как «бранные останки»; труднее всего оказалось с «деревом вокруг растения». На немецком языке – это одно сложное слово, в его составе «BAUM» - дерево и «UM» - вокруг, и существительное «PFLANZTE» - растение. Понятно, что использование прямого перевода здесь совсем неуместно, надо идти другим путём. Теперь из множества вариантов надо было выбрать что-то подходящее для эпитафии, например, «камень в тишине, у (посаженного, пересаженного) вьющегося, растущего дерева» и т.п.

В итоге, мы пришли к первоначальному полному переводу, приведённому выше, с небольшими изменениями и дополнениями, возможно, более интересными. Вот текст нашей основной версии: «Монумент бранным останкам есть этот, окружённый деревьями, камень в безмолвии; памятник негибаемой воле и твоей добродетели, нам посвящённой».

Другой вариант – перевёртыш упрощённый, русский: «Этот камень, в тишине, посреди деревьев - монумент твоим земным делам; памятник твёрдой воле полководца и твоей добродетели, нам посвящённой». Безусловно, возможны и другие прочтения, но суть и смысл останутся неизменными.

Впереди ещё много работы по теме заголовка – при малейшей возможности встретиться с Маиной Семёновной, попробовать найти её бывших учеников школы-интерната, ухаживавших за могилами семейного захоронения Кесслеров (возможно, они что-то вспомнят), да и фраза из письма - «склеп перед памятником совсем провалился» тоже не дает покоя. Но, тем не менее, приятно осознавать тот факт, что ещё одним «белым пятнышком» в наших исследованиях стало меньше.

Глава 4. Крым был первым моим университетом

27 октября 1883 года (по старому стилю) в семье будущего генерала Е.А.Ферсмана и его жены Марии Эдуардовны (урождённой фон Кесслер) произошло очередное радостное событие – у них, с полуденным выстрелом пушки Петропавловской крепости, родился сын (двумя годами ранее появилась на свет дочь Вера). В середине декабря, на квартире родителей, он был крещён в лютеранскую веру и наречён Александром.

Его отец Евгений Александрович (сын генерал-лейтенанта Александра фон Ферсмана) - поручик русской армии, выбравший военную карьеру. Мать – дочь генерал-

лейтенанта Эдуарда фон Кесслера, получившая прекрасное и разностороннее образование.

Вскоре Е.А. успешно заканчивает учёбу в академии Генерального штаба и получает назначение на службу при штабе Одесского военного округа. Вся семья переезжает на постоянное жительство в Одессу; летние месяцы дети с мамой проводят в гостях у её старшего брата – Александра, живущего в селении Тотайкой, недалеко от г. Симферополя.

Вместе с такой же, как он, шестилетней детворой, на ближайшей от дома каменистой горушке, юному Саше Ферсману удалось открыть жилку горного хрусталя – потом другую, третью. В них на стенках сидели правильные шестигранные пирамидки совершенно прозрачных кристаллов. А в другой раз, на чердаке старого помещичьего дома, ребята нашли настоящий «клад» - большой запылённый ящик, с коллекцией камней, с маркировкой даже самых простых, невзрачных образцов. С этого момента и началось увлечение минералами будущего академика «на всю оставшуюся жизнь».

Недалеке от дядиного дома, за речкой Салгир, проходила дорога из Симферополя в Алушту.

Когда для её ремонта привозили материалы с ближайших каменоломен, для ребят это был «просто праздник» - каких камней там только не было: известняки, мраморы, агаты и яшмы!

А в горе около селения Курцы, в трещинах вулканического камня лежали листы каменного картона (горной кожи, мягкой на ощупь), Этот удивительный минерал Александр подробно опишет во второй своей монографии в 1913 году, включив его в группу палыгорскитов.

Вместе с Сашей Ферсманом растёт и его минералогическая коллекция. Далее на его пути - Одесский порт, корабли со всего света сбрасывают балласт (надо исследовать!), в Коктебельской бухте он собирает халцедоны, сердолики, агаты. Вместе с мамой он неоднократно посещает Карлсбад с его огромным разнообразием камней, получает неизгладимое впечатление от коллекций Венского музея; мраморы Парфенона приводят его в священный трепет.

Через много лет, свою книгу «Путешествия за камнем» академик А.Е.Ферсман начнёт с главы «Крым», в которой очень подробно расскажет о начале своего увлечения минералогией.

А ещё в своих воспоминаниях о тех временах он напишет, что: «...И в детских и юношеских мечтах мне рисовались картины будущего – большие экспедиции за камнем, мы находим целые гроты горного хрусталя, таинственные сталактитовые пещеры ведут нас к подземным рекам, щётки аметистов выстилают громадные жилы». Юный Саша Ферсман уже твёрдо наметил свой путь, собираясь, в будущем, поступить в университет или горный институт...

Александр начинает учёбу в Одесской гимназии, часто болеет, помощь в «самообразовании» ему оказывает мать – Мария Эдуардовна; в 1901г. он оканчивает обучение в гимназии с золотой медалью. В августе этого же года А.Е. успешно сдаёт экзамены в Новороссийский университет в Одессе. Сразу же разочаровавшись скучными лекциями по описательной минералогии,

он начинает увлекаться другими дисциплинами: историей искусств, политэкономией, геофизикой и молекулярной физикой.

Но, к счастью, в его жизни происходит резкий перелом - в 1903г. отца направляют в Москву директором кадетского корпуса. Александра переводят в Московский университет для учёбы и работы в минералогическом кабинете под руководством знаменитого профессора Владимира Ивановича Вернадского.

Читая свой курс, В.И. говорил о строении всей планеты и её составляющих, рассказывал о круговороте химических элементов в природе. Его лекции о происхождении минералов, истории их образования просто ошеломили Александра Ферсмана. Для него стало большим открытием то, что минералы в природе – это не что-то постоянное, неизменное; оказалось, что они, под воздействием времени и внешних факторов, могут расти, видоизменяться, превращаясь в другие соединения и так происходит постоянно.

Студент Ферсман так увлёкся минералогией, что Вернадскому пришлось напомнить ему, что надо обратить внимание и на другие предметы, готовиться к выпускным экзаменам.

В 1907 году в жизни А.Е.Ферсмана произошло несколько различных событий – он получил диплом первой степени об окончании Московского университета (по специальностям: геология, палеонтология и минералогия). Профессор В.И.Вернадский даёт ему блестящую характеристику: «... Студент Ферсман работал у меня несколько лет с выдающимися успехами по минералогии и кристаллографии... Он обладает исключительной эрудицией для своего возраста, ...перед Ферсманом открывается широкая научная будущность». Его оставляют в университете для подготовки к профессорскому званию под руководством В.И.Вернадского.

9 мая этого же года Александр венчался первым браком с княжной Ольгой Николаевной Оболенской, в церкви училища, которым руководил его отец.

В июне 1907г. Александра отправляют в научную заграничную командировку для стажировки по избранной им специальности. Он длительное время работает в лаборатории известного немецкого кристаллографа В.Гольдшмидта, кропотливо изучая алмазы, специально отобранные им из десятков тысяч карат; иногда этим приходилось заниматься до 15 часов в сутки.

Блестящим завершением совместных исследований стала публикация монографии «Der Diamant», изданной в 1911 году в Гейдельберге вместе с атласом, великолепно зарисованных лично Ферсманом различных форм алмазов (около 300 фигур).

Эта работа стала настоящим открытием для всего научного мира – оказалось, что несокрушимый, самый твердый на Земле минерал может видоизменяться: частично растворяться и даже расти!

И снова о грустном – в середине октября 1908 года, после тяжёлой болезни скончалась мать А.Е., для него это было очень большой утратой. Волею судеб он принимает самое непосредственное участие в скорбном процессе подготовки и в самих похоронах.

Мария Эдуардовна, дочь генерала Кесслера, была погребена рядом со своими отцом и матерью, на том же небольшом семейном кладбище, на её могиле – красивый памятник из белоснежного местного мрамора...

После возвращения на родину, в 1909 году, за свои научные труды А.Е.Ферсман первым получает золотую медаль им. А.И.Антипова, которую Минералогическое общество присуждает молодым учёным.

Он начинает читать лекции в недавно образованном Народном университете им. Шанявского, там в 1910г. его избирают профессором минералогии (здесь же, в 1912г., А.Е., впервые в истории мировой науки, начинает читать лекции по совершенно новой науке – геохимии).

В 1911г., в знак протеста против реакционных действий министра просвещения Кассо, более 120 профессоров Московского университета покидают его стены. Для дальнейшей работы на благо науки В.И.Вернадский и А.Е.Ферсман переезжают в Петербург. В.И. возглавил Геологический

музей Академии наук, а А.Е. назначили в нём старшим учёным хранителем Минералогического отделения, так началась его длительная деятельность в Императорской Академии Наук.

Вскоре Ферсман был избран профессором минералогии знаменитых Бесстужевских высших женских курсов – чтение лекций по кристаллографии и геохимии.

Летом 1912г., в составе экспедиции во главе с В.И.Вернадским, А.Е. впервые посещает Урал. Они побывали, в-частности: в окрестностях Екатеринбурга, Кыштыме, Ильменских горах, обследовали бассейны рек Адуй и Реж. Именно с этого момента начались дальнейшие многочисленные поездки Ферсмана по различным российским губерниям, с целью минералогических исследований.

В 1913г. он был награждён светло-бронзовой медалью в связи с празднованием юбилея дома Романовых, в мае месяце у него родился сын Александр, а летом АН командировала его в Пермскую, Оренбургскую и Уфимскую губернии для изучения местных месторождений.

Во время Первой мировой войны А.Е. дважды побывал на фронтах – Западном и Юго-Западном в качестве представителя Комитета Военно-технической помощи, занимался вопросами обеспечения армии сырьевыми ресурсами. В 1913 году Высочайшим Приказом по гражданскому ведомству ему был пожалован орден святого Станислава 3-ей степени.

В феврале 1915г. при АН была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), под председательством В.И.Вернадского. А.Е.Ферсман активно включился в работу комиссии, продолжая искать, обследовать, изучать возможные районы нахождения полезных ископаемых для нужд фронта. В 1916-17г.г. А.Е. продолжал свои посещения с теми же целями – побывал в Тверской, Пермской, Эриванской губерниях, в Крыму, на Среднем Урале, Рудном Алтае, на границе с Монголией и во многих других местах.

После Октябрьской революции из отделов КЕПСа были постепенно выделены самостоятельные научно-исследовательские институты: Географический, Радиевый, Почвенный, Керамический, Оптический, Геохимический и другие. В становлении этих институтов А.Е. сыграл исключительно важную роль – был директором многих из них. Он вёл очень большую организационную и административную работу, активно участвовал в многочисленных заседаниях, советах, комитетах в непростой период укрепления новой, советской науки.

В феврале 1919г., в возрасте 35 лет, А.Е.Ферсман был избран действительным членом Академии наук. В мае 1920 года, по просьбе управления Мурманской железной дороги, он, вместе с президентом АН А.П.Карпинским и геологом Герасимовым, едет в Мурманск для обсуждения вопросов, связанных с хозяйственным строительством «в краю непуганых птиц».

Дорога, спешно построенная для военных нужд, потеряла своё значение – возить стало нечего. Во время долгой вынужденной остановки академики поднялись на ближайшую гору и тут выяснилось, что многие встретившиеся минералы им вовсе незнакомы. Здесь и началась «хибинская эпопея» Ферсмана на долгие времена.

Уже в сентябре этого года А.Е., с группой молодых энтузиастов-студентов, начинает первые исследования Хибинских гор в поисках полезных ископаемых; эти работы велись в течение пяти лет, в очень трудных условиях. В результате было набрано огромное количество образцов и открыто около сотни проявлений различных минерализаций.

Но, самое главное, были обнаружены многочисленные выходы апатито-нефелиновой породы, а более поздними экспедициями найдены её запасы, исчисляемые миллиардами тонн.

В состав апатита входит фосфор, столь необходимый для роста растений; эта находка могла не только обеспечить фосфорными удобрениями всю Россию, но и дать возможность поставлять их на экспорт, что было крайне важно для молодой советской страны.

Кроме руководства Мурманской железной дороги, денег для продолжения исследований ни одно центральное ведомство не дало. А.Е. пришлось бороться с косностью учреждений, недоверием

хозяйственников и за предоставление кредитов. Только в мае 1929 года дело сдвинулось с «мёртвой точки», было ассигновано 250000 рублей (в 1925г. Мурман. ж.д. – 700руб.) и закипела работа. В короткие сроки были построены: очень нужная автомобильная дорога к месторождению и железнодорожная ветка от «станции» Апатиты (Белая); началось строительство посёлка рядом с будущим рудником, у горы Кукисвумчорр.

Всё это стало возможным только благодаря горячей поддержке С.М.Кирова, на встрече с которым академик Ферсман подробно рассказал об огромных перспективах освоения Хибин.

Далее было начато строительство г. Хибиногорска, обогатительной фабрики, ж.д. станции, шла подготовка базы научных экспедиций. Освоение Хибин развивалось стремительными темпами; в горах были найдены руды редких земель, молибдена, ванадия, тория, циркония, титана и многих других.

Районы работ «ферсмановских» экспедиций расширялись, в очень тяжёлых условиях началось освоение Монче-тундры; в результате героических усилий там было открыто огромное месторождение медно-никелевых руд...

В мае 1922г. А.Е. был избран директором Геологического и Минералогического музея Академии Наук; в это же время им были организованы экспедиции в Хибинские и Ловозерские тундры, для продолжения изучения Центральной части Лапландии.

В 20-е годы он, в качестве представителя АН, принимает активное участие в работе Комиссии по оценке ювелирных ценностей и украшений, реквизируемых советской властью; знакомится с Агафоном Фаберже, приглашённым в качестве эксперта по драгоценным камням. 24 января 1924 г. вице-президент РАН В.А.Стеклов и А.Е.Ферсман присутствуют на похоронах В.И.Ленина в Москве; в том же году вышла в свет книга «Алмазный фонд СССР», с тремя главными статьями «от Ферсмана».

С 1924 по 1926г.г. Ферсман временно исполняет обязанности директора Радиевого института, в отсутствие В.И.Вернадского (вопросами радиевого сырья А.Е. занимается с 1918года).

1925 год, «простое» перечисление поездок академика : весна –Туркмения, урановый рудник Туя-Муюн; июль, август – Урал, Изумрудные копи; август, сентябрь - Германия, Норвегия, Швеция; а в октябре – Центральные Кара-Кумы.

А.Е. вместе с Д.И.Щербаковым организовали поездку на верблюдах через пустыню к холмам, вершины которых состояли из сплошной серы. По размерам самого большого, под названием Дарваза, подсчитали объёмы – получились миллионы пудов; это было впервые найденное месторождение серы в Советском Союзе! Через три года в сердце пустыни, с помощью колоссальных усилий, были построены несколько серных заводов.

В 1927 году А.Е. предложил организовать Институт аэросъёмки и стал его первым директором.

В 1928 г. Ферсман продолжает заниматься проблемами доставки сырья серы к железной дороге; участвует в «Неделе науки» в Берлине, читает научные доклады за рубежом; представляет Академию наук на Всесоюзном геологическом съезде. В этом же году ему была присуждена Ленинская премия «За лучшую работу по химизации Советского Союза».

В 1930г. на базе Минералогического музея был образован Институт минералогии и геохимии, директором назначен А.Е.Ферсман.

Весной того же года была построена скромная первая научная станция в Хибинах, около озера Малый Вудъявр; а в апреле 1932г., закончилось строительство следующего, уже большого здания, ему дали название «Тиэтта» (знание – на саамском языке).

Всё это происходило под руководством и при непосредственном участии самого академика, директора Горной станции с 1930 по 1945 год; в 1934г. она была реорганизована в Кольскую базу АН СССР.

1931г. – вышел из печати фундаментальный труд А.Е.Ферсмана «Пегматиты».

В мае 1931 г. А.Е., вместе со своими верными помощниками, Д.И.Щербаковым и А.Ф.Соседко, совершает ознакомительную поездку на машинах в Кызыл-Кумы с исследовательскими целями. В 1932 году он выступает с инициативой создания на Урале филиала Академии наук и становится его первым председателем - с 1932 по 1938г.

В следующем году был напечатан первый том знаменитого научного труда академика Ферсмана «Геохимия»; в конце года А.Е. был командирован в научных целях в Чехословакию и Германию. В Чехословакии у него неожиданно резко ухудшается здоровье и происходит сильнейший нервный срыв, консилиум врачей просто не знает, от чего надо лечить Ферсмана. В начале 1934 г. академик пишет два научных письма Д.И.Щербакову - второе из них А.Е. называет «завещанием»; но уже в марте осматривает радиевые рудники в Иоахимове! Далее – Урал, Кыштым, Ильмены . 1935г. А.Е. назначают Председателем метеоритной комиссии АН СССР; он снова участвует в автопробеге по Уралу и ещё успел побывать на Кольском полуострове.

Очень тяжёлым для здоровья Ферсмана оказался тревожный 1937 год. В марте его увозят из Хибин с сильнейшим приступом болезни печени; в течение года – лечение в лучших больницах, курорты – Сочи, Сухуми, Батуми, Тбилиси. Однако, устойчивого улучшения здоровья не наступило. А в это время, «компетентные» органы активно собирают на него компромат: высказывания Г.Пронченко, члена Мурманского обкома большевиков «о враге народа, пытающемся скрыть огромные запасы апатита», допрашивают сотрудников «Тиетты»; этому способствуют разгромные статьи в газетах «Правда» и «Кировский рабочий» - не тем занимаются, ловят кузнечиков и бабочек, в то время, когда... Дело дошло до самых «верхов», там разобрались и решили: «считать обвинение в самоустранении от руководства базой необоснованным».

В 1937 году А.Е. был избран Почётным членом Американского и Лондонского минералогических обществ и генеральным секретарём Международного геологического конгресса в Москве. Летом 1938г. он лечится в Кисловодске, в одном из санаториев; но даже здесь, среди камней для изготовления ограды, обнаруживает желваки с голубыми кристаллами целестина внутри – в результате поиска было найдено основное место их нахождения.

В начале января 1940г. Ферсман проводит научную конференцию в Кировске, на Кольской базе АН; в феврале лечится в санатории АН «Узкое; после поездки на Север, в составе бригады учёных, в Ухту – снова приступ, летом - курс лечения на водах: Кисловодск, Железноводск.

В этом году А.Е. начинает свои выступления по радио с циклом лекций; а ещё «урановая тройка» - академики Вернадский, Ферсман и Хлопин, направила в правительство письмо «...о важности решения вопроса о техническом использовании внутриатомной энергии и принятии ряда мер, чтобы не отстать в решении этого вопроса от зарубежных стран»!

1941 год, с января до мая – совещания, доклады; май – Сочи, Ривьера. Начало войны А.Е. встретил в Хибинах, работа сессии была прервана налётом немецких бомбардировщиков...

Под руководством А.Е. была создана Комиссия помощи Красной Армии, в теснейшем контакте с различными военными организациями в её составе работало 150 научных сотрудников.

Он возглавляет оборонные комиссии по аэрофотосъёмке и маскировке, стратегическому сырью (многие крупные месторождения угля, железа, марганца и т.д. были захвачены немцами, надо срочно вводить в строй новые мощности!); занимается работами по водоснабжению войск, военной географии, подземным выработкам; заканчивает свой очередной научный труд «Полезные ископаемые Кольского полуострова».

За эту работу в 1942г. ему будет присуждена Сталинская премия первой степени.

В середине декабря 1942г. – резкое ухудшение здоровья : сердечный приступ и головное кровоизлияние – Кремлёвская больница; далее, летом 1943г. - санаторий «Узкое», затем следует длительное восстановление до января 1944г.

В январе 1943г. Лондонским геологическим обществом А.Е. был награждён палладиевой медалью

им Волластона, а в день 60-летия правительством СССР – орденом Трудового Красного Знамени. Пользуясь небольшими улучшениями в состоянии здоровья, А.Е. продолжает работать, не щадя себя. Но, декабрь 1944г., он в тяжёлом состоянии – снова Кремлёвская больница.

Февраль-март 1945г. - «Узкое», середина апреля – санаторий в Сочи (юг противопоказан!), там ему стало гораздо лучше. Радостно встретил День Победы с женой Екатериной Матвеевной, тут же новые планы – на Кольский п-ов! Вечером 20 мая почувствовал себя плохо, срочно – лечащего врача; в 22ч.45 мин. академика Александра Евгеньевича Ферсмана не стало.

Окончательный диагноз – гипертония, склероз головного мозга.

На гражданской панихиде в Минералогическом музее АН СССР (проститься пришла вся научная Москва) выступали крупнейшие учёные, руководители Академии Наук, друзья и соратники А.Е. Вот что сказал академик В. А. Обручев: «Очень трудно поверить, что академик Ферсман умер. Мы всегда знали его таким сильным, весёлым, оптимистичным. Сказать, что от нас ушёл выдающийся учёный, будет недостаточно. Мы потеряли большого человека с безгранично широкими интересами и неограниченными возможностями и дарованиями, творца науки, оратора, учителя, обладавшего неоценимым даром заражать всех окружающих своей неугасимой энергией».

А.Е. похоронили на Новодевичьем кладбище со всеми почестями, недалеко от любимого учителя В.И.Вернадского, ушедшего из жизни в январе 1945года...

P.S. Камни Крыма были «первой любовью» академика Ферсмана, именно они повлияли на его решение стать кристаллографом и геохимиком. В 6 лет – горные хрусталики и красивые камешки из реки Салгир; с 10 лет Саша постоянно в карьере около Курцов: лист горной кожи (пальгорскита) навсегда поразил его воображение, в этом же карьере он находил уэльситы, цеолиты, курциты в порфириновых породах. На Сакском озере его лечили грязями и смывали солёной рапой; повзрослев. А.Е. напишет интересную статью про кристаллы из этого озера. Недалеке от Симферополя – Алушта, Ферсман определит состав найденного посреди скал, недалеко от Алушты, минерала и назовёт его алуштитом. В VII томе своих «Избранных трудов» он посвятит Крыму целых два раздела. Им было написано более 30 научных статей про крымские минералы. В Крыму началось его становление, волей судьбы академик А.Е.Ферсман закончил свой жизненный путь около своего любимого Чёрного моря...

Его именем в Хибинах названы: гора, река, ущелье и перевал; улицы - в городах Оленегорске, Мончегорске; в г. Апатиты - площадь и улица, на которой, рядом с Горным институтом, установлен бюст академика. Горно-технический техникум в г.Кировске и Дом детского творчества в Апатитах также носят имя Ферсмана.

В целях увековечения памяти А.Е. с 1955г. Минералогический музей АН СССР в Москве стал называться «имени А.Е.Ферсмана».

На Урале, в городах Екатеринбурге и Миассе, тоже есть улицы Ферсмана.

В Санкт-Петербурге, на «Доме академиков», на Васильевском острове, установлена памятная доска с надписью «Здесь с 1920 г. по 1936 г. жил академик Александр Евгеньевич Ферсман, выдающийся геохимик и минералог».

Горы им.Ферсмана возвышаются на полуострове Таймыр, на Курилах, в Антарктиде; горному пику на Памире, вулкану на Камчатке и кратеру на Луне присвоено имя А.Е..

Один из впервые открытых в Хибинах минералов назвали ферсманитом, второй - ферсмит, был найден в Вишнёвых горах на Урале.

По всей России, на многих домах и объектах, в местах пребывания А.Е., установлены мемориальные доски. Есть таковая и на «Доме Кесслеров-Ферсмана» в посёлке Ферсманово - там, где начинал свой путь в науку юный Саша Ферсман.

Глава 5. Крымский сердолик – один из самых любимых камней академика Ферсмана.

Химическое соединение двух самых распространённых элементов земной коры – кремния и кислорода называется диоксидом кремния или кремнезёмом. Сердолик – это одна из самых востребованных человечеством многочисленных разновидностей кремнезёма.

Испокон веков, у многих народов мира ему приписывались магические и целебные свойства. Ещё с незапамятных времён, с глубокой древности, жители Индии, Египта, Греции, Месопотамии уже научились понимать и ценить красоту этого камня.

В Египте в большом почёте были красный и жёлтый сердолики, напоминающие цвета Солнца. Судите сами: частица небесного светила, чудесным образом отражённая в этом камне – это сразу же и амулет, и талисман, и оберег, и украшение!

Академик Ферсман считал сердоликом только красный халцедон (карнеол), его классический цвет можно увидеть на пекторали из гробницы Тутанхамона. В наши времена понятие «сердолик» значительно расширилось, сейчас его спектр – от нежно-розового до густого, тёмно-коричневого цвета. Наиболее известные места нахождения этого камня находились в Аравии, Индии, Китае,

Монголии, Японии ;

а в России – на Чукотке, в Сибири и в Крыму (гора Кара-Даг).

Начало использования сердолика в качестве украшений восходит к находкам в египетских гробницах – усыпальницах и пирамидах фараонов. В начале 30-х годов 20-го века, в результате археологических раскопок на берегах Тигра и Евфрата, был найден древнейший город Ур (4000 лет до рождения Христа).

В усыпальнице царицы Шуб-

Ад (имя на каменной печати) нашли бусы из сердоликов, агатов, халцедонов, в диадеме царицы – золото и сердолик; а в многочисленных погребениях на мужских и женских скелетах были украшения из лазурита и сердолика. Примерно в это же время, в гробнице Тутанхамона, среди огромного числа сокровищ, нашли ритуальные украшения из сердолика: амулеты в форме сердца с разнообразной резьбой, голову змеи – талисман для защиты в потустороннем мире. А один из гробов («золотой») был инкрустирован лазуритом, бирюзой и «нашим» камнем.

Опять же, в конце 30-х годов 20-го века, недалеко от г. Моздока был случайно обнаружен скифский некрополь VII - VI века до н.э. В одной из могил была похоронена женщина, вместе с бронзовым зеркалом и сердоликовыми бусами. Практически при всех археологических раскопках древних могильников в Средней Азии, на Ближнем Востоке, скифских курганах в Поволжье, Прикаспии и Крыму также были найдены различные украшения из сердолика .

В древние времена существовало разделение цветов сердолика на «мужской» - красного оттенка (карнеол) и «женский» - нежно-розовых тонов (кожа ангела).

А в средние века его называли акиком, ахиком. Среднеазиатский учёный Аль-Бируни, живший

в X-XI веке, описывает акик, как минерал жёлтого и красного цветов, который добывают в Индии. В одной из своих работ он рассказывает и о языческой святыне – каменном идоле бога Хубала, из красного сердолика, находившемся в Каабе в доисламские времена. Когда Мухаммед захватил Мекку, он, первым делом, повелел разбить статую Хубала.

Красный акик также упомянут и в поэме татарского поэта Кул - Гали, жившего в XII веке – «акик багряноликий...» и почитался татарами, как «национальный камень».

Немного о резьбе по камню. Сначала это были фигурки скарабеев (божественный жук в Древнем Египте) и плоские печати. Материалом для них служили относительно мягкие камни: халцедон, яшма, сердолик. В одном из скифских захоронений были найдены две печати из халцедона.

Одна из них, с клинописным текстом, датируется серединой II-го тысячелетия до н.э., другая датируется приблизительно V-ым веком до н.э. На ней – уже целая картина: изображение мифического бога с крыльями, львы, воины с копьями. Про печать, по которой было определено имя царицы, уже написано ранее.

Позже появились цилиндрические печати – вырезанное на них изображение аккуратно прокатывали по поверхности папируса; оно занимало большее количество места, чем печать плоская. В Древнем Риме и Греции практически каждый знатный гражданин имел свою резную печать, которую невозможно было подделать. Фигура, изображённая на ней, зависела только от пожелания владельца – это могли быть монограмма или изображение античного бога.

Если немного уменьшить размер изделия – вот вам и перстень с личной печаткой; дальше будут инталии, позднее – геммы, камеи, но это уже высочайшее искусство резьбы по камню, которым мы восхищаемся и по сей день.

Нам уже известно, что печати (и не только они) изготавливались из халцедонов, сердоликов, яшм и прочих камней. С сердоликом мы уже немного разобрались; а халцедон – это тоже минерал кремнезёма, только волокнистой формы. Он может быть прозрачным, полупрозрачным и пёстроцветным. Некоторые из халцедонов под влиянием времени и солнечных лучей смогли видоизмениться в карнеолы и сердолики. Далее – сардер (сард), это халцедон красно-бурого, жёлто-бурого, коричневого цветов. Теперь, не спеша: агат, это полосчатая разноцветная разновидность халцедона, с «рисунком» внутри. А оникс – агат с обязательным чередованием параллельных полос разного цвета (например, белого и чёрного).

Поэтому, по большому счёту – все эти халцедоны, сердолики, ониксы, сардониксы, агаты, карнеолы есть просто разновидности кремнезёма!

Кстати, «загадочный, таинственный и благородный» опал – тоже кремнезём, только с небольшим содержанием воды в минерале.

Про Крым. В Центральном государственном историческом музее г. Москвы можно увидеть сердоликовое ожерелье из сорока пяти камней, рядом с бирюзовым браслетом и жемчужными бусами. Все эти предметы являются частью клада симферопольского вельможи.

А в Татарстане, в музее Булгарского заповедника находится ожерелье из сердолика с камнями разнообразной геометрической формы.

Где же брали эти акики (красные сердолики) волжские булгары? Спартак Фатыхович Ахметов – учёный, автор многих научных статей, геммолог, писатель – фантаст, друживший с Иваном Антоновичем Ефремовым, в одной из своих книг даёт однозначный ответ: «На горе Кара-Даг, в Крыму, который в те времена входил в территорию Волжской Булгарии».

Более подробно об этом можно прочитать в книге «От авантюрина до яшмы», написанной им совместно с супругой Галиной Леонидовной. Они работали вместе в НИИ синтеза минерального сырья, занимались выращиванием искусственных гранатов, рубинов, alexandритов и т.п.

Очень интересна глава «Коктебельские камешки», в ней рассказывается о пребывании в тех местах писателя Константина Паустовского, Осипа Мандельштама, Михаила Булгакова, академика

Ферсмана, писателя-фантаста Ивана Ефремова вместе с женой Таисией Иосифовной; приводятся цитаты из стихов Марины Цветаевой, Мандельштама и самого Максимилиана Волошина – художника и поэта.

Интересен также рассказ об одном из сердоликовых перстней А.С. Пушкина с точным описанием перстня, который демонстрировался на первой пушкинской выставке в Санкт-Петербурге, в 1880 году. Из сообщения в газете: «Этот перстень – крупное золотое кольцо витой формы с большим камнем красного цвета и вырезанной на нём восточной надписью».

Камень был восьмиугольной формы, с грубо вырезанной надписью на древнем языке, украшенной сверху и снизу орнаментом. Специалисты определили этот камень, как сердолик. По мнению С.Ф. Ахметова, он, скорее всего, был найден на коктебельском побережье, в хорошо известной нам бухте, а надпись на нём была сделана также в Крыму - в Чуфут-Кале (Джужфут-Кале)... В.А.Супрычёв, известный минералог, прекрасный знаток камней Крыма, пишет о них в своих многочисленных статьях и очерках. А в книге под названием «Крымские самоцветы» он самозабвенно рассказывает о красотах Карадага с прилегающими к нему горами, и о своём любимым камне – сердолике. Одна из лучших глав посвящена рассказу о «сердоликотерапии» - методе биолога Евгении Ивановны Бадигиной, основанном на использовании естественной «радиации» камня с обязательными белыми полосками.

Одна из легенд про академика А.Е.Ферсмана гласит, что заскучал однажды он по любимым камешкам из Сердоликовой бухты, а тут, как раз, в экспедицию на Кара-Даг собрался ехать В.И.Крыжановский. И попросил Александр Евгеньевич его привезти немного сердоликов, поузорчатее да поцветастее. Исполнил просьбу академика Крыжановский, привёз в Московский Минералогический музей образчиков карадагских.

А Бадигина Е.И. – биолог по образованию, была в это время в командировке в Средней Азии и узнала, что лечат там хвори разными прикладыванием к больному месту нагретых камней. Приехала в Москву, пошла в «Минералогический» и попросила немного разноцветных камешков, для опытов с растениями. Конечно же, чуткие работники музея не могли отказать ей в такой пустяковой просьбе и подарили несколько сердоликов из заказа «самого Ферсмана».

И начала Бадигина выращивать дрожжевые культуры с помощью «наших камней». Дело пошло на лад, да ещё как пошло! Всё стало расти гораздо лучше в присутствии нагретых камешков заветных. А было это дело в далёком 1935 году. Дальше – больше...

Придумала она брать небольшой кусочек сердолика с белой полоской и закреплять его в фен или какое другое устройство, позволяющее нагревать камешек (примерно 30 гр. весом), и обдывать открытую рану, больное место в течение некоторого времени (от 5 до 30 секунд). Предложила попробовать этот метод в госпиталях да больницах. Не поверите, не прошло и года, как пошли отзывы хорошие от врачей да хирургов.

А в войну 1941 года, в далёком городе Омске, в эвакуогоспиталях, этот способ обдывания ран просто чудеса творил. Набрала Бадигина побольше отзывов, да в Москву поехала, а там её, шарлатанку этакую, уже давно поджидали академики разные. «Способ дутья на рану с помощью радиоактивности сердолика - полный бред и полная чушь» - возмутился один академик. Другие светила науки поумнее были и чтобы покончить с этим вопросом раз и навсегда, собрались на заседание совета большого.

Из протокола выступления академика Бурденко Н.Н. на заседании президиума учёного медицинского совета, Наркомздрава СССР 11 февраля 1943г.

«При обсуждении доклада тов. Бадигиной Е.И. – «Лечение ран радиоактивностью от минерала «сердолик» председательствовал академик Бурденко Н.Н. В 1940 году была создана комиссия из профессора Лурия, академиков Зелинского, Вернадского, под моим председательством. Комиссия добросовестная, объективная, под документальными данными дала объективное

заключение о признании целебного действия сердолика, как положительного действия и с этим мнением я выступил на заседании Президиума. Я себе представляю, что факты должны оставаться фактами, а теория может различно быть понята и выходит так - отрицать не можем и понять не можем. Содержание протокола комиссии в городе Омске заставляет вновь собираться для выяснения результатов. «Я думаю, Бадигина ко мне отнеслась объективно, я был первый, который признал биологическое действие – факты никто отрицать не может. Первый, второй и третий раз - остаюсь при том же мнении»...

Сердолик с белыми полосками.

Крымский опал с оторочкой из цеолита (гейландита).

В.А.Супрычёв пишет, что Е.И.Бадигина обращалась с письмом даже к И.В.Сталину, с просьбой помочь разобраться с ситуацией вокруг «сердоликотерапии», но что она могла поделаться одна против целого Наркомздрава, будучи всего лишь биологом, без медицинского образования? Дело в марте 1949 года поступило в ЦК, было рассмотрено и направлено для разбирательства министру здравоохранения - круг замкнулся! Всё постепенно, «успешно», заглохло, а потом появились антибиотики - пенициллин и т.п. И уже о способе Бадигиной больше и не вспоминали; никто так и не удосужился разобраться с белыми полосками – может быть, всё дело было в них? Мой старший товарищ, Юрий Олегович Липовский - кандидат геолого-минералогических наук, неоднократно посещавший Карадаг, обошёл все его окрестности вместе с Супрычёвым, посещал крутые склоны ущелья Гяурбах, побывал и на Сердоликовом пляже. В совместных «экспедициях» они собрали некоторое количество образцов сардоникса, различных опалов и халцедонов, нашли даже очень редкий гелиотроп.

После одного из спусков с горы, во время отдыха, речь зашла о знаменитых «белых полосках» в сердолике – что бы это могло быть и оказывать такое живительное влияние на организм человека? Одним из предположений было, что это – цеолит, минерал из горячих гидротермальных растворов.

Кстати, Владимир Андреевич в «Крымских самоцветах» пишет, что в Крыму есть цеолиты, встречающиеся в природе крайне редко. Тогда получается, что обдувание тёплым воздухом от нагретого сердолика с полосками не могло быть ничем иным, как сухой воздушной ванной, несущей в себе положительный лечебный заряд, заложенный самой природой в цеолите; ведь сам по себе сердолик нерадиоактивен!

На память о совместных походах В.А. Супрычёв подарил Ю.О. Липовскому свою книгу с тёплой дарственной надписью.

В свою очередь, Ю.О. в своих литературных произведениях несколько глав посвятил сердолику

и «способу Бадигиной». А в своей последней книге «Камни, люди и судьбы» он пишет, что на Карадаге находили сердолик двух генетических типов – магматический (в пустотах вулканических пород) и постмагматический (из гидротермальных источников), застывший в виде жилок в скалах. Это уже не совсем сердолик, а, скорее – опал, в белой оторочке цеолита-гейландита. И в последнем содержится определённая концентрация радиоактивных элементов в необходимых для полезного воздействия на организм дозах. Далее Ю.О. подробно рассказывает о том, как сердолик с Карадага дважды очень помог ему и даже спас жизнь. Волею судеб, после ухода из жизни Бадигиной Е.И., все её документы, разъясняющие суть метода лечения естественной радиоактивностью сердолика, положительные отзывы и из различных организаций и протокол заседания, были переданы для достойного хранения Ю.О.Липовскому... В заключение, хочется рассказать ещё о двух интересных крымских минералах. Первый – это знаменитая «пуццолана», разновидность яшмового трасса. Он образовался во времена извержения вулкана в массиве Кара-Дага, в результате взаимодействия лавовых потоков с солёными водами Юрского моря. По примеру древних римлян, которые использовали этот минерал, взятый на склонах Везувия, в качестве цемента, на крымском месторождении трасса тоже был постепенно разработан огромный карьер. К счастью, были найдены другие источники сырья для производства цемента и варварское уничтожение горы прекратили. В.А.Супрычёв в «Крымских самоцветах» пишет, что трасса, подобного крымскому, просто нет. Именно из-за оригинальности рисунка и окраски, уникальности и редкости этого яшмовидного трасса его и назвали «черноморитом».

Черноморская пуццолана

Разновидность «парчовой» яшмы

Второй минерал имеет самое непосредственное отношение к Супрычёву. Именно он нашёл на склонах Кара-Дага, в труднодоступных местах, яшму уникальной и очень оригинальной расцветки. На правах первооткрывателя он назвал её «парчовой».

Им было найдено ещё несколько разновидностей парчовой яшмы, но одна из них – просто «царица» красоты, ни с чем несравнимой. К большому сожалению, очень небольшое «месторождение» данного чуда каменной природы давно и полностью выбрано.

Сейчас остались только одни воспоминания о нём и срезы образцов, бережно хранимые коллекционерами.

А ещё в книге В.А.Супрычёва можно прочитать, что гора Кара – Даг, настоящая «жемчужина» Крымских гор, представляет собой лишь небольшую часть громадного древнейшего вулкана и раньше была островом!

В настоящее время все остальные зубцы таят в тёмных глубинах Чёрного моря...

В. Е. Семёнов

Воспоминания о камне

Глава 6. Сказ о «камне заветном».

Далеко на севере нашей необъятной страны, за Полярным кругом, на Кольском полуострове, расположился Хибинский горный массив. Вот что пишет в своих воспоминаниях о нём Александр Евгеньевич Ферсман, впервые побывавший в тех краях со своей экспедицией осенью 1920года: «Здесь и грозная природа с дикими ущельями и обрывами в сотни метров высотой, здесь и яркое полярное солнце, несколько месяцев подряд освещающее своими длинными лучами снежные поля высоких нагорий, здесь в тёмную осеннюю ночь сказочное северное сияние своими красно-фиолетовыми завесами озаряет полярный ландшафт лесов, озёр и гор.

В этой однообразной природе, среди скал с серыми лишаями и мхами – целая пёстрая гамма редчайших минералов: кроваво-красные или вишнёвые эвдиалиты, как золото, сверкающие блёстки астрофиллита, ярко-зелёные эгирины, фиолетовые плавиковые шпаты, тёмно-красные, как запёкшаяся кровь, нептуниты, золотистые сфены... и не перечислить той пёстрой картины красок, которую одарила природа этот уголок земли».

Испокон веков хранит эта земля множество тайн и загадок. И есть в этой волшебной стране Хибиногории одно заветное место, со всех сторон ревниво оберегаемое грозными каменными великанами-стражами; достаточно просто посмотреть на спящего двухсотметрового Кинг-Конга, чтобы в этом убедиться.

Это вам не «минерализованный», плоский, Ловозерский «Куйва», здесь всё - мощное, грозное, трёхмерное!

Ещё более 25-ти лет назад, в самом начале моих поездок в Хибины, услышал я от местных жителей рассказ об этом заповедном месте – «в котором стол каменный лежит», только никто не мог точно объяснить, где оно находится. «Дедушка нам в детстве про него много рассказывал, а самим побывать не довелось, да и думали - сказка всё это. Помним только, что охраняет вход в него большой великан; медведи любят там полакомиться крупной черникой, да зайцы водятся - очень большие, пушистые, человека совсем не боятся. И надо перейти какую-то «большую воду», а там уж недалече – «направо в горку». А ещё дедушка говорил – не каждому это место откроется, много раз будешь мимо него ходить туда и обратно, да не сразу увидишь, не сразу найдёшь»... Так всё оно и оказалось. Приезжал я в горы по два раза в год: в начале лета - на таяние снегов, на водопады, да на цветы невиданной красоты полюбоваться; а в сентябре (если повезёт), на «золотую осень» посмотреть. Троп и долин исходил немало, множество «стражей» повидал

самых разнообразных. Через воды переходил – и малые и большие, заодно нашёл ещё одну легенду – «сухой ручей с тингуаитом», такой сухой, что весной воды в нём гораздо выше колена. Встретился и с «родниками России»: со всех сторон ручьи текут, шумят – весной голос человеческий заглушают; а самая вкусная вода там пробивается прямо из скал – и попьёшь, и освежишься, и изнутри душой расцветёшь!

Прошёл и через ущелье Рамзая, на Поачвумчорре обнаружил выходы фиолетового шпата, посмотрелся на глыбы породы с красным эвдиалитом, нашёл даже «берёзы Ферсмана», посаженные специально невдалеке от «Тиетты», любимого детища академика.

Износил несколько пар кроссовок, поменял штормовку, купил несколько новых фотоаппаратов, всегда строго соблюдал обряд жертвоприношения – но, увы, никак не хотело открываться «место заветное». Начал искать его ещё в прошлом тысячелетии, а нашёл только в нынешнем...

В одну из разноцветных осеней попросила меня бабушка, у которой я остановился, набрать хоть немного черники – «давно не ела, от моих-то не дождёшься; ты же всё равно по горам гуляешь, а мне в радость будет!» Добрался до ближайшего карьера, из которого песок возят, залез повыше на горку на солнечной стороне, только там уже всё обобрано – времена тяжёлые: народ ягоду собирает и сдает; а покупают даже прямо с листьями. На обратной дороге встретилась мне семейная пара, разговорились – та же картина, нет ягоды... «Завтра мы пойдём к дальней горе, там черника крупная, сладкая – на солнце растёт, вот только медведи туда любят ходить, да ничего – нас уже трое, да и собаку с собой возьмём!» Сказано – сделано, договорились о плане похода, времени и месте встречи; бывал я в тех краях, но только по другим делам – искал выходы жил пейзажного тингуаита, проходящих через четыре горных хребта.

Повели меня окружной дальней дорогой, через «ручьи России», прямо до скальных обнажений. Они пошли влево, на «свои места», и собака с ними, а я взял правее, ближе к горе.

Там ещё никто не ходил - кусты низенькие, всё черным-черно, даже листьев почти не видно.

В этот день местные боги были ко мне благосклонны и позволили увидеть «нечто сокровенное».

Среди окружающих хаотичных обломков скал и камней различных размеров, «оно» резко выделяется своей необычной геометрической формой и горизонтальностью расположения.

На других снимках (на виде сверху) можно увидеть что-то похожее на дольки торта, на одном общем основании (примерно восемь штук).

А теперь можно дать разгул нашей фантазии и буйному воображению. Самые первые вопросы: что это, кто это сделал, когда и зачем, и как оно сюда попало?

Если присмотреться повнимательней, то можно заметить очень интересные сочленения камней: создаётся полное впечатление, что они подогнаны между собой в нескольких местах, да ещё по интересной, сложной конфигурации!

Действительно, сооружение очень напоминает «каменный стол», и что дальше?

Самый простой «геологический» ответ – это создание матушки-природы.

Но, если предположить, что оно создано искусственно, то тогда кто автор?

Начнём издалека – мысль первая, мифическая. По преданиям, здесь под землёй живут небольшие человечки: чаклинги, «чахкли», хранители горных богатств. Может быть, тут они обедают или проводят какие-то торжества; а, может просто, выходят погреться на солнышке, да похвастаться своими находками? Мысль вторая – в этих местах жил «олений народ», саамы (лопь) и это стол для жертвоприношений? Тоже интересно, только вот очень нехватает рядом с ним самого главного - большого камня, да ещё очень необычной формы, – сейда! Саамы свято верили, что во всём, что их окружает, есть боги (духи). Дух дерева, бог воды, земли, горы; над ними было семь различных небес, на самом верхнем - тоже боги сидят; а уж в огромных валунах, оставшихся после прохождения ледников – самые сильные боги. Вот им то и приносили лопари свои дары, в виде диковинных оленьих рогов и мелких монеток, просто складывая их у подножия камня – сейда; вот и весь «жертвенник»!

Мысль третья – «бабушка Акка», праматерь Хибинских гор, навечно «прописанная» в соседней долине, приготовила своему любимому внуку «Кинг – Конгику» в подарок небольшой тортик.

Я уже неоднократно проходил в «долине сейдов» каменного «Молоха» и у него во рту был всегда

кусочек «пирожка»; медленно жуёт, однако. А «Кингуша», несмотря на его грозный вид и большой размер, совсем ещё маленький – ему даже ещё не исполнилось 250 миллионов лет, ну просто – мальчишка, а дети ведь очень любят сладкое! Вот бабушка и решила побаловать своего внука «деликатесом каменным», из нефелинового сиенита.

Есть сведения, рассказывающие о связи кочующего «оленьего народа» с индоевропейской цивилизацией: бляшки из Эрмитажа – «пермского «звериного стиля» очень схожи с изображением «Мяндаш – оленя», который взял в жёны женщину из человеческого рода.

Саамы верят в эту легенду и считают себя их потомками; но, вот только «столов-жертвенников» в обрядах лопарей (саамов) нет и никогда не было!

Тогда получается, что «это сооружение» - очень древнее, уходящее корнями в глубину веков, и, возможно, мы видим капище более ранней цивилизации, о которой нам ничего неизвестно. Можно продолжить фантазировать дальше. Очень-очень давно, пришли сюда люди - великаны, до пяти метров высотой. Побывали, сложили «нечто» из камешков (то ли столик для детских игр, то ли жертвенник?); не понравилось им в этом краю и пошли они искать другие места. У саамов есть одна интересная, древняя легенда про «летучие камни».

Смысл её в том, что «этот сейд прилетел из-за озера Лимандра в поисках лучшего места, здесь огляделся – всё понравилось, тут он и остановился на краю озера»...

Так что, в те далёкие времена даже камни могли перемещаться в пространстве, не говоря уж о великанах. Ещё вариант - а, может быть, здесь побывали обитатели древней Гипербореи? Ответа пока нет, но древнее сооружение существует; кто-то же, когда-то, зачем-то взял, обработал эти камни, сложил клиньями на подложке-фундаменте, да ещё и выставил горизонтально, чуть ли не по уровню (мы даже не берём в расчёт подбор, перенос и подгонку камней по высоте).

И лежит «каменный стол», послание из глубины веков, над нами посмеивается – «ну что, не по зубам орешек-то?!»

А, возможно, всё произошло гораздо проще (братья Стругацкие - «Пикник на обочине»)! Мимолётом, приземлились здесь гости из Космоса, осмотрелись – кругом одни динозавры: быстро соорудили столик, подкрепились перед дальней дорогой и полетели к следующим звёздам, в поисках разумной цивилизации. Может быть, оно так и было, кто знает?..

Глава 7. О женщине, свергнувшей алмазную монополию.

21 августа 1954 года в нашей стране произошло эпохальное событие, имевшее в дальнейшем мировое значение – ленинградский геолог Лариса Анатольевна Попугаева, вместе со своим верным и незаменимым помощником, коллектором Беликовым Фёдором Алексеевичем, открыла в далёкой Якутии первое коренное месторождение алмазов в Советском Союзе. С её дочерью, Натальей Викторовной Попугаевой, меня в 1997 году познакомил Юрий Олегович Липовский, кандидат геолого-минералогических наук, первооткрыватель алмазов в Монголии. Он был хорошо знаком с Ларисой Анатольевной и в своих многочисленных книгах, очень благодарно её вспоминает.

Вскоре после того, как Н.В. Попугаева, в сентябре 2013 года, попросила меня написать книгу про её маму – объективно, непредвзято, опираясь только на документы и факты, пришлось просмотреть большое количество ранних изданий, посвящённых этому удивительному событию. Самая первая книга называется «Тайна Сибирской платформы» (автор - журналист Валерий Осипов), была издана дважды: в 1958 и 1960 годах. Следующие публикации, заслуживающие внимания – это книги Г.Свиридова «В краю голубых алмазов», 1978 года издания и «Охотники

за алмазами», 1981 года выпуска, в них очень много художественного вымысла. Но, в роли «основного фундамента» правдивого освещения драматических событий сентября 1954 года, в посёлке Нюрба, и того что произошло далее, выступил Евгений Борисович Трейвус, кандидат геолого - минералогических наук из Ленинграда. В течение нескольких лет он скрупулёзно и тщательно собирал материалы для своих будущих книг, сначала опубликовал в 2003 году статью-очерк в журнале «Нева» под очень выразительным названием «Голгофа геолога Попугаевой», позже в 2004 и 2009 годах были изданы: «Надломленная судьба» и «Сверкнувшая как Зарница».

Что интересно – в 2004 году вышла другая книга, посвящённая истории поиска алмазов в Якутии, «Где там алмазы? Сибирская диамантиада», автор В.Л.Масайтис, геолог-алмазник, непосредственный участник событий в Нюрбе, первооткрыватель алмазов в районе Попигайской астроблемы.

В правдивости освещения событий тех времён большую роль сыграли и публикации якутского журналиста Ришата Юзмухаметова. Он в 1993 году познакомился с дочерью Ларисы Анатольевны – Натальей Викторовной; Натальей Николаевной Сарсадских, начальницей Л.А.Попугаевой и участницей двух совместных с ней поисковых экспедиций. Вскоре состоялась его встреча с Екатериной Николаевной Елагиной, первооткрывательницей алмазной трубки «Мир». В результате им было собрано некоторое количество из интересовавших его сведений и в местных якутских газетах опубликовали его статью «Звёздный час и трагедия Попугаевой». После очередного приезда в Ленинград и общения со многими людьми, знавшими Ларису, на базе их воспоминаний, была издана в городе Мирном первая книга Р.Юзмухаметова, под названием его первой статьи. Теперь – о самом главном. Готовясь к защите кандидатской, Ришат получил разрешение на доступ к архивам Амакинской экспедиции, ему удалось ознакомиться

с отчётами секретного совещания в сентябре 1954 года в Нюрбе и той самой «победоносной» экспедиции Попугаевой. Далее, работая в Якутском национальном архиве, он нашёл очень интересные материалы, касающиеся выдвижения кандидатур геологов-алмазников на соискание Ленинской премии. Огромной заслугой Юзмухаметова стала публикация им в 2004 году основной информации об этих, ранее никому неизвестных сведениях.

В 2014 году из печати вышли сразу три книги, посвящённые открытию Л.А.Попугаевой алмазоносной трубки «Зарница». Первая, Рашата Юзмухаметова, под названием «Лариса Попугаева. Первооткрывательница алмазных месторождений в России», вторая - «Открытие века: Алмазоносная кимберлитовая трубка Зарница», подготовленная к печати В.И.Силаевым, Е.Б.Трейвусом, В.А.Петровским и В.К.Гараниным – тремя докторами и одним кандидатом геолого - минералогических наук. Третья, под названием «Алмазный крест» была написана мною, старавшимся в ней «опираться только на документы и факты».

Теперь, совсем немного, из биографий наших главных героинь. Наталья Николаевна Сарсадских родилась в 1916 году, она – потомственный геолог, в 1938 году закончила учёбу в Ленинградском университете, вскоре вышла замуж за однокурсника А.А.Кухаренко. Во время Великой Отечественной войны работала под руководством мужа на Урале, в шлихоминералогической лаборатории Уральской алмазной экспедиции. По возвращении в Ленинград а начала работу в Центральной экспедиции под руководством Шестопалова Михаила Фёдоровича. В 1950 году ей была поручена очень ответственная тема «Составление шлиховой карты Сибирской платформы», рассчитанная на 7 лет, она – начальница тематической партии № 26 от своей организации.

Лариса Анатольевна родилась в 1923 году. Её отец, Гринцевич Анатолий Рафаилович, назвал дочку именем «Нинель» в честь В.И.Ленина. К 1936-ому году он уже был членом Одесского обкома партии, но в 1937-ом был арестован органами НКВД. С тех пор о его судьбе долгое время было ничего неизвестно; Е.Б.Трейвус пишет, что в 1959-ом году он был реабилитирован.

В 1941 году Лариса закончила школу-десятилетку в Ленинграде, там же поступила в университет, далее – эвакуация с мамой и сестрой в Пермь, она продолжает учёбу в Пермском университете; с апреля 1942 года она – зенитчица-пулемётчица, вступила в 1944 году в партию и до июля 1945-го служила в армии. Снова учёба в Ленинградском университете на кафедре минералогии, учится отлично – Доска Почёта, именная стипендия. С лета 1946-го года она уже начинает свои полевые практики. В мае 1950 года защитила диплом с отличием по специальности «геолог-геохимик», её распределили на работу во ВСЕГЕИ, тут же летом – в экспедицию И.И.Краснова по Нижней Тунгуске и судьбоносная встреча в ней наших героинь, Дальше они будут работать в одной лаборатории, в Ленинграде. Н.Н.Сарсадских продолжила свои долгие и трудные экспедиции по тематической работе в Якутии: в 1951 году - опять с И.И.Красновым, в 1952-ом – в нижнем течении реки Марха. Попугаева же, летом 1951 года, работала в экспедиции на Приполярном Урале, на реке Щугор, там она познакомилась с В.Н.Давом, будущим основателем «Музея цветного камня» в Мончегорске. В 1952 году в полевых работах не участвовала, потому что, в конце сентября у неё родилась дочь. В связи трудным материальным положением своей семьи Л.А. обратилась к Сарсадских с просьбой взять её в очередную экспедицию в Якутию (совершенно другая оплата и т.д.!), Наталья Николаевна дала своё согласие. Чтобы понять, как, в каких условиях проходила эта работа, предлагаю обратиться к «документу», некоторым выдержкам из записей в полевых дневниках Попугаевой, найденных у её сестры в 2007 году...

«24 июля 1953г. В 10 часов, третьего дня, снова навьючив 40 оленей, двинулись в путь по тайге, пробиваясь к месту работы. Олени гружены тяжело, им и людям – жарко, нещадно ест гнус...

25 июля. Гнус жрёт ужасно. Кругом горит тайга и как снежинки в воздухе крутится пепел. 26 июля. Спим в палатках, подстилая под себя всё, что можно, ибо в 10 см. подо мхом – вечный лёд. Ночью – очень холодно, мёрзнем, а днём нещадно печёт. Караван наш состоит из 43 оленей, из них нам

(5 чел. партии) причитается 5 ездовых оленей... 28 июля. Стоит немилосердная жара. Нещадно ест гнус. 1 августа. Вечером был крупный разговор с М.Евграфовым, да, отменная дрянь – человек всё-таки. Как я не ошиблась в своём первом впечатлении. 2 августа. Жара и нещадно жрёт мошка, спасаемся фтолатом... 4 августа. По-прежнему льёт дождь. 5 августа. Вода совсем у палаток, и мы оказались в положении зайцев деда Мазая. Сидим на островке - 15 на 7 метров. Благополучно всё перевезли. Снова скандал с М.Евграфовым. Ну и сволочь... 6 августа. В кустах разорвала голенище левого сапога резинового... 10 августа. Вода ледяная, сапоги текут, и я еле волочу ноги. Изодрала лицо, расплосовала штаны... 11 августа. Скоро Лапушкино день рождения, как хотелось быть сейчас вместе, обнять любимых своих, сладкую доченьку. Как-то она? ...Сегодня 18 августа, оленей всё нет. Погоды холодные, всё время идёт дождь. Из шубы не вылезая. 19 августа. Холодина зверская... Сплошной пеленой – большие белые хлопья снега закрыли весь горизонт. Да уж снег – 19 августа. Ночь была холоднющая... 20 августа. Проснулась с мыслью о Лапушке. Поздравляю, родной, желаю всего самого хорошего. Холодно, ноги коченеют. Летят редкие белые мухи. Сидя на учуге (ездовом олене), зверски замёрзла. 22 августа.. Холод страшный. Вода в вёдрах мёрзнет... 23 августа. Вечером шёл мокрый снег, запорошил всё кругом. Настоящая зима»... А теперь - внимание, запись от 24 августа. «... Партия разделилась». Речь идёт о дальнейших, заранее продуманных и согласованных с руководством маршрутах с проверкой верховьев реки Мархи и реки Даалдын. Н.Н. Сарсадских взяла на себя более трудный – к верховьям Мархи, Л.А. Попугаевой досталось сплавляться дальше с Фёдором Беликовым по Даалдыну, отбирая мелкообъёмные пробы и обязательно одну объёмом в три кубических метра! Это был факт № 1. Он подтверждается и в тексте отчёта Н.Н.Сарсадских, про 1953 год и в её историческом очерке «Открытие «Зарницы». История длиною в 40 лет». Теперь, сразу же, забегаю вперёд – факт №2. Именно в шлихах из трёхкубовой пробы, взятых Л.А.Попугаевой на реке Даалдын, были найдены необычные гранаты и один маленький алмазик!

Возвращаемся обратно к дневникам Попугаевой. «27 августа. Лил беспрестанно дождь со снегом. Как-то работа у Наташеньки движется?.. 1 сентября. В верховьях реки жгли костёр, но всё равно мёрзли. Продукты кончаются... 3 сентября. День моего рождения - 29 лет... (Это как же надо было замёрзнуть и окоченеть, чтобы перепутать число прожитых лет, ей исполнилось ровно тридцать лет!!! В.Е.Семёнов).... Сапоги и брюки совсем порвались, как дотяну до конца работы – не знаю. Ноги всё время мокрые. 5 сентября. Сеём. Просеяли 100 вёдер. 9 сентября. Тоска... День пасмурный. Оленеводы который день охотятся, но всё впустую. Продуктов у нас почти нет. У них вообще ничего, но всё же мы поделились тем, что у нас было. Песок мокрый, еле просеяли 3 ведра. Ужас, медленно, впереди ещё 120 вёдер. Решили сушить кострами.

10 сентября. Всё в туче пыли, но окончили отсев, а я отборку фракции. «Куллиана нет, как – нет. Жаль... 14 сентября. Сажу в палатке. Сапоги рваные, в лохмотьях. За палаткой снег – по колено, издали мягкий и пушистый, а вообще брр... холодно. Сегодня ещё 20-25 км. по колено в снегу, но самое ужасное – нет еды, остались какие-то крохи. Уже третий день сидим без сухарей. Муку используем как заварку для супа. 17 сентября. Ветрище, метёт колючая пурга, такой буран, что не слышно голоса в двух шагах.... Мы заблудились, а это лишняя Наташеньке работа. Как-то она там? 20 сентября. Мороз, река замёрзла у берегов метров на 15... Продукты все кончились. Осталось несколько банок консервов да соль. 22 сентября. Километров 30 проплыли, кончилась карта, плывём вслепую, плохо»... На мой взгляд, этих цитат из дневников Попугаевой вполне достаточно, чтобы понять, как всё происходило на самом деле, а это были всего лишь небольшие выдержки. Далее – вскоре два отряда благополучно встречаются в устье Далдына при впадении в реку Марху и решают вместе плыть дальше до посёлка Шологонцы (оттуда уже летают самолёты до Нюрбы). К их радости, в посёлке они встретили группу геологов из ленинградского научно-исследовательского института геологии Арктики (НИИГА), у них в распоряжении был

рентгеновский аппарат, с помощью которого и нашёлся «наш» маленький двухмиллиметровый алмазик! Но, главное – их всех накормили свежее испечённым хлебом, от вида которого они сначала онемели, а потом просто не могли наесться, после стольких мытарств. Ведь обоим отрядам в пути, по непролазной тайге, пришлось очень несладко, а группа Н.Н.Сарсадских тоже однажды заблудилась в тумане. Но, в конце концов, полевой сезон 1953 года был благополучно завершён, да ещё с новыми находками. Здесь надо немного отдохнуть от перипетий, описанных в дневниках Л.А.Попугаевой событий и внести просто необходимые комментарии к ним.

Про братьев Евграфовых – с самого начала у Ларисы Анатольевны не сложились отношения с ними. Причина неприязни выяснилась окончательно, когда в небольшом домашнем архиве Попугаевой нашлась накладная от Н.Н.Сарсадских, о получении инвентаря для экспедиции 1953 года: в числе необходимых вещей числились хромовые сапоги, явно мужского размера. Оказалось, что данный «объект» предназначался для одного из братьев Евграфовых, это же был «статус», все ходят по посёлкам в резиновых и керзовых сапогах, а мы-то – в хромовых, знай наших! Дальше всё было понятно: известно, что они всё время, на протяжении всей экспедиции, требовали от Сарсадских денег и спирта, угрожая уйти с маршрута; в-общем, «пазл» сошёлся, дальше просто неинтересно. Именно поэтому Лариса Анатольевна, человек, прошедший всю войну, «награждает» их столь резкими эпитетами. «Лапушка» - так она ласково именует своего мужа Виктора, не забывая про его день рождения, даже будучи в очень суровых условиях. «Наташенька» - это Наталья Николаевна Сарсадских, они подружились уже в первой экспедиции 1950 года, Лариса Анатольевна даже назвала свою дочку её именем. Ещё интересно про 43 оленя в данной экспедиции: очень хочется понять, что же такое на них везли; куда «оно» потом всё подевалось (вместе с оленями) и почему через полтора месяца у всех закончилась еда?! Но это не входит в рамки нашего исследования, надо рассказывать о том, что было дальше.

Жизнь шла своим чередом, Н.Н.Сарсадских вернулась в Ленинград в конце октября, задержавшись с отчётами в Амакинской экспедиции, в Нюрбе, а Л.А. ушла в отпуск. Далее, первым делом, надо было обязательно разобраться с необычными гранатами из шлихов Попугаевой, она обратилась с этим вопросом к Кухаренко; опираясь на свой опыт, тот сообщил, что это – пиропы, возможные спутники алмазов. И дело приняло совершенно другой оборот. Полевые работы на летний сезон 1954 года не были запланированы, финансовый план института уже «свёрстан», а ехать надо обязательно – ведь алмазы могут найти и без нас! С большим трудом, благодаря своей настойчивости, Сарсадских добилась разрешения на проведение экспедиции в районе находки алмаза и уже пиропов, а не гранатов. Остались нерешёнными два основных вопроса – где взять деньги и кто поедет? Сама Н.Н. поехать не может, у неё в феврале должен родиться ребёнок, остаётся поручить руководство экспедицией Попугаевой, а у той – свои, очень серьёзные планы: подготовка к поступлению в аспирантуру и не только.

Цитата из книги Н.Н.Сарсадских: «..Наконец, я уломала Ларису и она согласилась ехать...», в помощники ей дали шофёра Шестопалова – Фёдора Беликова. Про оплату расходов; здесь всё сложно, но, принято считать, что часть денег дала Центральная экспедиция, а другую часть – на Беликова, оплатила из договора с Иваном Ивановичем Красновым Амакинская экспедиция.

В начале июля 1954 года Попугаева и Беликов прилетели в Нюрбу; далее, забрав там причитавшееся им снаряжение - самолётом до Шологонцев; а следующий перелёт - уже на ту самую речную косу, в районе которой были найдены алмаз и пиропы. Состав экспедиции увеличился в полтора раза: Лариса Анатольевна взяла с собой пса, по кличке «Верный», хорошо знакомого им по прошлому году. Шли затяжные проливные дожди, все косы и отмели залиты поднявшейся водой, пережидали до спада уровня. 17 июля – в путь. По ручью Кен-Юрях они прошли около 20 километров, отбирая пробы, уже сознательно, на наличие пиропов «способом шлиховой съёмки». В верховьях ручья пиропов нет совсем, вернулись обратно на Даалдын,

прошли вниз по течению реки, до ручья Дьяха. Далее - вверх по течению по обоим берегам, пиропы вначале попадались, потом исчезли совсем вместе с ручьём, выходящим из болота. (29 июля их неожиданно посетили И.И.Краснов и В.А.Гневушев, по предложению которого алмазная трубка будет названа «Зарницей»). Убедившись, что в истоках Дьяха пиропов нет, Попугаева и Беликов вернулись обратно и пошли по небольшому ручейку, впадавшему в Дьях. При отборе проб пиропы стали попадаться постоянно; уже отчётливо понимая, где надо искать местонахождение их коренных источников, они стали подниматься на вершину сопки, между этими ручейками, там оказалось очень много ильменитов. Отдохнув, наши герои спустились к небольшой низменности; пошёл дождь, развели костёр, чтобы согреться, а под ногами... - «Смотри, Федя, голубая земля и вся в пиробах!». Это произошло 21 августа 1954 года. Два дня они оконтуривали найденное рудопроявление, делая ямки и шурфы на небольшую глубину; размер по двум перпендикулярным образующим получился примерно полкилометра. Для заявочного столба Беликов сделал большой затёс на лиственнице. Около неё, под кучкой камней, в консервной банке, Лариса Анатольевна оставила записку со словами, что, впервые, 21 августа 1954 года эти остатки очень богатого ильменитопиропового и, возможно, алмазного месторождения обнаружили сотрудники партии №26 Центральной экспедиции Союзного треста №2 - геолог Гринцевич-Попугаева Л.А. и лаборант Беликов Ф.А.! Ещё, почти месяц, они продолжали исследование этого района; прошли по множеству ближайших ручьёв и ручейков, ими была собрана абсолютно ценнейшая информация о «пиропозаражённости» данной местности, размер которой составлял около 400 квадратных километров. В посёлке Яралын, недалеко от Шологонцев, геологи НИИГА при просвечивании проб из шлихов коренных пород найденного месторождения, обнаружили сразу пять алмазов. Это были: победа и факт №3! В конце сентября в Нюрбе состоялось совещание, посвящённое подведению итогов работ за полевой сезон 1954 года с обсуждением планов на следующий год. Тема – секретная, поэтому присутствовали только «избранные» алмазники (строго по спискам). Всё шло, как обычно: доклады и сообщения, но, потом - краткое, сенсационное выступление Л.А.Попугаевой, которая уже показала многим геологам образцы породы с включениями ильменита и пиропов. Руководство Амакинской экспедиции прекрасно понимало своё положение: тысячи человек, работающие в экспедиции, из года в год перелопачивают впустую десятки тонн породы по берегам рек и ручьёв, но ничего найти не могут. А тут приехала городская «гастролёрша» с шофёром и сразу же нашла алмазы – неправильно это! Дальше началась настоящая травля Попугаевой: у нее отобрали шлихи с образцами, обвинили во всех смертных грехах – не сдала записи в секретный отдел, показала образцы чужим геологам, тем самым рассекретив находку алмазов. Ей напомнили, что она – дочь «врага народа» и вообще, вокруг тайга большая, мало ли что может с вами случиться! Л.А. оказалась в полной изоляции, руководство «Амаки» категорически запретило ей всякую связь с «Большой землей», ни писем, ни телеграмм, ни телефонных звонков, не говоря уже о вылете самолётом из Нюрбы; всем этим ведал всемогущий Бондаренко, родственник министра геологии. После полутора месяцев уговоров, оскорблений и угроз она, под давлением обстоятельств, была вынуждена написать заявление о переходе в Амакинскую экспедицию. Оно было оформлено очень «задним числом», без ведома и согласия Центральной экспедиции, но это никого уже не смущало – ведь теперь все лавры открытия переходили в «наши руки»! Закончив «блестящую» операцию, руководство «Амаки» милостиво отпустило Ларису в Ленинград – мы же не звери какие-то, конечно, пусть повидается с родными, с доченькой любимой. Л.А.Попугаевой отдали записи, полевые материалы – образцы, шлиховые пробы. 20 ноября в Центральной экспедиции с участием сотрудников ВСЕГЕИ прошло собрание, Попугаеву обвинили в предательстве интересов института; никто не спросил, почему так долго, обсуждался один вопрос – как она могла так поступить? Зимой 1954-55 года Л.А. составляет,

вместе с Н.Н.Сарсадских, отчёт о проделанной ею с Ф.Беликовым работе на трубке «Зарница». По указанию треста он был выпущен под двумя титулами: партии №26 Центральной экспедиции и партии №182 Амакинской экспедиции, хотя в обеих работал лишь один геолог – Л.А.Попугаева! В апреле 1955 года, по настойчивому требованию Бондаренко, она прилетела на работу в Якутию заниматься исследованием «своей трубки» и прилегающих к ней районов. Очень интересный момент: молодому геологу Владимиру Щукину, отправлявшемуся работать 9 июня в бассейне Даалдына, Лариса Анатольевна посоветовала посмотреть, более внимательно, район ручья, где ей в прошлом году подалось очень много пиропов. Вы не поверите – ровно через шесть дней после выхода с базы отрядом Щукина была найдена алмазная трубка «Удачная!!! Практика поисков алмазного месторождения по пиропам была принята «на вооружение» Амакинской экспедицией, в 1955 году её работниками было найдено ещё несколько трубок. Тогда же, на притоке Вилюя, группой под руководством Натальи Владимировны Кинд, была открыта богатейшая трубка «Мир» с её трагической предисторией. Тем временем, тема «Шлиховой карты Сибирской платформы» требовала продолжения работ по её изучению, поэтому в середине июля 1955 года в Нюрбу прилетели Сарсадских и Беликов. Здесь Наталья Николаевна оказалась в полной «блокаде», её ровно месяц, под различными предложениями, не пускал на «Зарницу» всё тот же всемогущий Бондаренко. Однако Н.Н. удалось, используя старые связи, добраться до посёлка Далдын; следом за ней была отправлена радиограмма: «Сарсадских вылетела без разрешения, на месторождение не пускать». Дальше ей очень повезло: прилетел очень большой начальник и дал ей устное разрешение недолго поработать на «трубке» для сбора материалов. Факт №4 - это был её первый приезд на «Зарницу», в следующий раз побывать там Н.Н.Сарсадских удастся только десятки лет спустя. Что было дальше? Полевой сезон 1956 года Л.А. снова проводит на «Зарнице», где, по её выражению: «кроме собаки и мошек, никого не видела...», в начале декабря ей, наконец-то, разрешили перевод обратно во ВСЕГЕИ. В апреле 1957 года шесть человек получили Ленинскую премию «За открытие промышленного месторождения алмазов», в этом списке не было ни Л.А.Попугаевой, ни Н.Н. Сарсадских, ни Н.В.Кинд, зато значились руководитель работ А.П.Буров, сидящий в высоком московском кабинете, и пять человек из Амакинской экспедиции. Представление Якутским обкомом КПСС Попугаевой и ещё нескольких товарищей к Ленинской премии и одновременно к званию «Герой социалистического труда» никакого успеха не имело! Возмущённое письмо Л.А. (как настоящей коммунистки) к Н.С.Хрущёву по поводу присуждения премии такого высокого ранга людям, не имевшим никакого отношения к непосредственному открытию алмазных месторождений (кроме В.Н.Щукина), было передано по инстанциям в Комитет по присуждению премий, никаких «противопоказаний» найдено не было. 1 октября 1957 года, в связи с 325-летием вхождения Якутии в состав России, Л.А. Попугаеву наградили орденом Ленина, а Н.Н.Сарсадских - орденом Трудового Красного Знамени», с интересной формулировкой: «За достигнутые успехи в хозяйственном и культурном строительстве». Сарсадских в 1959 году защитила кандидатскую диссертацию по теме о минералогии пород Сибирской платформы и про критерии поисков месторождений алмаза. Попугаевой же только в 1970 году удалось получить учёную степень, да и то - «по совокупности». 1964 год. Л.А.Попугаева пишет письмо А.Н.Косыгину и добивается у него личного приёма с коробкой огранённых самоцветов, которые шли в отходы производства при добыче алмазов. В 1970 г. Л.А.получила почётный знак «Первооткрыватель месторождения», а Н.Н.Сарсадских – только в 1990-м. В начале 80-х годов прошлого века всё повторилось: была найдена Архангельская алмазоносная провинция и развернулась та же «борьба за первенство». P. S. А в 2013 году Н.Н.Сарсадских и Л.А.Попугаевой было присвоено звание первооткрывателей алмазного месторождения, трубки «Удачная». История не закончилась? Но, есть одна, очень древняя аксиома: «Идущий вторым - не может быть первым!»...

Глава 8. Пушкин – это наше «всё» и на все времена!

Вскоре после материнского молока, ещё в самом раннем детстве, нам начинали читать волшебные сказки А. С. Пушкина, в них было всё - и чудесная музыка слога, и высокая поэзия, вместе взятые. Далее – в начальных классах школы, на уроках «русского языка и родной речи», мы уже сами декламировали отрывки из сказок Александра Сергеевича. В старших классах – другие задачи: целые главы из поэм «Евгений Онегин», «Полтава», «Цыганы» надо было выучить наизусть. Повзрослев, мы приобретали откровения Анны Ахматовой «Мой Пушкин», двухтомник «Друзья Пушкина», десяти томник его сочинений в академическом издании; очень интересны были книга Н. Эйдельмана про Пушкина – «историка» и эксклюзивы из 1944 года от С.С.Гейченко. Так что сказать, что наше поколение выросло и окрепло, под влиянием творчества А. С. Пушкина, не будет большим преувеличением. Его строки запоминаются на всю оставшуюся жизнь: «Твоих оград узор чугунный..., Невы державное течение, береговой её гранит...» или: «И, не пуская тьму ночную на золотые небеса, одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса...».

Это же просто - признание в любви, гимн великому городу!

Как же так получилось, что правнук маленького арапчонка, с горячей африканской кровью, купленного боярином Головиным и подаренного им «на потеху» Петру Первому, дошёл до таких высот в познании русского языка, его мелодики, певучести, до многообразия речи русской?

Ответ предельно прост: сначала, в детстве, Александр Сергеевич Пушкин получил настоящее, «русское народное» образование от няни Арины Родионовны, неграмотной крепостной Абрама Петровича Ганнибала. Именно от неё он услышал и впитал своим детским живым умом, первые колыбельные, первые песни, она пересказывала ему народные былины, да с присказками, поговорками, прибаутками. Это были самые первые знакомства А.С.Пушкина с истоками русской народной поэзии. Имело место ещё стандартное «домашнее образование»: вместе с сестрой Ольгой он учился языкам - французскому, английскому у иностранных гувернёров (так было принято в те времена), ещё были учителя рисования, музыки. В доме родителей юный Саша очень рано пристрастился к чтению, оно стало его основной страстью. Этому способствовали богатая библиотека отца, а позже – дяди, Василия Львовича.

В 1811 году Пушкин успешно сдаёт экзамены для поступления в Царскосельский Лицей.

Он представлял из себя совершенно новое учебное заведение для юношества, ставшее лучшим в России в системе государственного образования. Первый набор состоял из 30 учеников, за шесть лет им предстояло серьёзно обучиться очень многому. Попасть в число отобранных кандидатов юному Пушкину поспособствовали писатель И.С.Тургенев и директор Лицея В.Ф.Малиновский, друг его отца. По окончании учёбы, в 1817г. А.С.Пушкин был определён на службу в коллегии Министерства иностранных дел.

Теперь он уже гораздо реже виделся с няней, только во время приездов в Михайловское; но взаимная любовь оставалась между ними до самого ухода няни из жизни; она молилась за него и просила передать: «...Целую Ваши ручки и остаюсь вас многолюбящая ваша няня Арина Родионовна!» (Из письма от 6 марта 1827 года, за год до её смерти). А он, в свою очередь, ни одной из женщин не посвящал таких очень нежных стихов, образ няни пройдёт через всю его творческую жизнь.

Поводом для высылки Пушкина из столицы в 1820 году послужили его едкие эпиграммы на власть и, главным образом, «Ода на свободу» или «Вольность». Она была написана 18-летним Пушкиным, распространялась рукописно, могла привести к смятению умов и отражала опасные политические взгляды автора; когда об этом доложили императору Александру Первому, его реакция была краткой - «возмутительные стихи»! А.С. грозила возможная ссылка в Сибирь или на Соловки. Чаадаев и Вяземский уговорили Василия Андреевича Жуковского, бывшего

воспитателем наследника трона, обратиться к императрице Марии Фёдоровне с просьбой о смягчении очень сурового наказания «молодому чудотворцу». Обращение не осталось без внимания и отправку в Сибирь заменили ссылкой в южные губернии, в Молдавию. Главной задачей «власть имущих» было максимально изолировать А.С., отправить его подальше от столицы, оторвать от привычного круга друзей и знакомых – лишить общения с «внешним миром», в котором он всегда очень нуждался. По дороге в Кишинёв, к месту новой службы, Пушкин сначала полечился от жесточайшей простуды на Северном Кавказе, куда ему любезно предложил поехать генерал Н. Н. Раевский – герой Отечественной войны 1812г., направлявшийся с дочерьми и сыном к Кавказским водам. (Конечно же, сначала Раевским было получено разрешение для Пушкина на совместную поездку!). С семейством генерала А.С. был хорошо знаком, часто бывая «запросто» у них в гостях. Горячие минеральные ванны очень помогли поэту; заодно он побывал на горах Машук, Бештау, горе Железной и полюбовался местными красотами. Пробыв там два месяца, в полном составе, они поехали дальше – основной путь Раевских лежал на Крымский полуостров.

Вот несколько выдержек из письма А.С., написанного им брату «Лёвушке» 24 сентября 1820 года из Кишинёва в Петербург: « ... С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма. Морем мы приехали в Керчь. Здесь я увижу развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи... Из Керчи мы приехали в Кефу..., отсюда морем отправились мы мимо полуденных берегов Тавриды, в Юрзуф, где находилось семейство Раевского... Корабль плыл перед горами, покрытыми тополями, виноградом, лаврами и кипарисами, он остановился в виду Юрзуфа. Там я прожил три недели. Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провёл я посреди семейства Раевских..., все его дочери – прелесть... Друг мой, любимая моя надежда – увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского. Теперь я один в пустынной для меня Молдавии...».

Прекрасную краткую характеристику Пушкину, в своих записках, дала Мария Николаевна Раевская (Волконская): «Как поэт, он считал своим долгом быть влюблённым во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, с которыми он встречался...»

Во время пребывания А.С. в Гурзуфе, в благотворительной лотерее было разыграно его кольцо с сердоликом. Волею судеб, оно досталось юной дочери генерала Раевского – Марии, которая позже вышла замуж за декабриста, князя Волконского и поехала за ним в ссылку, в Сибирь. Дальнейшая судьба кольца была такова: в 1815 году оно было передано внуком Марии Николаевны в Пушкинский дом.

По ходатайству друзей, после пребывания в Молдавии, Пушкина в 1823 году перевели в Одессу и он год прослужил под начальством графа М.С.Воронцова, который очень недолюбливал поэта, имея на это свои веские причины. Генерал-губернатору, наместнику всего края приходилось терпеть его выходки и едкие эпиграммы в свой адрес, даже принимать поэта в своём доме. А как же иначе: богатые и могущественные покровители, модный петербургский поэт, любимец дам (кстати, всю переписку с женщинами Пушкин вёл на французском языке, а на русском – только с женой, Натальей Николаевной Гончаровой!).

В 1824г. граф Воронцов написал письмо министру иностранных дел Нессельроде и «всячески обосновал» отстранение от службы А. С. Пушкина. Делу был дан «ход» и А.С. послали жить в Михайловское, до сентября 1826 года.

Результатом всех вынужденных «одиночеств» стало написание поэтом своих лучших произведений: поэм - «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», «Цыганы»; он начал работу над главами «Евгения Онегина»; за два месяца написал «Бориса Годунова»! А ведь потом была ещё «Болдинская осень» - цикл повестей и не только...

В 1880г. в Петербурге состоялась первая пушкинская выставка. Среди других реликвий

экспонировался сердоликовый «Пушкина перстень, им воспетый» с пояснительной запиской, что он был подарен Пушкину графиней Е.К.Воронцовой в Одессе.

На смертном одре поэт подарил его В.А. Жуковскому. От Жуковского перстень - печатка перешёл к его сыну, Павлу Васильевичу, который подарил его писателю Тургеневу. Тот, в свою очередь, завещал кольцо Льву Толстому; но, Полина Виардо переслала бесценную реликвию Пушкинскому музею Александровского лица.

По одной из легенд, глава общины караев подарил супружеской чете Воронцовых два (одинаковых) перстня с надписью на древнееврейском языке. Очень интересно, знал ли он, что написано на перстнях?

(Историческая справка: караи – очень малочисленный коренной народ, проживавший на территории Крыма, а караимы – всего лишь приверженцы караимской веры).

По свидетельству современников, у графини Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой было несколько сердоликовых перстней, одним из которых она запечатывала свои письма к Александру Сергеевичу и позже подарила ему на память. К нашему большому сожалению, он бесследно исчез из музея во время февральской революции 1917 года, но, к счастью, остался его отпечаток на сургуче, сделанный в 1887 году.

Уходя «в мир иной», Пушкин подарил своё кольцо, с зелёным камнем, В.И.Далю, всю последнюю ночь пробывшего у постели поэта; к сожалению, мы не знаем точно, был ли это изумруд, а может быть – демантоид или хризолит?

И ещё об одном перстне, подаренном Пушкиным на смертном одре, своему другу, секундantu на роковой дуэли – Данзасу. Один из верных друзей – П.В.Нащокин, подарил ему талисман - кольцо с бирюзой, «от насильственной смерти». Но и этот талисман не спас поэта - в день дуэли на руке Пушкина этого перстня не было. Понимая, что жить ему осталось немного, Пушкин попросил Данзаса, также постоянно дежурившего у его постели, подать шкатулку, достал из неё бирюзовое кольцо и отдал ему. А когда Александр Сергеевич, уже от очень нестерпимой боли хотел покончить с собой и попросил слугу принести pistols, именно Данзас забрал их у Пушкина из под одеяла...

Немного об истории родов Пушкиных и Ганнибалов. Рассказывая о своих предках, Пушкин проводит их линию от времён Александра Невского через большое количество известных исторических личностей – Иван Грозный, Лжедмитрий; несколько Пушкиных подписали грамоту на начало правления Романовых; далее – Пётр Третий и т.д. Его деды и прадеды по обеим линиям – артиллеристы, у рода Пушкиных – шестисотлетнее дворянство! А знаменитый африканский прадед, «Абрам Петрович Ганнибал, генерал на службе русского царя», был сыном князя – владельца трёх городов. Более подробно «про арапа Петра Великого» вы можете прочитать в прекрасной книге Натальи Константиновны Телетовой «Жизнь Ганнибала – прадеда Пушкина». Можно только не переставать удивляться и восхищаться талантами Пушкина: в юности – это, подающий большие надежды, поэт, чего стоят «Воспоминания в Царском Селе», прочитанные восхищённому Державину! Позже будут и проза, и поэзия, но уже в написании гораздо более зрелого, всеми признанного гения нового, поэтического русского слога. Пушкиноведами доказано, что именно он, вскоре после знакомства с Владимиром Ивановичем Далем, посоветовал ему начать составлять толковый словарь русского языка. Александру Сергеевичу интересна и история России, он пишет про пугачёвский бунт, про Петра Первого.

Что интересно – в 1827г. его принимают обратно на службу в Министерство иностранных дел, чтобы он получил допуск к «библиотеке Вольтера», для написания истории Петра Великого.

И, конечно, абсолютно заслуженно, А.С.Пушкин был избран в члены Российской академии наук в начале января 1833 года!

Теперь о знаменитой «Немецкой биографии А.П.Ганнибала», без которой не было бы

пушкинского «Арапа Петра Великого». Регулярно посещая «ферсмановские места» в Хибинах, совершенно неожиданно, мне удалось узнать, что в Апатитах живут несколько человек с такой фамилией, а в Санкт-Петербурге – их родственники. По приезде созвонился с Борисом Константиновичем Ганнибалом, рассказал, что к чему, он любезно дал почитать мне книгу Н.К.Телетовой о прадеде Пушкина, в которой очень интересно и подробно написано про три рукописи с немецкой биографией Ганнибала! Мне было разрешено созвониться с Натальей Константиновной, автором книги, в разговоре рассказал о степени родства с нынешними Ферсманами и т.д. Она была рада нашему знакомству, просила, не стесняясь, обращаться с вопросами и обещала отдать мне все свои материалы, касающиеся Веймарнов и Ферсманов. Теперь о связи рода Ферсманов с Ганнибалами. Дочь «арапа Петра Великого» Софья вышла замуж за Абрама Карловича Роткирха, у них родилась дочь Надежда, которая вышла замуж за Павла Шемиота. В этом браке – две дочери: Софья и Надежда, обе они – правнучки Ганнибала. Сенатор Александр фон Веймарн женился на них поочередно, а он в родстве с Розалией фон Ферсманн! Что интересно: годы рождения правнучек, совсем рядом с А.С.Пушкиным, 1797-ой и 1801-ый. А внук А.К.Роткирха – Владимир женился на Розалии ф.Ферсманн, детей у них не было. Именно они сохранили для потомков самую первую биографию Ганнибала, записанную с его слов, А.К.Роткирхом! Дело в том, что были ещё два списка с этого документа: для сына Ганнибала Петра и для А.С.Пушкина, который возвращался из ссылки. Сначала были обнародованы эти «списки», а только в 1899 году, на юбилейной выставке в Санкт-Петербурге, сенсационно появилась настоящая рукопись, с более ранними «водяными» знаками на бумаге. ...

В начале мая 2022 года, волею судеб, моя дочь Елена, в замужестве Ферсман, познакомила меня с Юрием Васильевичем Лихолетовым, одноклассником и однокурсником Геннадия Александровича Ферсмана, отца моего зятя Вадима. Вскоре «Васильевич» предложил пообщаться с очень интересной женщиной Людмилой Николаевной Васильевой, женой известного архитектора. Отец её мужа в своё время проживал в Казани, был заядлым пушкинистом, имел знакомства в Ленинграде: в Пушкинском музее и на Мойке, 12. Однажды, в 1972 году, к нему обратилась женщина, по фамилии – Горяева, с предложением приобрести серебряную сухарницу, из которой (по преданию) А.С.Пушкин кушал печенье в доме купца 1-ой гильдии Крупенникова. Дело происходило в Оренбурге, в сентябре 1833 года, А.С. приехал собирать материалы для книги о пугачёвском бунте, хотел побывать в тех местах, встретиться с очевидцами событий. Горяева сообщила, что есть ещё диван, на котором отдыхал Пушкин, но им уже заинтересовались москвичи. По окончании беседы она сказала: «Если вам удастся её продать, это – хорошо; а не удастся, так отдайте её в Ленинграде в пушкинский музей, нам она без особой надобности, пусть на неё люди смотрят». Далее - по рассказу Людмилы Николаевны. Отец мужа лично привёз печенницу-сухарницу в Ленинград с большими предосторожностями; она была в весьма неопрятном состоянии и Л. Н. сама доводила её до приличного вида с помощью суконных тряпочек и зубного порошка. После этого муж Л.Н. передал реликвию - то ли в Пушкинский Дом, то ли на Мойку, 12 (в семейном альбоме сохранились фотографии Людмилы Николаевны с заветным изделием в руках). Через некоторое время после нашего знакомства, она попросила меня навести справки о дальнейшей её судьбе и предоставила свои снимки, извиняясь за плохое качество фотографий. С уже обработанными на компьютере кадрами, я приехал в Пушкинский Дом и обратился к главной хранительнице с просьбой о поиске возможного местонахождения сухарницы. Вскоре мне позвонили и сообщили, что она находится на хранении в фондах Музея-квартиры А.С.Пушкина на Мойке, 12. Моё заявление на имя директора музея было удовлетворено и даже с предоставлением возможности увидеть её «воочию», собственными глазами. В назначенный день и час, меня приветливо встретила главная хранительница фондов Е.В.Старинкова. После соблюдения всех необходимых формальностей,

Елена Валентиновна, в белых перчатках, принесла и поставила сахарницу на стол, красиво убранный. Потрясающее зрелище – она изнутри позолочена (после реставрации) и вся просто светится. Потом мне любезно показали сахарницу 1757 года, подаренную музеем в 1963 году и дубовую шкатулку тех же старинных времён – подарок от женщины по фамилии Лабиннаг (Ганнибал – наоборот, легенда об этом – в Интернете). К сожалению, время моего посещения было очень ограничено, уже пришли следующие визитёры. С большим душевным волнением и трепетом, поблагодарив Елену Валентиновну (конечно, забыв спросить про трость с набалдашником из аметиста), поспешил домой весь под впечатлением от увиденного. Моего звонка, с нетерпением, уже ждала Людмила Николаевна, сфотографированная с этим раритетом в руках - 50 лет назад!

В ленинградском сборнике «Петербургские встречи Пушкина», под общей редакцией старшего научного сотрудника Пушкинского дома Р.В. Иезуитовой, есть интересная статья «Кавалерист-девица», автор – М.А.Турьян. В ней очень подробно рассказывается о переписке и нескольких встречах А.С.Пушкина с героиней Отечественной войны 1812 года, кавалером Георгиевского креста, легендарной Надеждой Дуровой. Результатом их общения стало издание осенью 1836 года «Записок кавалерист-девицы», написанных ею собственноручно, имевшее большой успех. Гораздо менее известна история о другой героине 1812 года – прусской улан-девице Луизе Кессених. О ней можно прочитать в справочнике Б.Г.Бёма «Волковское лютеранское кладбище Санкт-Петербурга». Когда русская армия, преследуя наполеоновские войска, в 1813 году вступила в Пруссию, Луиза решила стать добровольцем и записалась в уланский полк, дошедший в 1814 году до Парижа. К окончанию войны ей удалось дослужиться до унтер-офицерского звания, да ещё получить «Железный крест» за взятие в плен группы солдат-французов во главе с офицером. Далее она оформляет перевод военной пенсии и переезжает в Россию. Вскоре Луиза Кессених покупает трактир «Красный кабачок», на выезде из Санкт-Петербурга, по Петергофской дороге (историческое место, связанное с Петром Первым и Екатериной Второй). Он просуществовал до 1919 года (фото - в справочнике). Что интересно: там бывали близкий, лицейский друг Пушкина Дельвиг с женой и Анна Павловна Керн, возможно, были и другие гости! Немного о Демутовом трактире, имевшем расположение на Мойке, 40. Этот участок в 1765 году приобрел француз Филипп Демут, вскоре он построил там гостиницу (с последующим расширением), которая очень быстро стала популярной. Было очень удобно и престижно: она находилась на Невском проспекте, совсем рядом - Дворцовая площадь, Зимний дворец.

А.С.Пушкин останавливался в номерах трактира неоднократно: с мая 1827г. по август 1830г. После ухода из жизни Демута, его дочь, Елизавета (в замужестве – Тиран) унаследовала гостиницу, но название «трактира» прочно вошло в обиход. Волею судеб, Луиза Кессених и Елизавета Тиран покоятся на Волковском лютеранском кладбище. Моё предположение – вполне возможно, что они, в свою бытность, были знакомы с А.С.Пушкиным, почему бы и нет?!... В Санкт-Петербурге есть несколько памятников А.С.Пушкину: на площади Искусств перед Русским музеем, работы скульптора Аникушина; на Пушкинской улице; около Пушкинского Дома – бюст на высоком постаменте; ещё - в вестибюле станции метро «Чёрная речка», а недавно открыли и около станции, в красивой беседке. Очень хорошо он изображён во дворе Музея-квартиры А.С.Пушкина, на Мойке, 12. Но лично мне больше всего дорог этот «памятник», в ленинградском метрополитене, открывшемся в 1955 году. Ведь именно его фотография стала тогда самым первым в моей жизни снимком на, подаренном отцом за хорошую учёбу, скромном черно-белом фотоаппарате!

Скульптура М.К.Аникушина в Санкт-Петербурге, станция метро «Пушкинская». 2022 год.

Минута, и стихи свободно потекут...

Величайший русский поэт Александр Сергеевич Пушкин – это наше «всё» и на все времена!!!

(Ссылка на документ от «Квартиры-музея, Мойка, 12.» строго обязательна при распечатке!!!).

Глава 9. Минералы – символы, обереги в христианстве.

У самого первого – безусловный приоритет, ведь он символизирует момент распятия Христа! Его научное название – гелиотроп (поворачивающийся за Солнцем, следующий за ним). В этом минерале присутствуют два основных цвета – зелёный и красный; зелёный символизирует свежесрубленное дерево для креста, а красный – это Христова кровь.

Об этом камне Михаил Иванович Пыляев в своей книге «Драгоценные камни», впервые изданной в конце XIX века, пишет, что это яшма тёмно-зелёного цвета с красными пятнами; встречается по берегам Нила, также её находят в Бухаре, на острове Эльба и на Урале, но самая лучшая – из Калькутты. «Кровяная» яшма считается самым любимым камнем для перстней с гербами и для печатей. Некогда он был излюбленным материалом резчиков: большая часть античных амулетов и перстней вырезана из гелиотропа...

Изделиями из него украшали нагрудные кресты, церковную утварь и одежду. В Оружейной палате московского Кремля можно увидеть некоторые из них.

В одном из справочников можно прочитать, что это камень Святого Стефания, принявшего мученическую смерть от «побивания камнями». Он твёрдо уверовал в учения Иисуса Христа и стал их проповедником; позднее был причислен к лику святых великомучеников, почитаем христианами и католиками, даже есть праздники в его честь. В Википедии много и достаточно подробно написано про жизнь Стефания и историю с его чудотворными мощами.

Так что в средние века гелиотроп был очень востребован, служил в качестве мощного оберега. А хорошие образцы этого минерала сейчас, в наше время – большая редкость. Гелиотропы, изображённые на фотографиях, прислал по моей просьбе знакомый из Казахстана – Сергей Клевцов, организовавший для этого специальную поездку.

Следующий камень – ставролит (от греческого слова «ставрос» – крест). Он – представитель класса кристаллов-двойников, не всегда «вырастает» классическим крестом, да ещё с нижней перекладиной; гораздо чаще встречаются образцы со слегка хаотичным расположением кристаллов. Очень крупные и красивые кристаллы находили на Кольском полуострове, их наибольшие размеры просто поражают воображение – до 10 и даже 15 сантиметров по высоте. У русских монахов он назывался «крестовым камнем». Они добывали ставролит в глухом, заболоченном месте полуострова - Семиостровье. Многие жители северных областей России

носили его в качестве природного крестика, амулета-оберега, особенно детей.

Мой учитель, кандидат геолого-минералогических наук, Юрий Олегович Липовский в своей книге «Люди, камни и судьбы» подробно рассказывает о попытке отряда ленинградских геологов отыскать это давно забытое месторождение. Им удалось, после долгих и напряжённых поисков, найти в предполагаемом районе ветхий погост, построенный монахами в абсолютно глухом месте: развалины небольшой церквушки и нескольких избышек. Относительно недалеко было обнаружено большое количество проявлений желанного минерала – ставролита. Несколько дней отряд добывал и отбирал образцы, но, самое главное – неожиданно удалось найти сланцевую плиту размером 40 на 90 сантиметров, в середине которой проступал большой крест с нижней косой перекладиной. Для всех участников это было просто настоящее чудо природы, найденная святыня! Немного истории – в 1988 году, во время празднования тысячелетия крещения Руси, геологи подарили этот крест настоятелю церкви г. Кировска Мурманской области, отцу Василию. Прошли годы, церковь снесли, позже была построена другая, сейчас там – женский монастырь. На мой вопрос о дальнейшей судьбе этого чуда природы настоятельница ответила, что, к большому сожалению, ей об этом просто ничего неизвестно...

В книге «Камни мира», издательства «Аванта», можно прочитать, что «издавна ставролитовые крестики добывали в Альпах и в некоторых старых швейцарских деревнях они до сих пор служат амулетами при обряде крещения».

Сейчас этот камень иногда появляется на минералогических выставках, но, как правило – это небольшие, скромных размеров, достаточно правильные крестики на чистой сланцевой подложке.

Образец кристалла ставролита на слюдистом сланце из коллекции Юрия Олеговича Липовского, Натуральная величина – 15 см. Кольский п-ов. Семиостровье.

Настал черёд рассказа о камне священников – «архиерейском камне». Красивая разновидность кварца, окрашенная в фиолетовые цвета, называется аметистом, это один из самых известных человечеству минералов. Ещё в очень стародавние времена, за несколько тысяч лет до нашей эры, в древнем Египте, из него уже делали украшения для царей. Далее, в библейские времена, о нём известно, что он входил в число 12-ти камней в нагруднике первосвященника, служил одним из его украшений. В христианской вере принято считать аметист камнем «апостола Матфея». В коллекциях из различных музеев мира можно увидеть большое количество самых разнообразных изделий с использованием этого камня: тут и античные геммы, более поздние - броши, кольца, бусы, заколки и пр.

В энциклопедиях и в Интернете можно прочитать, что и в православии и католицизме священники высокого ранга должны были носить перстни именно с аметистом, отсюда появились и его новые названия – «кардинальский, епископский» камень.

В Большой иллюстрированной энциклопедии «Драгоценные камни», изданной в Санкт-Петербурге в 2011 году, рассказу об аметистах отведены целых восемь страниц большого формата с очень интересными статьями и богатыми, редкими иллюстрациями.

В России самые известные месторождения находятся на Среднем Урале и на Кольском полуострове. Об уральских аметистах надо рассказывать отдельно, поэтому, сначала – немного о кольских. Расположен в тех местах – Терский берег, вдоль Кандалакшского залива, а на нём находится всемирно известное месторождение – мыс Корабль (Аметистовый берег). Там в стародавние времена, ещё в XVI веке, добывали хорошие кристаллы густо-сиреневого цвета (копи Дедовские), а в советское время – красивые аметистовые «щётки», хотя очень редко попадались, в полосе отлива, и «занорыши» с большими друзами великолепно окрашенных кристаллов.

Скопление кристаллов аметиста с Дедовского месторождения.

Есть очень интересная книга «Аметистовый берег», написанная кандидатом геолого-минералогических наук Николаем Игоревичем Фришманом. Там профессионально, со знанием дела, рассказывается об основных слагающих месторождения – кварце, флюорите, барите; объясняется, как происходили местные земные процессы при образовании аметистов,

о зональных разделах и т. д. Ранее основателем музея цветного камня в г.Мончегорске Давом Владимиром Николаевичем были выпущены в свет две книги, посвящённые этой же теме: «Камни радости» и «Аметист лихие думы отгоняет», названия говорят сами за себя.

Это друза кристаллов с мыса Корабль

Аметистовые «каменные цветы» из Бразилии. Из коллекции Н.И. Фришмана.

«Дедовские» аметисты шли, в-основном, на изготовление изделий церковного назначения: нагрудные кресты, митры, панагии, вставки в оклады икон, украшения одеяний священников. Из «советских» щёток делали предметы сувенирного направления, как-то: шкатулки, пепельницы, подсвечники, брошки и другие вещи подобного рода. Месторождение мыса Корабль было признано памятником природы, объявлено заповедной зоной, но основная его слава осталась уже в прошедшем времени. Совершенно особое место во времена академика А.Е.Ферсмана, занимали уральские аметисты. Вот что он пишет о них в VII-ом томе своих «Избранных трудов»: «Уральский аметист ... не имеет соперников на мировом рынке. Аметисты всех других месторождений при искусственном освещении теряют игру, красоту и сочность тона; аметисты Среднего Урала сохраняют свой блеск, а камни Тальяна (около Мурзинки) загораются кровавыми отблесками». Далее Ферсман пишет о том, что в 70-е годы XVIII века аметисты ценились очень дорого, за печатку из среднего аметиста платили по 500 руб., а за камни густого тона – по 1000 руб. и более. Из уральских месторождений он особо выделяет районы Мурзинских и Адуйских копей. Ещё одна цитата: «Месторождения Мурзинского района давали камни очень высокого качества, причем, благодаря кроваво-красному отблеску, особенно ценились камни Тальяна». Во время моих пребывания на Среднем Урале, в селе Кайгородском, мне удалось познакомиться с Ильдаром Ивановичем Артемьевым, местным писателем-самородком, человеком, беззаветно влюблённым в камень и очень уважающим академика А. Е. Ферсмана, ведь тот начал изучать уральские месторождения ещё с 1912 года! Фотография кулона с настоящим мурзинским аметистом, с камнем работы Ильдара Ивановича, предлагается вашему вниманию, есть чем повосхищаться!

На Кольском полуострове есть ещё один интересный минерал с «крестовым» названием – хиастолит: («хиас» на латинском языке – крест). На его срезе, после шлифовки и полировки отчётливо виден четырёхконечный крест. Более подробно об этом минерале можно прочитать в Интернете, а наш рассказ о камнях - символах и оберегах в христианстве на этом заканчивается.

Глава 10. Эта загадочная аметистовая друза.

В одной из комнат моей квартиры на стене висят девять самых любимых фотографий минералов, сделанных мною в разное время и в различных местах. На них запечатлены великолепные кристаллы крокоита и александрита из частного уральского музея, радуга в кристалле горного хрусталя, постепенно переходящего в дымчатый кварц, иризирующий эвдиалит, «художественный образ» Тьетты в тингуаите, прекрасные образцы из московских музеев. Но есть ещё одно фото, сделанное в конце двадцатого века, в горно-геологическом музее ОАО «Апатит» города Кировска Мурманской области. При посещении музея просто невозможно было не обратить внимания на это уникальное чудо природы. На отдельной тумбочке, под защитным прозрачным колпаком, стояла великолепная аметистовая друза, с очень крупными кристаллами глубоко насыщенного цвета. На скромной надписи значилось, что этот образец из Мурзинки, с Урала. На протяжении ряда лет, приезжая в Хибиньы весной и осенью

полюбоваться местными красотами, я обязательно посещал музей и снимал этот образец с разных ракурсов и различными фотоаппаратами. И вот пришло время заняться давними вопросами - как, каким образом, откуда и когда попала в скромный музей города Кировска эта друза? После переезда экспозиций музея на новое местожительство, я предпринял несколько попыток узнать её историю, но все усилия пока были тщетны. Документы на аметистовую друзу отсутствуют (возможно, за давностью лет), работники музея – новое поколение, которому ничего неизвестно, а старое поколение, которое могло что-нибудь рассказать, увы, уже ушло «в мир иной». Значит, надо строить логическую цепочку со дня основания музея и думать, кто бы мог её подарить. Одна из моих основных версий связана с геологом Борисом Александровичем Линденером – организатором данного музея в Хибиньогорске. Много о Б.А. можно узнать из письма-характеристики в вышестоящие инстанции академика В.И.Вернадского; оно написано в августе 1927 года. «Я знаю Б.А.Линденера с университетской скамьи, молодым юношей-студентом он начал у меня научно работать... Мне пришлось сталкиваться с ним много больше двадцати лет... Большая часть его жизни прошла перед моими глазами... Это не преступник и не скверный, злостный, вредный для народа и государства человек - это умный, талантливый человек, много давший и могущий много дать – если он будет поставлен в условия, где мания игрока не может иметь разрушающего влияния на его моральную личность. Сейчас вопрос должен идти не о возмездии и изъятии его из живой среды – а о правильном использовании направлении на народное благо его талантов, ума и организаторской силы, всегда редких и ценных во всякой стране – а в нашей в особенности». Далее В.И.Вернадский описывает, какие должности занимал Линденер и принесённую им на этих постах большую пользу. «В КЕПСе (комиссии по изучению естественных производительных сил) он проявил исключительную работоспособность, ум, энергию и организаторский талант. Он вёл эту работу, в тяжёлых, иногда и чрезвычайно трудных обстоятельствах в течение 10 лет, с 1915 по 1926 год. Страсть игрока охватила всего лишь

последний год; несчастные обстоятельства позволили ему её осуществить. Он пришёл к катастрофе, к крушению положения, созданного всей его раньше безупречной плодотворной осознанной жизнью. Он сделал в жизни много хорошего и нужного... Надо считаться с его большой безупречной большой предыдущей жизненной работой... Его преступление есть случайное несчастье, не связанное с основой его личности». Речь идёт о растрате Б.А.Линденером большой суммы государственных денег и грозящем ему очень суровом наказании, вплоть до высшей меры. Очень интересна просьба А.Е.Ферсмана после прочтения этого письма: «Дорогой Вл. Иванович! 1) Прошу передать сии материалы жене Линденера. 2) и сказать ей, что я, вернувшись из Москвы, принёс полную уверенность о неприменении высшей кары». В переписке А.Е. с В.И.Вернадским первые упоминания о Линденере начинаются с 1911 года, известно даже об их совместных поездках в экспедиции. Мы уже знаем, что в 1927 году Б.А.Линденер был арестован, далее – Соловки. Волею судеб, в составе группы из шести человек, не без ходатайства А.Е.Ферсмана (они будут в Хибинах гораздо более полезны, чем на рытье канала или валке леса), с июля 1931 года он начинает работать в Хибиногорске. Впоследствии Б.А.Линденер был назначен первым директором горно-геологического музея треста «Апатит»...

В музее Горного университета в Санкт-Петербурге, на отдельном столике, можно увидеть аметистовую друзу, её размеры впечатляют (780 на 280 и на 220 мм.), это - подарок императора

Александра II – 1838 год. Она была найдена на Среднем Урале, в Мурзинской волости, вблизи реки Анбарки. Подробное описание этой уникальной находки впервые было дано в «Горном журнале за 1829 год (Об одной аметистовой друзе). «... Друза сия куплена, по высочайшему повелению, за 5000 руб. у екатеринбургского купца Сапожникова и пожалована Горному кадетскому корпусу. Она имеет 16 вершков в длину, 8 вершков в ширину и девять с половиной вершков в вышину. Главное достоинство её в правильности и необыкновенном скоплении кристаллов, из

которых она состоит». Просматривается определённое сходство друз, да и надписи под обеими гласят, что они из Мурзинки, с Урала. С подарком императора всё абсолютно понятно, а вот, как и откуда другой образец мирового уровня попал в скромный музей города Кировска – это очень интересный вопрос. Если академики Вернадский и Ферсман приняли такое горячее участие в судьбе Линденера, то вполне уместно предположить, что А.Е. мог содействовать присылке нескольких уральских образцов минералов для недавно открывшегося музея для моральной поддержки «Бориса», как он его называл. Возможностей для этого у него было предостаточно – А.Е.Ферсман до 1930 года был директором Минералогического музея в Москве, его хороший знакомый, известный уральский горщик Китаев Григорий Георгиевич, по совету Ферсмана, собирал уральские минералы, формировал из них коллекции и рассылал в ведущие музеи страны. Далее – по всему Уралу в 1936 году начали отбирать лучшие образцы и штуфы для показа делегатам Международного Геологического конгресса (Москва - 1937 год), здесь тоже возможны варианты после окончания съезда. По поводу Мурзинки - как пишет А.Е.Ферсман: «Мурзинка на Урале – понятие собирательное, к ней относит минералог или любитель камней целый район Среднего Урала...»; это целая обширная область вокруг деревни Мурзинка, где на большом лугу проходили «каменные ярмарки», народ съезжался со всей округи. Обладая определёнными полномочиями и возможностями, А.Е. мог приобрести эту аметистовую друзу у знакомых старых

горщиков (версия Липовского Ю.О.), ведь сделал же он подарок Китаеву на свадьбу в виде большого кристалла зелёного берилла! Или другой вариант – друза была найдена чуть ли не сто лет назад и передавалась по наследству, а молодые наследники, уже отошедшие от «каменного дела», просто продали её за хорошие, в их понятии, деньги.

В VII томе «Избранных трудов академика А.Е.Ферсмана», в историческом очерке, посвящённом Мурзинскому району, приводится цитата из Гмелина-старшего о посещении им в 1740 году Алабашкинских копей. «Эти копи лежат главным образом на правом берегу речушки Амбарки, в количестве свыше 100 больших и малых ям и тянутся целой полосой на протяжении 12 вёрст между дер. Сизиковой и Кайгородским...». Ниже А.Е. пишет, что: «Далее следует подробное и очень хорошее описание находки в этих копиях аметистов, а затем и других драгоценных камней района (дымчатого топаза, аквамарина, топаза-тяжеловеса и «хризолита» т.е. жёлтого берилла). Однако особенное внимание в эти годы было обращено на аметисты, и иногда, например, в 1784 году, некоторые ямы давали в короткий срок (несколько недель работы) камней на 1000 руб.». На стр. 328 есть ещё несколько интересных для нас фраз: «В 1900 году Алапаевское заводууправление попыталось само поставить ряд добыч камней, особенно аметистов, но потерпело неудачу. В 1920-22г.г. вновь была сделана попытка наладить казённое дело на серьёзных началах под руководством Г. Китаева». В заключение этого небольшого очерка А.Е. приводит некоторую хронологию по использованию и изучению Мурзинского района. В части работ по аметистам обращают на себя внимание записи: «1904 год – обильная добыча аметистов в Голодном логу, 1912 г. – обильная добыча в районе дер. Сизиковой, 1920г. - организация казённых работ на Мокруше, Ватихе и Липовке». После нескольких консультаций с бывшими работниками горно- геологического и историко-краеведческого музеев г.Кировска выяснилась одна интересная подробность – в 1932 году в Хибиногорск (Кировск) приезжал кандидат в члены Политбюро ВКПб Анастас Иванович Микоян и, в-частности, посетил недавно открывшийся горно-геологический музей. Создание музея в городе было продиктовано жизненной необходимостью: в 1930 году около озера Большой Вудъявр была выстроена база ОПТЭ (Общество пролетарского туризма и экскурсий), приезжало большое количество туристов, чтобы ознакомиться с местными красотами природы и, конечно, им хотелось узнать побольше про апатит, нефелин, другие хибинские минералы, посмотреть на них своими глазами, подержать в руках и т.д. А вот ещё одна рабочая версия появления «нашей» аметистовой друзы в экспозиции музея. По случаю прибытия в Кировск очень важного гостя она была срочно прислана, как символ единения трудящихся - «Наш пролетарский подарок от уральцев - отважным хибиногорцам» или «Седой Урал приветствует Хибины» и пр. А сейчас – самое интересное. После всех этих предположений мне, наконец, удалось дозвониться до Татьяны Георгиевны Барановой, ранее работавшей в горно-геологическом музее в должности ведущего инженера. На мой вопрос о том, как и когда в музее появилась большая аметистовая друза, она уверенно ответила, что таковая была приобретена в составе пяти штуфов уральских минералов, в числе которых были ещё образцы малахита, кальцита и пр. Покупка была сделана позже дня открытия музея, записи об этом надо искать в старых папках - но не о самой друзе, а о коллекции из пяти уральских штуфов! И, очень предположительно, время покупки – 1937 год... Таким образом, версия, связанная с приездом А.И.Микояна отпала, но зато остались А.Е.Ферсман и его советы Китаеву Г.Г. собирать коллекции для музеев Советского Союза. И теперь мы знаем, что это чудо природы – родом из Мурзинки, со Среднего Урала и было приобретено в составе коллекции из пяти уральских штуфов незадолго до Великой Отечественной войны, а это уже – немало!

Глава 11. Загадки «хрустальной иконы».

Уже при первом посещении Московского минералогического музея им. А.Е.Ферсмана, восьмого ноября 2013 года, моё внимание привлёк очень интересный кристалл горного хрусталя. На витрине, где он находился, было размещено подробное описание его истории. Несколько фраз из пояснения: «...Две его поверхности приполированы и на одной из них вырезана картина: бородатый человек с книгой и нимбом, крест и странное изображение – то ли лицо, то ли голова зверя. Картина была вырезана каким-то твёрдым минералом, потом частично окрашена и покрыта позолотой... Изучение архивов показало, что это один из древнейших образцов нашего музея. В одном из ранних каталогов нашего музея, каталоге Вернера, составленном в 1806 году, этот образец записан под №5. Указано, что образец из Бразилии. Очевидно, что изображение на кварце было сделано не позднее XVIII века и не ранее XIV века (начало распространения христианства в Южной Америке). Вероятно, оно является своеобразной «хрустальной иконой»,

но кто и для чего её создал, каков её сюжет – вопросы, не нашедшие ответа».

Самые первые фотографии, сделанные мною, были нечёткие, размытые; снимать приходилось через толщу витрины, а кристалл лежал рисунком вниз. Фото от 6 июня 2014 года, сделанное при боковой солнечной подсветке, неожиданно дало некоторый цвет в изображении. Местами, очень размыто, была видна некая краснота с тёмной желтизной, но где же позолота?

Только в середине декабря 2014 года обстоятельства сложились удачно: с разрешения директора музея Виктора Константиновича Гаранина мы, вместе с главным хранителем Михаилом Евгеньевичем Генераловым, открыли витрину и приступили к фотографированию для нашей «лабораторной работы». Были использованы разные способы

съёмки: со вспышкой и без неё, с изменением цвета подложки под кристалл, с индивидуальным подбором экспозиции и чувствительности матриц. Самые первые снимки были сделаны через толщу кристалла, расположенного удобным для нас образом. И сразу же появилось совершенно неожиданное, цветное, желтоватое с красным, объёмное изображение! А все мои предыдущие снимки давали некую чёрно-белую картину молящегося человека. Далее М.Е. повернул кристалл «лицом» к нам и мы сделали чёткие снимки вида «прямо» на плоскость изображения. Общая картина была уже относительно ясна: «икона», при определённых условиях освещённости и своём положении, таинственным образом может преобразоваться из чёрно-белой в объёмную, да ещё в золотистую! По возвращении в Санкт-Петербург, сразу же, надо было заняться темой

«хрустальной иконы», дело-то ведь наше – петербургское! По распоряжению Петра Первого, в 1714 году была создана «Библиотека с Кунсткамерой». Первый русский музей – «Петровская кунсткамера», открывшийся в 1719 году «для любопытствующих посетителей», имел минеральный кабинет, который, в дальнейшем, был передан Академии Наук. Почти через 200 лет, на основе разросшейся минералогической коллекции, был создан самостоятельный Минералогический музей Академии наук, который в 1934 году был переведён из Ленинграда в Москву. А нынешний Минералогический музей им. А.Е.Ферсмана – безусловно, «детище» Кунсткамеры и, возможно, в её архивах сохранились старые описи с упоминаниями о «нашем» кристалле. В книге «Летопись Кунсткамеры. 1714 – 1836 г.г.» таких сведений не нашлось, но есть упоминания о многочисленных, разнообразных поступлениях минеральных коллекций, как от государственных, так и от частных лиц. Возможно, это образец был в числе подарков от княгини Е.Р.Дашковой (15121 предмет).

Наше обращение очень заинтересовало дирекцию Этнографического музея, тщательно были просмотрены документы тех времён – сведения о каталоге отсутствовали. В описании «нашего кристалла», на витрине музея, был ещё текст на старонемецком языке из каталога Вернера, но в нём ничего нового для нас нет. Примерный перевод: « Это кристалл горного хрусталя, на котором искусно сделано изображение человека. С включениями амианта и штральштайна. Из Бразилии, частично отшлифован».

Теперь надо было попытаться разобраться, кто же изображён на «иконе» и что всё это означает? Мой старый знакомый, преподаватель католической духовной семинарии в СПб, отец Марьяно улетел в Мадрид, на празднование католического Рождества. Пришлось посетить несколько церквей: евангелическо-лютеранскую святых Петра

и Павла, далее – римско-католическую св. Екатерины Александрийской, с одним и тем же вопросом: кто может быть изображён на «хрустальной иконе»? Все предположения, в основном, сходились на святом Франциске Азисском (1181 – 1226г.г.) и пустынножителях: святых Антонии Великого и Иерониме, живших примерно в IV веке нашей эры. С настоятелем монастыря Святого Антония Чудотворца, отцом Адрианом Зудиным, мы очень плодотворно побеседовали. Он очень понятно объяснил, что означает череп рядом с крестом во францисканстве. Изображение головы человека – это тот, за кого молится пустыжник. А если изображены крест, евангелие или святое писание: значит – это проповедник, рассказывающий об учении Христа и молящийся за нас, грешных. При ближайшем рассмотрении снимков «иконы» выяснилось, что рисунок на ней выполнен резцами различных радиусов; с фигурой и плащом – всё гораздо сложнее. Следующим действием стало обращение к знакомым иконописцам, их мнение было однозначно: это – святой Иероним! В иконографии есть определённые законы при рисовании того или иного святого.

В нашем случае мы видим молящегося человека, из одежды на нём – только плащ. А святой Иероним именно так и изображался на иконах: полуобнажённый, в красном плаще, иногда с камнем в руке (для укрепления твёрдости духа). Если хорошенько присмотреться, на «нашем» кристалле всё это присутствует: и красный плащ, едва прикрывающий тело человека, и в левой руке видны слабые контуры круглого камня.

Господа иконописцы согласились, что «красное» на фотографии есть некая грунтовка (или краска?!); «желтое и чёрное» – скорее всего, позолота. Чёрный цвет на иконе – возможно, слой защитного лака, но это надо проверять в ультрафиолете на предмет его

свечения. Если при рассмотрении под микроскопом слой позолоты тонкий и равномерный, то, скорее всего, это – «творёное золото». Оно изготавливается методом растирания частиц золота с гуммиарабиком; получается мелкодисперсная смесь с хорошими клеящими свойствами, легко наносимая тонкой кисточкой. В окончании нашего разговора художники высказали очень интересную мысль – а не приклеена ли плоская пластина (инталия) с изображением святого к поверхности кристалла?! Безусловно, это очень многое бы прояснило, но на данный момент, у нас не было возможности проверить данное предположение. Теперь по поводу заказчика иконы. По мнению одного всеми уважаемого геолога, кристалл может быть европейского происхождения, из Швейцарских Альп, возможно, он просто «проплывал» вместе с хозяином мимо Бразилии, в качестве «оберега» или «иконы». Сам рисунок, безусловно, сделан в одной из европейских стран, где уже было высоко развито искусство работы с хрусталём, возможно, в эпоху Возрождения?! У меня есть одно оригинальное предположение – в первом кругосветном путешествии участвовал некто Антонио Пигафетта. Он родился в 1490 году, в семье, принадлежавшей к знатному патрицианскому роду. С 1518 года состоял в свите папского нунция (посла), направленного папой Львом X к королю Карлосу. Узнав об экспедиции Магеллана, Пигафетта прибыл к нему с рекомендательными письмами и вскоре поднялся на борт одного из кораблей. В этом очень трудном походе он исправно вёл дневник, явившийся для всех историков первоисточником описания событий этого тяжелейшего путешествия вокруг света. Оно началось 20 сентября 1519 года, а закончилось почти через три года, 6 сентября 1522 года. Из пяти кораблей остался только один – «Виктория», из 265 человек вернулись только 17, все больные и едва державшиеся на ногах, одетые в лохмотья, измождённые, голодные, им приходилось есть крыс и кожу с мачт. По своим дневниковым записям Антонио Пигафетта, впоследствии, написал книгу «Путешествие Магеллана». Кстати, перед началом экспедиции им был дан священный обет, что если ему будет суждено вернуться обратно, то он босиком пройдёт расстояние от места

высадки до храма святой Марии Виктории, на богомолье. Свои рукописи Пигафетта торжественно вручил императору Карлу V. Позже, по прибытии в Италию, по просьбе папы римского Клементя и великого магистра Мальтийского ордена, он изложил всю историю экспедиции в форме конспекта. Можно предположить, что вскоре после своего благополучного прибытия (чудесного спасения), выполнив обет, Антонио Пигафетта заказал на память о своих приключениях «хрустальную икону». Конечно, она могла быть изготовлена до путешествия и служила в двух ипостасях: и оберегом и изображением святого, которому можно ежедневно молиться, а тем более в трудные минуты. Но, если «рисунок» нанесён на поверхности кристалла тонкими слоями красок, то вряд ли он смог бы выдержать длительное путешествие. Морской воздух, брызги, солнце, влажный тропический климат - всё это, вместе с постепенным истиранием рисунка при общении с иконой, неизбежно привело бы к его полному уничтожению.

Чудесный кристалл очень долго хранился в семье Пигафетты, передаваясь из поколения в поколение, возможно, его потомки кому-то подарили, а то и продали икону за «хорошие деньги». Чем хороша эта версия? В ней - всё на месте: и родина кристалла, и человек, который мог заказать памятную икону-оберег у известного художника, его общественное положение и могущественные связи позволяли ему это сделать; и, наконец, само время – эпоха Возрождения! Ведь Пигафетта жил во времена эпохи раннего Возрождения и вполне мог обратиться к одному из лучших художников, который явно был знаком с оптическими свойствами горного хрусталя и использовал все свои способности по высшему разряду.

Академик А.Е.Ферсман в своём двухтомнике «Очерки по истории камня» пишет, что: «...В середине XV века создалась первая промышленность по обработке горного хрусталя, научились его пилить, шлифовать, окрашивать и использовать в качестве украшений». Следующая цитата: «Начиная с XV века выдающуюся роль, особенно в Италии играли хрустальные сосуды. С этого же времени начинается применение лучшего горного хрусталя в качестве «стекла» для зеркал, небольших картин, табакерок... А в XVII веке заметно падает интерес к горному хрустальному...». Интересна также выдержка про то, что бразильские агаты, аметисты и горные хрустали стали известны только с 1827 года! И ещё: «Большую роль играла в X - XV веке резьба на горном хрустале; художники-резчики искусно наносили рисунок, не только усиливая красоту камня, но и скрывая его недостатки».

Из вышеприведённого становится понятно, что А.Е., вроде бы, не оставил нам выбора: XV век, небольшие картины из горного хрусталя; художники эпохи Возрождения; в XVII веке заметно падает интерес к горному хрустальному... Обратившись к Интернету, мы можем узнать о «житии святого Иеронима», прочитать легенду о хромом льве, пришедшем к нему за помощью и ставшим его постоянным спутником. Там есть достаточное количество картин с изображениями Иеронима; на многих из них мы видим святого, держащего в руке камень (иногда рядом с ним нарисован лев или его голова); в основном, всё прекрасно сходится с нашим рисунком. В заключение – фраза из Интернета: «...был очень популярен в эпоху Возрождения», она для нас очень важна. Действительно, именно в этот период (начиная с конца XV – начала XVI веков) известные художники обращаются к теме «святого Иеронима» и именно с этого времени начинается новое, «наше классическое», изображение святого – в красном плаще, полуобнажённого, с камнем в руке. И теперь, уже гораздо более определённо, можно предположить, что «хрустальная икона» была изготовлена в эпоху Возрождения. Да и запрет на иконы в католицизме совпадает со временем начала повышенного внимания к персоне Иеронима.

Но, на данный момент, всё выше перечисленное есть, не более чем, красивая гипотеза. Исследования будут продолжены...

Глава 12. «Пасхальное яйцо» от Агафона Карловича Фаберже.

В Минералогическом музее им. А.Е.Ферсмана выставлен для всеобщего обозрения ещё один необычный экспонат, под названием «Последнее императорское пасхальное яйцо Фаберже». Его детективная история началась почти сто лет назад, в октябре далёкого 1925 года, с короткого письма от Агафона Фаберже, сына знаменитого Карла Фаберже, к академику А.Е.Ферсману, директору Московского минералогического музея. В нём он сообщает многоуважаемому Александру Евгеньевичу, что он долгое время пытался дозвониться до него, но безуспешно. «Мне обязательно нужно Вас видеть и с вами переговорить по разным делам. Не откажите, пожалуйста, в любезности дать мне знать, когда и где Вы пожелали бы мне уделить на это некоторое время. Примите дружеский поклон от уважающего Вас А.К.Фаберже».

О выдающейся личности академика мы имеем достаточное представление, так же, как и о всемирно известной фирме Карла Фаберже. Слова «клеймо Фаберже» ассоциируются у нас с высочайшим качеством, мастерством и непревзойдённым художественным вкусом изделий.

Визитной карточкой фирмы, безусловно, являются императорские пасхальные яйца. Когда на Всемирной выставке в Париже в 1900 году, с согласия августейших особ, 15 яиц были представлены широкой публике, они произвели настоящий фурор и с этого момента начался бурный расцвет детища Карла Фаберже. Общеизвестен магазин фирмы в собственном доме Карла Густавовича в Санкт-Петербурге, она имела ряд отделений: в Москве, Одессе, Киеве и Лондоне. Интересная цитата из статьи Евгения Карловича Фаберже в парижском журнале 1939 года: «Главными клиентами фирмы были не только русский императорский двор и вся русская знать, но и многие иностранные дворы. Карл Густавович был не только русским придворным ювелиром, но и ювелиром королей Великобритании и Швеции, он состоял также придворным ювелиром и эмальером короля Сиамского». Ещё одна выдержка из «Истории

фирмы К.Фаберже» в изложении Евгения: «... Карлу Фаберже пришла счастливая мысль изготовить оригинальное пасхальное яйцо, и он предложил эту идею Александру III. Это очаровательное изделие получило высокую оценку его Величества, который сделал заказ и выразил пожелание получать новое яйцо ежегодно и доставлять его во дворец накануне Пасхи. Упомянутое выше первое яйцо было выполнено из золота и покрыто белой эмалью; когда его открывали, там оказывался золотой желток, а в нём курочка с пёрышками из разноцветного золота, внутри курочки была миниатюрная царская корона из алмазов – копия настоящей, а внутри короны – крошечное рубиновое яичко, которое можно было носить на цепочке. С тех пор каждый год мой отец проектировал новое яйцо с каким-нибудь сюрпризом, которое царь преподносил своей жене, императрице Марии Фёдоровне. После смерти его величества, мой отец был обязан делать по два пасхальных яйца для нового царя Николая II, которые преподносил их своей жене, императрице Александре Фёдоровне, а также вдовствующей императрице. Всего Карл Фаберже изготовил 50 яиц». А первое императорское пасхальное яйцо

было изготовлено к Пасхе 1885 года. Об одиозной, неоднозначной фигуре Агафона, второго сына Карла Фаберже, надо рассказывать особо. А.К.Фаберже не стал продолжателем дела отца, но прославился, как тонкий знаток драгоценных камней, антиквар, известный коллекционер. Именно поэтому он оказался в числе тех немногих, кто занимался оценкой реквизируемых драгоценностей. Немного о размахе дел Агафона. В марте 1917 года он заключил исключительно интересный по содержанию договор с петроградским предпринимателем Г. Брёмме о реализации последним принадлежащей А.К.Фаберже картины Рембрандта «Воскресение Господне». Из текста договора: «Швейцарская фирма «Братья Брёмме» имеет право продать картину по цене не ниже 700 тысяч американских долларов, за вычетом 250 тысяч долларов, которые А.К.Фаберже уже получил». В тот же день была заключена ещё одна сделка на две картины, одна из них – работы П.П.Рубенса. Цена продажи – не менее 200 тысяч долларов, 95 тысяч А.К.Фаберже должен получить сразу, при совершении сделки. После Октябрьской революции Агафон Карлович не спешил покидать Россию: в начале 1918 года он перевозит свои коллекции с загородной дачи в Петроград и открывает собственный художественно-антикварный магазин, рядом с домом отца. Он делает повторную попытку продать картины Рембрандта и Рубенса и обращается в Германский Рейхсбанк с предложением взять их на реализацию. Минимальные требования таковы: Рембрандт – 3 миллиона рейхсмарок, Рубенс – 375 тысяч. В начале 20-х годов в России были срочно созданы несколько комиссий по оценке ювелирных украшений и драгоценностей, реквизируемых государством. К этому времени относится начало совместной работы академика Ферсмана с Агафоном Фаберже (они знакомы ещё с 1918 года). В 1914 году золото и драгоценности из «Бриллиантовой комнаты» в Зимнем дворце были спешно уложены в сундуки, без описей и актов, вывезены специальным поездом в Москву и сданы в Оружейную палату. В апреле 1922 года они будут вскрыты членами особой комиссии, под руководством Льва Троцкого, в которую вошли А.Е.Ферсман и А.К.Фаберже. Агафон, в числе других экспертов, принимает активное участие в оценке драгоценностей бывшего Императорского Двора. Одни только коронационные регалии (большая и малая короны, скипетр, держава, цепь Андрея Первозванного) были оценены в 325 миллионов золотых рублей!

Настало время вернуться к нашему необычному экспонату под интересным названием. Старшим научным сотрудником Татьяной Николаевной Мунтян, хранителем коллекции Карла Фаберже в Оружейной палате, было высказано предположение, что две половинки и «облако» из кварца, хранящиеся в Московском минералогическом музее, могут быть частями императорского пасхального яйца, что впоследствии и подтвердилось. Но, каким образом они попали в запасники музея им. Ферсмана, не было известно никому. В Государственном научно-исследовательском институте (реставрации изделий) эти части были смонтированы в единое целое. Далее реконструкцию яйца выставили в одной из витрин музея для всеобщего обозрения.

В пояснительном тексте было написано, что это: «Последнее императорское пасхальное яйцо 1917 года, работы фирмы Фаберже. Оно предназначалось императрице Александре Фёдоровне, однако не было окончено из-за начавшейся революции. В музей передано в 1926 году А.К.Фаберже в виде несмонтированных половинок резного стеклянного яйца и подставки в виде облака из горного хрусталя. Получило условное название «Цесаревич Алексей», так как расположение созвездий на резном изображении небесной сферы соответствует положению их в небе Петербурга 12 августа (по старому стилю) 1904 года – дня рождения цесаревича.

В созвездии Льва, под которым родился наследник престола, должен был находиться самый крупный бриллиант, обозначающий положение Солнца в этот день. Яйцо было задумано, как часы. Две его половинки могли соединяться пояском с циферблатом, как это показано на реконструкции изделия».

Во время очередного посещения «Музея Фаберже» в Санкт-Петербурге мне посоветовали

приобрести книгу «К.Фаберже и петербургские ювелиры», в ней всё очень подробно описано, а, самое главное – там есть фотографии всех 50-ти императорских пасхальных яиц. Она издана в 2012 году в Санкт-Петербурге к 170-летию фирмы Фаберже, это – коллективный труд под общей редакцией В.В.Скурлова, её соавторы: Татьяна Фаберже, Александр Горыня, Валентин Скурлов. После прочтения этой очень интересной, познавательной и прекрасно иллюстрированной книги, мне удалось дозвониться до В.Скурлова с основным вопросом о яйце, хранящемся в музее им.А.Е.Ферсмана (разговор состоялся в декабре 2013года). Оказалось, что в «нашем» деле есть один, очень важный нюанс – императорскими пасхальными яйцами считались только те, заказ на которые исходил от императора и оплачивался лично им; а здесь есть ещё очень много неясностей, поэтому пока правильнее его называть – «пасхальное яйцо». Немного о Валентине Васильевиче Скурлове. На момент нашего общения он был учёным секретарём мемориального фонда Карла Фаберже, являлся автором 12 книг и более 150 статей по истории фирмы Фаберже и русского ювелирного искусства. А ещё он – эксперт по оценке художественных ценностей министерства культуры РФ и консультант-исследователь по Фаберже Аукционного дома «Кристи». В моей книге про академика А.Е.Ферсмана «Очарованный камнем», написанной в 2015 году, в двух главах про Фаберже были использованы материалы от В.В.Скурлова.

Совершенно неожиданно, мне пришлось встретиться с «Цесаревичем Алексеем» в августе 2017 года, в Музее камнерезного и ювелирного искусства в Екатеринбурге, на выставке, посвящённой 25- летию со дня основания музея. Она называлась «Карл Фаберже и Алексей Денисов-Уральский». В знак особого уважения к работе музея и в связи с его юбилеем на открытии выставки присутствовала Елена Юрьевна Гагарина – генеральный директор Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». Из Музея Московского Кремля было привезено некоторое количество экспонатов работы фирмы Фаберже, в их числе - портсигар и запонки из орлеца для императора Александра III, работы мастера Данилы Зверева (с которым был очень дружен академик Ферсман). От Московского Минералогического музея были

представлены, в-частности: «горка» из местных самоцветов, подаренная Императору Александру III уральскими камнерезами, и яйцо «Цесаревич Алексей». Пояснительный текст к «нашему» экспонату надо обязательно привести полностью, ведь в нём сообщаются новые сведения, подтверждающие его высокую принадлежность. Заголовок: Пасхальное яйцо «Цесаревич Алексей» (незавершённое). Фирма К.Фаберже. Петроград. 1917г. Горный хрусталь, алмазы, стекло. Из собрания Минералогического музея им.А.Е.Ферсмана.

Далее следует текст: «Вершинами творчества Карла Фаберже являются императорские пасхальные яйца – символы таланта и мастерства русских ювелиров, камнерезов, эмальеров и художников, отразившие важнейшие события в жизни Российской империи и царской семьи. В Минералогическом музее имени академика А.Е.Ферсмана Российской академии наук хранятся детали незавершённого императорского яйца, долгое время считавшегося утраченным.

Атрибуция и подлинные «открытия» этого произведения, заказанного последним русским царём к Пасхе 1917 года, стало настоящей сенсацией в истории изучения наследия знаменитой фирмы. В 1925 году Агафон Фаберже, второй сын прославленного царского ювелира, лично знавший Александра Евгеньевича Ферсмана, передал в собрание Минералогического музея коллекцию предметов, среди которых были три детали - две отдельные половинки яйца из тёмно-синего стекла, одна из которых украшена гравированными созвездиями с несколькими мелкими алмазами и «облако» из белого кварца. Сотрудникам Музея Московского Кремля и Минералогического музея удалось установить, что половинки яйца в виде небесной сферы и облако- подставка – это части незавершённого пасхального яйца 1917 года, о котором в августе 1922 года Ф.П Бирбаум в письме Евгению Фаберже, старшему сыну Карла Густавовича написал, что оно было выполнено из тёмного голубого стекла, инкрустированного изображением созвездия, под которым родился цесаревич. Яйцо поддерживалось серебряными херувимами и облаками из опакowego горного хрусталя. Франц Петрович также указал, что, если он не ошибается, яйцо содержало часы с вращающимся циферблатом. Исполнение этого яйца было прервано войной. Херувимы и облака были изготовлены, но само яйцо с инкрустацией и пьедестал остались незаконченными. В 2011 году половинки яйца, хранящиеся в Минералогическом музее им.А.Е.Ферсмана, были соединены сотрудниками Государственного научно-исследовательского института реставрации в единое целое. На месте предполагаемого циферблата поместили пояс из плексигласа, а «небесную сферу» укрепили в созданном для неё углублении в облаке из горного хрусталя. Половинки сферы яйца выполнены из великолепного по качеству кобальтового стекла, украшены искусной гравировкой и матированием. На верхней синей половинке выгравировано созвездие «Льва», под которым родился цесаревич, ведь именно ему было посвящено последнее императорское пасхальное яйцо фирмы Фаберже. На нём изображены и другие созвездия: Лебедя, Змеи, Большой Медведицы, Малой Медведицы, Лиры, Геркулеса, Ориона, Северной Короны... Последнее, незаконченное императорское яйцо 1917 года, которое почти столетие хранится в Минералогическом музее имени А.Е.Ферсмана, теперь могут увидеть и в Екатеринбурге – городе, где завершился крестный путь последнего царя и его семьи».

По поводу судьбы данного «яйца», можно уже определённо предположить, что когда встреча А.Е.Ферсмана и Агафона Фаберже состоялась, то он, среди других подарков, просто передал эти детали академику, чтобы сохранить их до «лучших» времён. Без особой огласки и объяснений, они были положены в запасники, не имея никакой ценности в глазах работников музея (просто цветные стёкла!) и благополучно «забыты» почти на 90 лет.

Ещё фирмой Карла Фаберже в разные годы были изготовлены пасхальные яйца, заслуживающие нашего внимания: для Кельх-Базановой - владелицы золотых приисков, для Юсупова, Нобеля, Ротшильда. Совсем в стороне остался знаменитый саквояж Карла Фаберже с драгоценностями, стоимостью в один миллион шестьсот тысяч царских золотых рублей, отданный им на сохранение в Швейцарскую Миссию и исчезнувший в неизвестном до сих пор направлении, но всё это – уже совсем из других историй...

Глава 13. Уравнение со многими неизвестными

Нашей следующей, очередной задачей было разобраться с жёнами двух генералов царской армии. Первый – генерал-лейтенант русской артиллерии Александр фон Ферсманн (1813 – 1880), второй – тоже генерал-лейтенант, инженерных войск, Эдуард фон Кесслер (1814 – 1878). Оба они были женаты первым браком на девушках, урождённых фон Гасфорд. Елена родила Александру пятерых детей, а Евгения Эдуарду - четверых.

В альманахе «Неизвестный Ферсманн», изданном в Москве в 2007 году, написано, что обе девушки – дочери генерала Густава фон Гасфорда, указаны их имена: Мария и Евгения.

И всё бы хорошо складывалось, но вот только в сведениях из Государственного Военно-исторического архива значится, что генерал Ферсманн был женат на «дочери коллежского асессора Елене»!

Если обратиться к библиографическому справочнику о членах Государственного Совета, то можно прочитать, что генерал Гасфорд (1794 – 1874) с 1861 года входил в его состав.

Есть сведения, что у него был брат Фридрих (1792? – 1832), рано ушедший из жизни.

Он – коллежский асессор и у него две дочери, что для нас очень интересно.

Конечно, заманчиво одним разом пристроить обеих девочек: просто предположить, что генерал не остался равнодушным к судьбе детей брата, взял над ними опеку и, впоследствии, удачно и благополучно выдал их замуж. Осталось придумать, каким образом ему удалось познакомить будущие семейные пары?

Дело в том, что Александр Ферсманн – родом с острова Эзель, кроме Санкт-Петербурга и родного города Аренсбурга нигде больше не бывал. Он похоронен на Волковском лютеранском кладбище Санкт-Петербурга вместе со всеми своими братьями и сёстрами.

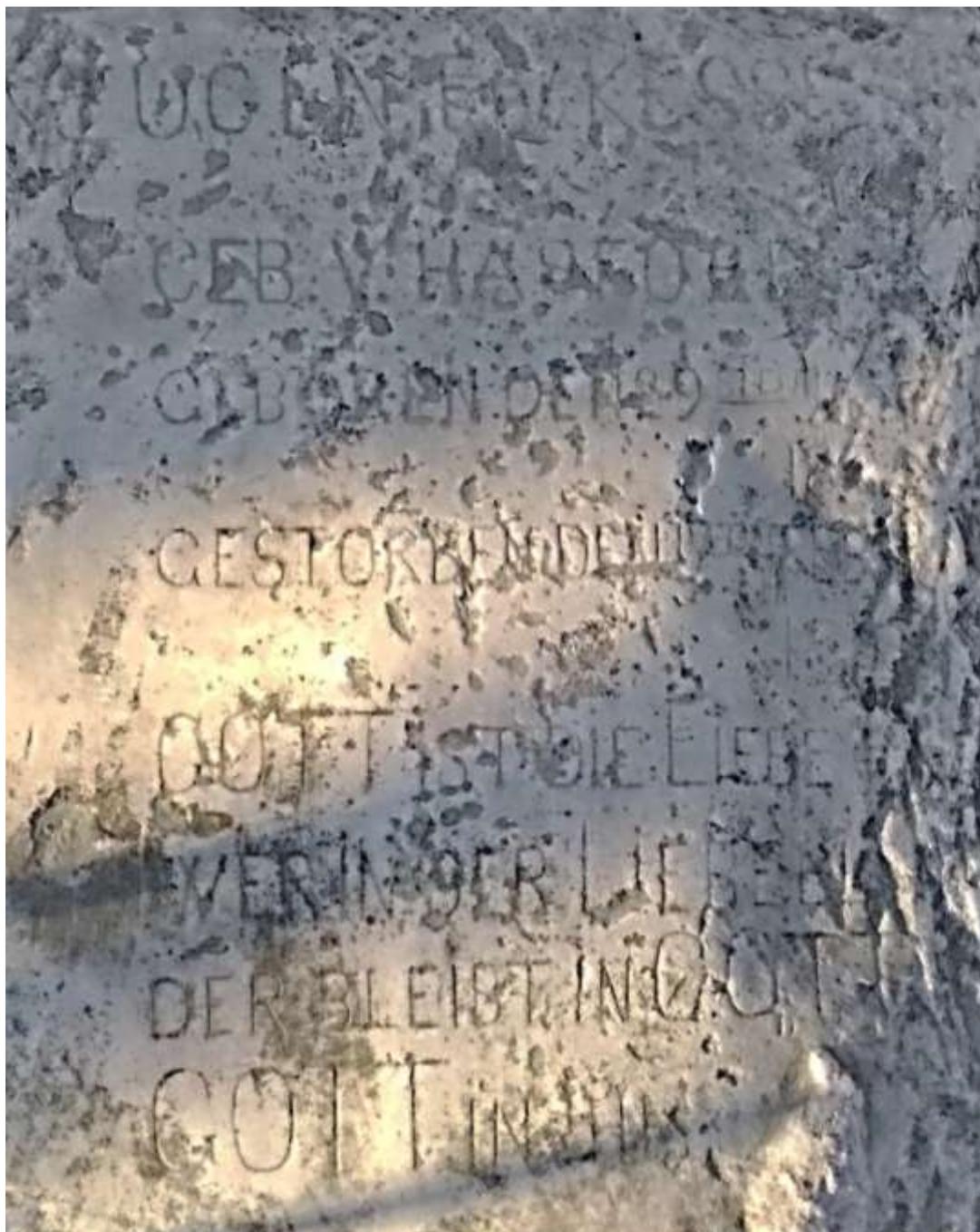
У Эдуарда Кесслера – свой жизненный путь, он практически с начала службы и до отставки не покидал Кавказ и его окрестности.

Первый занимался артиллерией, его огромная заслуга состоит в том, что после поражения в Крымской войне русские орудия были усовершенствованы – нарезные стволы и зарядное устройство со стороны лафета. Эдуард же был практически боевым генералом – и строил, и воевал. В сведениях о Густаве Гасфорде написано, что он с 1844 года воевал на Северном Кавказе, только в это время он мог познакомиться с Эдуардом фон Кесслером, это единственное место их пересечения. Возможно, что генерал Гасфорд рассказал Кесслеру о девушках-сиротах, их нелёгкой судьбе; правда, девушки без приданого, но ведь есть родной дядя – опекун! Здесь надо вернуться к «девочкам» фон Гасфорд. Елена, жена Александра фон Ферсманна, родилась в 1825 году, ушла из жизни в 1863г. (из записи в кладбищенской книге), вскоре после рождения шестого ребёнка. Похоронена вместе с мужем в семейном погребении von Versmannov, она – урождённая von Hausfort.

Евгения фон Гасфорд родилась в 1826 году (это мы расшифровали в главе «Тайна мраморной плиты»). В 1844 году этим девушкам – 18-19 лет, самый расцвет, на выданье! Предположим, что одну из них мы «пристроили», отдали в надёжные руки, но что нам делать со второй, как выдать замуж за Александра фон Ферсмана, с острова Эзель?

Теперь, не спеша, назад, в 2020-2021 годы, к расшифровке надписи на памятной плите Евгении фон Гасфорд. Помните, при знакомстве с её «документом» у нас появилось первое несоответствие: она пишет, что ей 59 лет (она, приблизительно, 1832 г.р.), а на плите – 1826 год! Следующей несуразностью стало наличие «прошения от 1905 года», что просто никак не совпадало с первыми цифрами даты её ухода из жизни, третья и четвёртая были относительно условны, но «1» и «8» достаточно хорошо просматривались даже на самых первых снимках. В конце лета 2022 года появилась новая, но, вполне ожидаемая, серьёзная информация –

была ещё одна Евгения фон Гасфорд, абсолютно нам неизвестная, но имевшая возможность обратиться (и неоднократно во времени) с просьбой к августейшей особе в 1905 году. Пока всё, что мне удалось узнать о ней: данная Евгения никогда особо не покидала пределы Санкт-Петербурга и даже родилась в нём! Вроде бы можно вздохнуть с облегчением и окончательно разобраться с женой Эдуарда Кесслера, однако – опять, далеко не всё так просто. И снова надо вернуться к базовому документу: в нём написано, что «наша» Евгения, вдова генерал-лейтенанта Эдуарда фон Кесслера, 59 лет отроду, в 1891 году состояла в списках выборщиков Симферопольского уезда, она – помещица, дворянка! Значит, нужно ещё раз, более внимательно, попробовать расшифровать третью и четвёртую цифры ухода из жизни «нашей» Евгении фон Гасфорд.

Совершенно, совсем, очень справа, в складках мрамора – годы рождения и ухода из жизни, почему надпись сделана таким образом? А слева виден большой запас места – старая плита?!

Взяв за базу этот документ и основываясь на многочисленных фотографиях предыдущих лет, у нас остался всего лишь один вариант надписи на памятной плите - 1899-й год! Далее: Евгения - 1832 года рождения, а не 1826-го! Но, с самого начала наших исследований лично мне очень не нравилась эта плита. Причины: первая – годы жизни нанесены на сильно закруглённой части; вторая - очень небрежная надпись, слишком тонкими буквами, почему-то не уместившаяся на плоскости плиты. Третья – цифра «26» в годе рождения какая-то затёртая, как будто её пытались стереть, но до конца не получилось. А теперь главный вопрос – как четверо её детей могли допустить такое варварское отношение к памяти их любимой матери; невозможно поверить в то, что в славном городе Симферополе не нашлось нормальной мраморной плиты? Напрашивается очень простой, но неожиданный вывод – фальсификация?! Это могло быть сделано во время предполагаемой мною рекультивации участка семейного захоронения, при советской власти, в 80-х годах прошлого века. Помните, в главе «Легенда о пяти и более захоронениях» - письмо 1970 года от Щербаковой в «Литературную газету» про то, что «... оград нет, памятники разрушены, сдвинуты, как такое могло произойти?»... Рекультивация многое может объяснить. После общения с очевидцами тех времён, упоминающими количество могил даже от 5 до 7 (сейчас их ровно три), на вопрос, почему осталось только три, есть простой ответ – рекультивация! Снова вернёмся к плите: она могла быть разбита во времени или при небрежном обращении с ней во время быстрой разборки кладбища. Версия: срочно надо было найти замену, поэтому взяли первую попавшуюся плиту и имитировали на ней надпись, в которой наспех не разобрались. Чем хорошо это предположение: оно закрывает сразу два насущных вопроса – сколько было могил на самом деле и почему такая небрежная и неправильная надпись с ошибками в датах!

Отчищенный и отмытый фрагмент памятной плиты Евгении фон Кесслер, урождённой фон Гасфорд, с датой года ухода её из жизни (фото апреля 2021 года).

Однако, настало время вернуться обратно к попытке выдать замуж Елену фон Гасфорд за генерала Александра фон Ферсмманна. И опять поиски сведений, гипотезы, предположения – ведь у петербургской Евгении фон Гасфорд могла быть сестра с именем Елена; вот хотя бы её мы очень хотим выдать замуж за Александра Фон Ферсмманна, чтобы «пазл» наконец-то сошёлся! В Санкт-Петербурге да не пристроить девушку фон Гасфорд, о чём вы?

Но, не забудьте, отец у неё должен быть непременно «коллежский ассессор», таково условие задачи. А если симферопольская Евгения фон Гасфорд родилась в 1832 году, то, возможно, они – вообще не сёстры, ведь Елена родилась в 1825 году, слишком большой разрыв в 7 лет, хотя...

Есть ещё один вариант – У самого генерала Густава фон Гасфорда было три дочери - у них, правда, совершенно другие имена: Людмила, Ольга, Надежда (хотя тогда давали ребёнку сразу несколько имён), но они тоже вполне могут рассматриваться в качестве возможных кандидаток в жёны генералу Эдуарду фон Кесслеру, почему бы и нет? А одна из них даже родилась в 1826 году?!

Так что, всё осталось по-прежнему, нам пока ничего точно неизвестно о девушках из родов фон Гасфорд(т)ов), вышедших замуж за «наших» генералов.

Но, всем – большое спасибо, работаем дальше.

А это увеличенная фотография того же фрагмента в начале наших исследований (март 2020 года), в третьей и четвёртой цифрах видны разные толщины и закругления, так 1890-й или 1899 год?! К нашему большому сожалению, однотонный белоснежный мрамор памятной плиты, от времени и недопустимой близости дороги на щебёночный карьер (активно используемой), невосвратимо, очень сильно пострадал. Это особенно заметно на поверхности, в районе надписи про годы жизни и ухода из неё нашей Евгении фон Гасфорд. К тому же, именно эта, правая сторона плиты, сильно закруглена, что очень затруднило наши попытки прочтения. Начали их мы в феврале 2020 года, по техническим причинам закончили в мае 2022 – время и дорожная пыль (интенсивно оседающая) завершили свою беспощадную работу, последние 3-я и 4-я цифры стали просто неразличимы. Прогресс, однако...

И ещё один, очень интересный вопрос – что такое лежит (на старой фотографии) внутри ограды и куда оно во времени делось?! А если присмотреться повнимательнее к ограждению, то видно, что левая его часть очень интересно прислонена вовнутрь (верх), а ближняя к нам – с изгибом. Что это – спешка при установке в 1970 году; не рассчитали и промахнулись с размерами?

Прямоугольный камень внутри ограды: очень похоже на захоронение, а, иначе - зачем он там?! На втором снимке, сделанном в одно и то же время с первым, хорошо видно несуразную памятную плиту Евгении, лежащую около основания памятника генералу Эдуарду фон Кесслеру; внутри ограждения находится что-то, совсем другое. Сейчас этого элемента просто нет! Теперь - о самом главном. На фотографии общего вида надписи про «Евгению фон Кесслер, урождённую фон Хасфорд» прекрасно видно, что вместо «Eugenie» написано «igenie». Её дети никогда бы такого не допустили, нет такого имени: ни в немецком, ни в старонемецком языках.

Сам текст процарапан тонкими буквами и цифрами, не идущими ни в какое сравнение с уверенно вырубленными надписями на остальных памятных плитах и даже на гранитном камне захоронения Эмилии фон Шайнфогель. Так что, со временем, набралось слишком много серьёзных аргументов в пользу версии о спешной, неумелой, грубой подделке памятной плиты. Судите сами: очень старая плита со смещённой вправо надписью настолько, что годы жизни пришлось делать на закруглении, в складках мрамора. Далее – чудовищная ошибка в написании имени, не говоря уж о годе рождения. А если к этому добавить неизвестную плиту, да ещё в «неполноценной» ограде, то вывод начинает напрашиваться сам собой. И опять – всё сначала. Но, у нас в запасе есть ещё очень интересные сведения от местного «аборигена», полученные во время непосредственной встречи с ним в мае 2022 года. Он рассказал нам о своих посещениях, в детстве, этого «миникладбища»; показал, где и что было расположено ранее в большом хозяйстве семьи фон Кесслеров - невдалеке от замка, и ответил на многие наши вопросы. Но, об этом – после дальнейших исследований...

P.S. В феврале 2023 года маятник нашей детективной истории снова качнулся, получив новый дополнительный импульс. Елена Николаевна Голенко сообщила мне, что нашла достоверные сведения о «пребывании в 1850 году дочери умершего коллежского асессора - Евгении Гасфорд в Санкт-Петербурге!» А нам давно известно, что в это время там проживала - возможно, старшая дочь Фридриха ф. Гасфорда (коллежского асессора) Елена, 1825 года рождения, вышедшая замуж за генерала Александра ф. Ферсмана в 1847 году, о её дальнейшей судьбе мы знаем практически всё. В 1855 году у неё родился четвёртый ребёнок - сын Евгений, отец будущего академика Ферсмана. Теперь уже, гораздо более смело, можно предположить, что младшая дочь Фридриха фон Гасфорда (коллежского асессора, умершего в 1832 году) Евгения побывала в гостях у своей родной сестры в Санкт-Петербурге в 1850 году и поехала на Кавказ для дальнейшей совместной семейной жизни с Эдуардом фон Кесслером. И хотя мы по-прежнему не знаем, как удалось познакомиться Александру фон Ферсману со своей будущей женой Еленой фон Гасфорд, хочется верить, что «пазл» всё-таки сошёлся. Они обе – дочери коллежского асессора, а их отец – родной брат генерала Густава фон Гасфорда, принявшего участие в судьбах девушек. Вот такая, однако, интересная и увлекательная вещь – история!

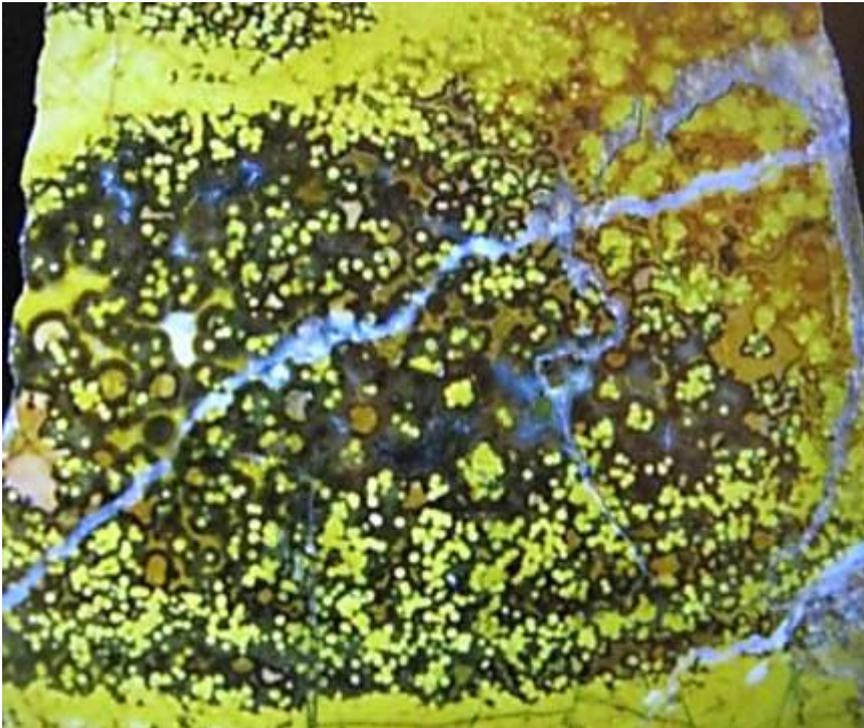
Глава 14. Кто вы – царица крымских яшм?

Эта история началась весной 2020 года после посещения мною одного из крымских музеев. В небольшой минералогической экспозиции вниманию посетителей предлагался, в-частности, срез крымской яшмы с подписью – «парчовая». На небольшом образце, на мрачноватом тёмном фоне, были видны жёлтые пузырьки с разводами и белые включения, а почему она тогда названа парчовой?! По приезде в Санкт-Петербург с фотографией данного образца обратился за консультацией к уважаемым в «геологическом мире» людям, в качестве ответа мне настоятельно посоветовали найти и прочитать книги В.А.Супрычёва «Крымские самоцветы» и «Занимательную геммологию» - там всё очень подробно рассказано про крымские яшмы.

Действительно, очень интересно и подробно в них написано про большое разнообразие видов карадагских яшм, однако есть одно небольшое «но» - в обеих книгах, под одним и тем же названием «парчовая яшма», представлены разные фотографии!

В апреле 2021 года в обществе супругов Голенко, нынешних владельцев «Замка Кесслеров-Ферсмана», мне удалось посетить «Севастопольский музей камня» (он находится недалеко от легендарного «Херсонеса Таврического») и познакомиться с его хозяйкой – Ириной Ефимовной Руденко. Прочитав в альманахе «Полуостров сокровищ» статью И.Е. про крымские минералы, с великолепными фотографиями образцов из музея, очень хотелось увидеть их наяву, своими глазами и вот – мы встретились. В небольших помещениях всё очень грамотно организовано, всё – по полочкам, витринам, с понятными подписями. А в прекрасных экспозициях, в-частности, были представлены различные виды яшм, включая и крымские.

Фото одной из них предлагается вашему вниманию.

По сообщению моего знакомого Шibaева Евгения Аркадьевича, живущего в Севастополе, это самая красивая из «парчовых» яшм, которые он видел, а повидал он их «очень немало». Бесспорно, образец очень оригинальный, красивый и с редкой голубицей, только где же в нём краски золотой крымской осени?! Если внимательно прочитать описание парчовой яшмы от её первооткрывателя в Крыму на Карадаге, геммолога В. А. Супрычёва, то создаётся впечатление, что он рассказывает сразу про несколько разных яшм, называя их «парчовыми». В своей книге

Супрычёв очень красноречиво описывает: «... Это – признанная царица среди цветных камней, равной ей по красоте, нет, пожалуй, нигде в мире. Цвет её – коричневато-жёлтый, золотой или розово-сиреневый с великолепными чёрными, иногда розоватыми ветвящимися узорами!»
А далее, в окончании: «В этом камне как бы запечатлены все тона и краски крымской осени»...

Это – «парчовая» яшма от моих новых друзей: супружеской пары Сечиных: Ивана и Анны, из посёлка Щебетовка, что совсем недалеко от Карадагского заповедника. Срез по цвету хорошо подходит под первое описание: коричнево-жёлтый, золотой, нехватает только ветвящихся узоров; очень похожий на него опубликован в «Крымских самоцветах» В. Супрычёва.

Это фрагмент наручного браслета, изделия из крымской яшмы; здесь есть основной желтый цвет, небольшая коричневатость и розовато-сиреневые узоры. Данная яшма ближе ко второй части

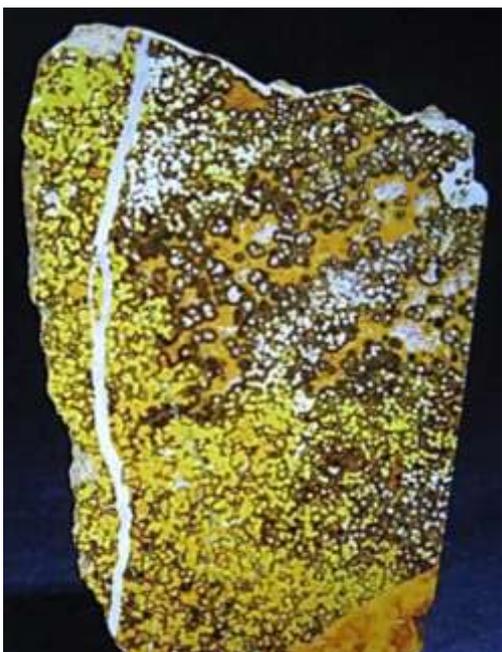
в описании «царицы»... Если обратиться к понятию «парча», то практически во всех источниках ответ один – «шёлковая ткань с шитым золотым или серебряным узором».

Одежду из такой ткани одевали царствующие особы, да и то по торжественным случаям; она была очень нарядная, красивая и слишком дорогая, не для простых смертных.

Следующим нашим шагом стало обращение к Александру Григорьевичу Кулишу, живущему в Крыму, в посёлке Партенит.

В наших телефонных разговорах он посоветовал найти в Интернете видеофильмы «Сокровища каменных сейфов»; ещё, там же, есть 248 фотографий образцов из его бывшего музея.

Читателям предлагается несколько снимков крымских яшм из коллекции А.Г.Кулиша.

Из рассказа Александра Григорьевича: яшма с такими белыми включениями – большая редкость. А правый образец : «... и золотой и розово-сиреневый, да ещё с чёрным ветвящимся узором в виде цветка», что-то это нам напоминает?!

Просто великолепный образец крымской яшмы от Ивана и Анны Сечиных из Щebetовки! И опять – загадка, ведь в описании «царицы» яшм от Владимира Андреевича Супрычёва голубой цвет даже не упоминается, а для Евгения Аркадьевича Шибаяева, знающего все складки Карадага

просто «наизусть», в том числе скалы Ферсмана и Левинсон-Лессинга – это самая красивая «парчовая» яшма, из тех, которые он видел в жизни. В декабре 2022 года, на минералогической выставке в Санкт-Петербурге, мы приобрели для своей коллекции образец карадагской яшмы: на приятном красном фоне - красивые золотые пятнышки; всё чинно, благородно и очень даже «парчово»...

А ещё, в одной из книг про минералогию, есть интересная фотография с подписью «Парчовая яшма».

Очень возможно, что это и есть та самая парчовая яшма, в которой чудесным образом запечатлены все тона и краски крымской осени. Она такая нарядная, празднично-торжественная. Тогда всё очень просто: именно она и есть «царица» местных цветных камней, такая красивая и царственно благородная. А остальные - её свита, состоящая из разновидностей крымских яشم, близких ей по тону или оригинальности окраски. Но, чтобы им не было обидно, они – тоже все «парчовые», по Супрычёву!

А это фото из Интернета, после обращения к нему с вопросом: «Как выглядит парчовая яшма?». Подпись гласит, что это очень редкий вид яшмы из единственного месторождения в Крыму. На другом сайте, тоже - «парчовая яшма», но уже красная с жёлтым и т.д., а уж про её «халцедононовый» состав даже и вспоминать не хочется. Академик А.Е.Ферсман в своей книге «Занимательная минералогия» пишет, в-основном,

об уральских яшмах, особенно - орских (гора Полковник). Там же есть общие фразы о том, что «... мы не знаем другого минерального вида, более разнообразного по своей окраске», с таким буйством красок и тонов, иногда слагающихся в целые картины и пейзажи... Так что пока - вопрос: «Кто же вы, госпожа - царица всех крымских яшм?» остается открытым. Но, наши исследования будут продолжены, в мае 2023 года, по предварительной договорённости, предстоит интересная встреча с А.Г. Кулишом, ведь что-нибудь у него, «для души», осталось из нескольких тысяч образцов?!

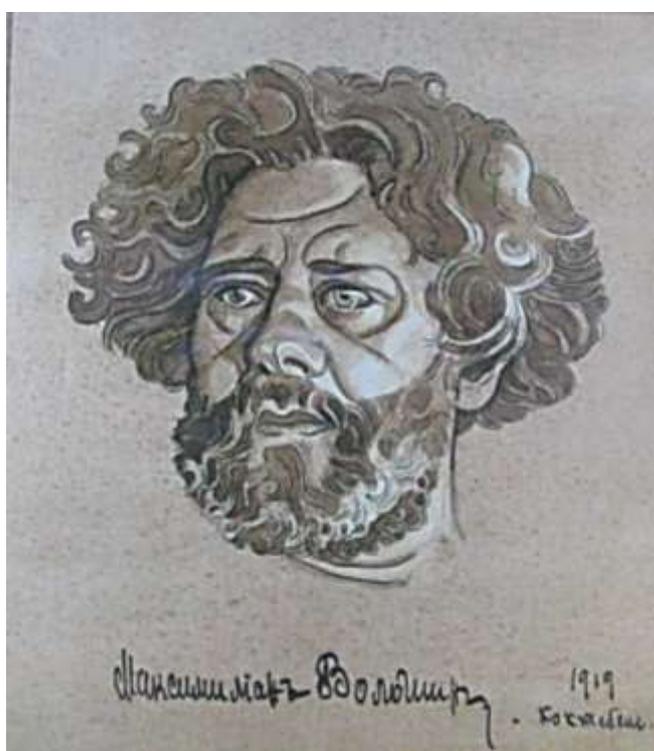
Глава 15. Коктебельские камешки.

В пояснениях к своей остросюжетной новелле «В огне вулкана» академик Ферсман пишет, что Карадаг – красивая гора вулканического происхождения, главная вершина которой – Святая гора поднимается на 576 метров над уровнем моря. Среди многообразных и замечательных минералов Карадага надо особенно отметить серые, розовые и полосатые агаты, зелёные, зеленовато-голубые яшмы, горный хрусталь, кальцит и разнообразные цеолиты...

В туфах, переслаивающихся с лавами, встречаются останки морских животных – аммонитов, что указывает на подводные извержения вулкана Карадага. Эти туфы используются для производства очень прочного гидравлического цемента, применяемого в портовых постройках на Чёрном море. А в самой новелле он упоминает про книгу «старика Дюбуа де Монперре, 100 лет тому назад, мастерски описавшего природу Крыма». Если обратиться к Интернету, то можно прочитать, что знаменитый швейцарский путешественник родился в 1798 году, его дед был художником по эмали и очень возможно, что именно от него произошла одарённость Дюбуа к рисунку и графике. Во всех своих поездках он тщательно зарисовывал достопримечательности окрестностей и культурные памятники. Заручившись поддержкой русского правительства, он в 1831-1834 годах совершает путешествия по России, его интересовали Южная Россия, Крым и Кавказ, Закавказье и, в частности: стоянки, гробницы скифов, сарматов, готов, славян, варягов и полуостров Таврический. В результате этих поездок был издан 6-ти томный труд с атласами его рисунков. В 6-ти километрах от Симферополя он нашёл и подробно изучил позднескифскую крепость (ныне – Неаполь Скифский). Также предполагают, что он первым составил подробный глазомерный план верхней части пещер Кизил-Коба под Симферополем. В атлас «Крым» вошли 90 листов из знаменитого атласа Дюбуа: это карты античной географии, планы самых достопримечательных местностей, живописные виды, передающие характер расположения древних памятников, детальные зарисовки античных ваз, статуй, схемы и виды-панорамы наиболее интересных в геологическом отношении мест. Гораздо более подробно о проделанных им огромных объёмах работ в области древней Тавриды можно прочитать в Интернете.

Теперь несколько слов о докторе Юнге. Его звали Эдуард Андреевич, в «Википедии» о нём написано, что он родился в ноябре 1831 года, был действительным тайным советником; врач-офтальмолог, профессор, основатель посёлка Коктебель. В 1883 году он вышел в военную отставку и приобрёл земли в окрестностях болгарской деревни Коктебель, на побережье, с целью формирования обширного поместья. Его грандиозные планы успешно осуществлялись, но, оказавшись без финансовой помощи, доктор Юнге с 1890 года был вынужден начать распродавать части своего имения небольшими участками, под дачные застройки. Одной из первых покупательниц была Елена Оттобальдовна Кириенко – Волошина, купившая, по совету Павла Павловича фон Теша, участок и начавшая в 1893 году строить на приобретённой земле дом, чему был очень рад её сын – Максимилиан Волошин. Постепенно части имения становятся дачным посёлком и открывается новая глава в истории Коктебеля. «Макс» родился в 1877 году в Киеве, его отец – юрист, коллежский советник, ушедший из жизни в 1881 году. С 1878 по 1893 год Максимилиан с мамой жил в Таганроге. Когда он узнал, что его мать решила приобрести землю на берегу Чёрного моря в коктебельской долине, его радости не было предела. Из дневника Волошина: «Сегодня – великий день. Сегодня решилось, что мы едем в Крым, в Феодосию и будем там жить... Я не был никогда так счастлив, как сегодня». Далее Макс живёт и учится в Феодосии, а на выходные отправляется в Коктебель, часто – пешком. Он рос разносторонне одарённым и впечатлительным ребёнком; ещё во время учёбы в гимназии, проявляя свои незаурядные способности, начал пробовать свои силы в качестве начинающего поэта и художника. В 1897 году поступил на юридический факультет Московского университета,

в 1899 г. был выслан в Феодосию «за организацию студенческих беспорядков» (сказывается мятежность его природы!). Дальше у него начинаются «годы странствий», Максимилиан выезжает вместе с мамой в Западную Европу, сдаёт экстерном экзамены, далее - новое путешествие по Европе и арест по «делу о Всероссийском студенческом съезде». В сентябре 1900 года он оказывается в «добровольной» ссылке в Ташкенте, сроком на полгода. После пребывания там, Волошин, через Москву и Берлин, отправляется в Париж – хочет пройти сквозь «латинскую дисциплину формы». Очень скоро он приобретает широкий круг знакомых, среди которых русские и французские литераторы, художники. Вот всего лишь небольшое перечисление известных нам фамилий: Э.Верхарн, Г.Аполлинер, А.Франс, Р. Роллан, далее – А.Матисс, А.Модильяни, П.Пикассо. Из дневника М.Волошина: ««Мне довелось близко познакомиться с Хамбу – Ламой Тибета, приехавшего в Париж инкогнито и прикоснуться, таким образом, к буддизму в его первоистоках. Это было моей первой религиозной ступенью. В 1902 году я так же близко соприкоснулся с католическим миром, во время моего пребывания в Риме, я осознал его как спинной хребет всей европейской культуры. Затем мне довелось пройти через близкое знакомство с магией, оккультизмом, франкмасонством, теософией...». В 1903 году в Москве он встретил девушку, поразившую его своей утончённой красотой, это была Маргарита Сабашникова, художница репинской школы, поклонница творчества Врубеля. В апреле 1906 года они обвенчались в Москве, но брак оказался недолгим, уже через год они расстались, Максимилиан посвятил ей цикл своих стихов – «Святыни горькой любви». В Париже Волошин «слушал лекции в Сорбонне, Коллеж де Франс, Эколь де Лувр, учился живописи, писал стихи, статьи об искусстве, читал лекции и работал в Национальной библиотеке». Вскоре он стал секретарём Русского артистического кружка и корреспондентом петербургских литературно-художественных изданий: «Русь», «Весы», «Золотое руно»

и «Аполлон». Объявление о 1-ой мировой войне настигло его в центре Европы, февральская революция 1917 года застала его в Москве; вернувшись в апреле 1917 г. в Коктебель, он живёт там практически безвыездно, переживая революции и гражданскую войну, смены властей, голод, попытки реквизировать его дом. Несмотря на постоянные хлопоты, связанные с отношениями с властями, содержанием усадьбы и хозяйством, в двадцатые годы Волошин открыл большой и серьёзный мир своего поэтического творчества, создал большое количество прекрасных киммерийских акварелей. С 1929 года здоровье Максимилиана Волошина резко ухудшилось, душевное состояние давило обострённое чувство происходящего в стране. Пытаясь отстоять будущее созданного им Дома поэта для бесплатного отдыха и творческой деятельности литераторов, художников, музыкантов и их семей, в 1931 году Волошин передал дом матери и первый этаж своего дома Всероссийскому союзу советских писателей для устройства дома творчества. На втором и третьем этажах дома Волошина до 1976 года проживала его вдова – Мария Степановна Волошина, совершая порой героические поступки, она сохранила мемориальную обстановку комнат и сберегла Дом Поэта, библиотеку, архив.

Максимилиан скончался 11 августа 1932 года в Коктебеле, покоится, по своему завещанию, на вершине горы Кучук-Енишары, вознесённый над Киммерией. Его имя замалчивалось официальными властями до 1977 года, столетия со дня его рождения и только в августе 1984 года состоялось официальное открытие «Дома-музея Волошина»!

Всё вышеприведённое «жизнеописание» Максимилиана Александровича взято из текста, расположенного в большой настенной раме, сразу же при входе в «Дом-музей Волошина», а это всего лишь - самое начало экспозиции.

Вид с верхнего этажа «Дома-музея М.А.Волошина», май 2022 г.

Коктебельское взморье, Коктебельскую и Сердоликовую бухты, ближайшие склоны горы Карадаг, в своём понимании, открыл для русских поэтов и художников Максимилиан Александрович Волошин. Сам «Макс» исходил вдоль и поперёк скалы Карадага, а ущелье Гяур-бах (Сад неверных) было источником всех разноцветных минералов Сердоликовой бухты. Он первым, вместе со своей мамой, пристрастился к собиранию на берегу разноцветных галек, в огромных количествах выбрасываемых морем, особенно после весенних и осенних штормов. Они всегда были рады многочисленным гостям, постепенно их дом стал центром притяжения русской творческой интеллигенции, «центром свободомыслия и свободотворчества».

Далее – «по волнам воспоминаний». Михаил Булгаков в своём очерке «Путешествие по Крыму» пишет, что в бухте – курорт Коктебель, в нём – замечательный пляж, один из лучших на Крымской жемчужине: полоса песка, а у самого моря полоска мелких, облизанных морем разноцветных камней... Коктебель наполнен людьми, болеющими «каменной болезнью».

Корней Чуковский в своей «Чукоккале» более щедр на подробности: «Макс действительно каждый день в определённый час выходил в одних трусах с посохом и в венке на прогулку по всему коктебельскому пляжу – от Хамелеона до Сердоликовой бухты». Выдержка из книги С.Ф.Ахметова «Беседы о геммологии»: «Он всегда был рад гостям, ничем не стесняя их свободу: вот он – Крым, солнце, воздух, море – черпайте полными горстями! А они старались оправдывать его ожидания, отдохнув несколько дней от городских сует, загораю на пляже, с детским азартом начинали выискивать красивые самоцветы! Часто попадались голубоватые хризопразы, красный

сердолик, красная и зелёная яшмы. Неизбежно возникало соревнование – кто соберёт лучшую коллекцию. Устраивали выставки камней, конкурсы. Добродушный хозяин, похожий на Зевса, был неистощим на шуточные выдумки. Дом Волошина и его матери, которую все называли уважительно «Пра» (сокращённо от Праматери) был заполнен книгами, картинами, этюдами, сухими, горными и степными растениями в глиняных и керамических вазах».

Общую картину можно дополнить большой цитатой из рассказа «Синева» К. Паустовского: «Восточный Крым – богатая земля. О том, что скрыто в тамошней почве в недрах единственного в Крыму потухшего вулкана Карадага, можно было догадываться по множеству камней, вымытых морем из подводных пещер. Там было всё: синий гранит, мрамор – то жёлтый, как слонобая кость, то розовый, то снежно-белый; дымчатые халцедоны, пёстрые агаты, целебные сердолики, хризопразы, камни со странным названием «фернопиксы», разрисованные сложными узорами, зелёная яшма, горный хрусталь и много других камней, сверкавших на сырых после шторма песках». А вот что вспоминает Анастасия Цветаева про лето 1911 года: «На полках и на столах – шкатулки с вделанными в них кокетельскими камушками: агатами, сердоликами, халцедонами, Пра мастерит всевозможные узоры на тарелках рассыпями – невозможно оторвать глаз. Тут все болеют этой болезнью; ищут на берегу, находят, собирают... Марина от них без ума». Марина – это старшая сестра Анастасии, в возрасте 18 лет она выпустила сборник своих стихов под названием «Вечерний альбом». Появление этой книги приветствовал Максимилиан Волошин, посетивший юную М.Цветаеву, будучи в Москве. Он пригласил её побывать в Коктебеле, она гостила в доме Волошиных неоднократно – в 1911, 1913, 1915 и в 1917 годах. О своём пребывании и общении с «Максом» Марина напишет (в 1932 году, узнав о его смерти) отдельный лирический цикл - воспоминание, под названием «Живое о живом». Она проникновенно описывает пребывание в этом благословенном уголке Крыма, как едва ли не лучшее время в её жизни. В её творчестве есть раздел: «Воспоминания о поэтах»; в нём, в частности, она рассказывает о своём давнем знакомстве с поэтом-тружеником Бальмонтом; совершенно отдельно находится, для неё, более чем святой - «Мой Пушкин»; так же, «на особицу», написано и о Волошине, по существу, это – её «Мой Волошин»...

Свою научную лепту в сведения о карадагских минералах внёс и академик Ферсман. В VII томе его «Избранных трудов», на стр.198 мы можем прочесть, что: «Крым богат разнообразиями халцедона и агата, и уже при первых разведках его ископаемых богатств в 1823-1825 г.г. маркшейдер Козин обращал внимание на халцедоны знаменитой горы Карадаг близ Феодосии. Здесь на склонах горы халцедон попадает в виде жил довольно значительных размеров; очень редко встречается мясо-красный сердолик (в ущелье Гяурбах), темно-зелёная малопрозрачная плазма, весьма редкий гелиотроп, иногда оникс и сардоникс... Месторождения Коктебеля уже издавна привлекали внимание минералогов и ювелиров, в маленькой деревушке на склоне горы создалась небольшая мастерская по огранке камней, продававшихся ювелирным фирмам Москвы и Петербурга». На 312 стр. А.Е.Ферсман дополняет вышесказанное: «На склоне Карадага около Коктебеля чех Яромир Тиханек, примерно в 1910 году, положил начало небольшой шлифовальной мастерской, обслуживавшей не только местных дачников, но и большие ограночные мастерские Петербурга (Фаберже)»...

Спартак Фатыхович Ахметов в своей книге рассказывает также о посещении Иваном Антоновичем Ефремовым Коктебеля. Перед этим Ефремов проехал всю Монголию в поисках костей и скелетов вымерших динозавров. А главным развлечением в промежутках между работами было собирание прекрасных монгольских халцедонов. В некоторых местах их было так много, что они создавали цветовую гамму пейзажа, иногда небольшие холмики были сплошь покрыты россыпью крупных кварцев и красной яшмы. «Это были мелкие халцедоны, отполированные песком и ветром и похожие на кусочки льда, крупные слёзы или жемчужины – в зависимости от вкуса собирателя,

все устремились искать красивые камешки» - цитата из «Дороги ветров» И.А.Ефремова. Вскоре после монгольских экспедиций он вместе с женой Таисией Иосифовной приехал в Коктебель. Огромный, добродушный, общительный, он сразу всем понравился, Быстро возникли дружеские отношения с Марией Степановной Волошиной, вдовой поэта. Ефремов восторгался ею: «Поразительная женщина! В войну она немцев не испугалась. Всё уберегла во время оккупации Крыма – рукописи, картины, книги. Даже огромный гипсовый муляж египетской царевны Таиах спасла – закопала в саду».

Очень интересны рассказы сына Ивана Антоновича – Аллана про неоднократные поездки в гости к Марии Степановне. Впервые в Коктебель он приехал с мамой в 1948 году, всё побережье было в окопах и блиндажах, уцелел только Дом Волошина, а дом профессора Юнге был серьёзно разрушен – одни стены и перекрытия. Аллан вместе с приезжими и местными мальчишками облазил весь Карадаг, а времена были очень серьёзные – кругом погранпосты; на выход в море, даже на простой лодке, надо было получать специальное разрешение. Мария Степановна рассказала, что в начале войны поступил приказ сжечь все дома на побережье Коктебеля и даже военные санатории, но ей удалось отстоять «Дом поэта». Далее в нём останавливались немцы, а она, несмотря ни на что, ждала прихода наших войск. С 1950 года Ефремовы стали бывать у неё в различных составах, они очень подружились и М.С. неоднократно приезжала к ним в гости, в Москву. А когда Аллан Иванович женился, Мария Степановна подарила ему и его жене Ольге по акварели Волошина. Вскоре, в 1962 году у них родилась дочка Дария, на этом имени настоял Иван Антонович Ефремов, в честь царя Дария; а своего сына Аллана он назвал по имени героя «копей царя Соломона» – Аллана Квотермейна. Когда Ефремовы приехали в Коктебель на собственной «Победе», Аллан с большой гордостью подвёз на ней Надежду Андреевну Обухову – народную артистку СССР, вечером состоялся концерт – «она пела под шум прибоя, под аккомпанемент волошинского рояля». Ещё он прекрасно помнит профессора Десницкого, глубокого старика, гулявшего вдоль берега с посохом в руке и собиравшего коктебельские камешки (дома у него была большая коллекция сердоликов в специальных коробочках). Утверждает категорически (из рассказов Марии Степановны), что на верхней площадке Дома танцевала сама Анна Павлова! Сейчас Аллан Иванович продолжает писать свои воспоминания о различных периодах своей жизни; мы очень доверительно дружим.

В начале нашего знакомства, в декабре 2013 года, он созвонился с Таисией Иосифовной, послужившей прообразом «Таис Афинской» в романе её мужа И.А.Ефремова, сообщил ей, что родственник академика Ферсмана находится у него в гостях и мы уже взаимно обменялись книгами. Меня тут же пригласили к телефону и Таисия Иосифовна сразу же начала говорить о том, что последнее лето жизни И.А.Ефремова (1972 года) они провели на даче у Екатерины Матвеевны Ферсман, по её любезному приглашению и очень благодарно её вспоминала. Назвала номер своего телефона, просила звонить, не стесняясь. Очень рад и горжусь тем обстоятельством, что несколько лет подряд поздравлял её с днём рождения с наилучшими пожеланиями от всех ленинградцев; во времени мы переслали Таисии Иосифовне две мои книги об академике А.Е.Ферсмани. А фотографии коктебельских камешков, собранных Ефремовыми и бережно хранящихся в их семье, можно увидеть в книге Г.Л. и С.Ф.Ахметовых «От авантюрина до яшмы», с подписью – из коллекции Т.И.Ефремовой; там есть и сердолики, и халцедоны, и агаты, и опалы.... Вернёмся к Марии Степановне, очень точную её характеристику в тот период даёт Л.Д.Ломакин в письме И.А.Ефремову, из Севастополя, 15 мая 1965 года.

«Дорогой Иван Антонович! Третьего дня был в Коктебеле, видел старенькую хранительницу огня, сидящую на ступенях полуразрушенного храма. Да, я имею в виду Марию Степановну. (Л.Д. был там первый раз в шестилетнем возрасте, запомнил лишь Елену Оттобальдовну). Сейчас же я упивался всем в доме Волошина. Мария Степановна читала наизусть длиннейшие поэмы М.А.,

без устали рассказывала и водила по храму. Признаюсь, я по стариковской слабости даже прослезился. Он такой одинокий, этот полуразрушенный храм, и хранительница его такая в общем уже слабенькая, слепенькая и всё же трогательно душевная и вся до краёв насыщенная своим умершим божеством. В доме размещён обслуживающий персонал Дома творчества, гармонь, пьянки, крики... С 17 мая в Коктебеле будет 250 чел. И в подавляющем большинстве своём не писателей. При мне было много колхозников, в одном жилом контейнере – напротив «творческих» вилл – играла гармонь до 2 ч.ночи. Марии Степановне всё это, конечно, грустно и тяжело...» А вот что она пишет И.А. Ефремову в 1966 году: «Слепота меня угнетает. Бесу уныния, однако, я не дам в себе поместиться, выгоняю его всечасно.... Зима для меня была тяжёлая... Согревал, однако, Дом и всё, что около меня... Но у меня бывают такие моменты подъёма духа, что кажется, хватило бы на четыре жизни. И всё это Макс, который даёт мне радость в самые тяжёлые минуты». После написания этого письма она прожила ещё десять лет и была похоронена вместе с её горячо любимым Максом, на вершине Кучук - Енишары...

Теперь, снова, про коктебельские камешки - цитата из статьи Элеоноры Ищенко в журнале «Полуостров сокровищ» № 4 (31)за 2017 год.

«К сожалению, разноцветных пляжей больше нет: частично из-за прогибания коктебельской бухты, частично из-за неумеренной выборки песка на строительные нужды – море всё больше наступает на сушу. В результате этой трансгрессии пёстрый прибрежный ковёр Коктебеля был затоплен и разрушен. Всё довершили зимние шторма 1966-1967 годов, обрушив в воду бетонную набережную. Чтобы предотвратить дальнейшее наступление моря на берег, пришлось создать искусственный пляж. В воду было сброшено около 70-ти тысяч кубометров щебня, а волны, обкатав камни, аккуратно разнесли их вдоль берега, образовав галечную полосу шириной около 5-ти метров. В настоящее время только сильнейшие шторма пополняют пляжи карадагскими минералами и их находки считаются большой редкостью».

После объявления Карадага и его окрестностей особо охраняемой зоной, теперь его можно посещать только в составе пешеходных экскурсий, под руководством опытных наставников;

начало маршрута - со стороны Карадагского заповедника, вход - около горы Карагач.

На этой фотографии мы видим легендарную гору Карагач, по её склону поднимаются Король с Королевой к своему царственному трону, в почтительном отдалении идёт их свита. А облака со стороны моря – это к потеплению, скоро можно будет купаться! Что касается следующих коктебельских камешков: здесь надо просто набраться терпения и подождать всего лишь несколько тысяч лет; дальше земные стихии и море сделают своё дело и можно будет снова любоваться халцедонами, опалами и сердоликами. Всего-то и делов...

Глава 16. Немного о цветных камнях России.

Камни, как и люди, бывают очень разные. Одни сразу начинают хвастаться: смотрите, какие мы яркие, красивые да разноцветные. Другие же, наоборот - серые, осторожные, недоверчивые, с виду - совсем невзрачные; они не готовы идти «с душой нараспашку» к первому встречному. Но, если присмотреться к ним повнимательнее, да ещё суметь заглянуть вовнутрь, то перед вами откроются совершенно ошеломляющие, просто фантастические картины и миры, абсолютно недоступные снаружи. Камень, при очень чутком к нему подходе и отношении, может раскрыть перед вами всю внутреннюю красоту своей души...

А.Е.Ферсман после окончания Московского университета несколько лет провёл за границей: изучал природу алмазов в Гейдельберге у профессора Гольдшмидта, обследовал пегматитовые жилы острова Эльбы. С 1912 года он начинает заниматься всеми видами камней Урала, изучая связь окраски минералов с их химическим составом и происхождением. В 1920-22 годах были выпущены несколько частей его монографии о драгоценных и цветных камнях России.

Следующее издание, более расширенное, под названием «Цвета минералов» вышло в свет в 1936 году. Уже после его ухода из нашей жизни, в 1954 году был напечатан фундаментальный труд академика, над которым он трудился 35 лет – двухтомник «Очерки по истории камня», с большим разделом «Цвета камней». В нём рассказывается о красных, зелёных, синих, золотистых, белых, чёрных, разноцветных камнях и о горном хрустале.

А наше знакомство со своеобразным видением российской матушки-природы мы начнём с камней цвета Солнца – «золотистых», жёлтых.

Первый камень – гелиодор, второй – сердолик с «дендритами»; далее – астрofilлит, пириты.

Слева – «радуга» в кристалле цитрина; справа – сфеновое «солнце» с эвдиалитом. В разряде зелёных камней у А.Е.Ферсмана числятся 13 разновидностей и около 80 наименований. Некоторые из них предлагаются вашему вниманию.

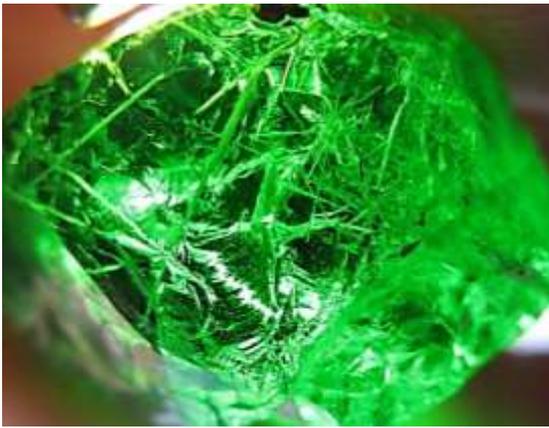
Хризолиты

Гроссуляры

Небольшие образцы известного на весь мир уральского малахита

Первый – уральский демантоид; второй – уваровит, размеры кристаллов – 4 мм.

Кристаллы амазонита в породе

Аквамарин

Травянисто-зелёный берилл в породе

Хромдиопсид (сибирский «изумруд»)

О красных камнях. В первом томе «Очерков по истории камня» академик Ферсман, рассказывая про них, пишет: «Красный камень среди разнообразных наших богатств самоцветами встречается реже других... Родина красного камня - в сказочных странах Востока; из Индии, Бирмы и Цейлона шёл самоцвет на Запад... Но, мы располагаем замечательным розово-красным цветным камнем – орлецом (родонитом); ни одно месторождение мира не может соперничать с месторождением орлеца на Среднем Урале». Историческая справка: оно было открыто ещё в середине XVIII века.

Образцы знаменитого уральского орлеца

Крокоиты – представители самого первого найденного в России минерала; правый образец - из минералогического музея в г. Заречный на Среднем Урале.

Легендарные хибинские эвдиалиты (саамская, лопарская кровь) с иризацией.

Первые пиropy из алмазной трубки «Зарница»

Красный сердолик

Описывая синие камни, А.Е.Ферсман, прежде всего, вдохновенно рассказывает о прекрасном синем камне – русском лазурите Забайкалья. Много внимания уделяет бадахшанскому лазуриту, далее пишет о бирюзе – «камне Востока».

Галька лазурита с включениями пирита

Забайкальский лазурит

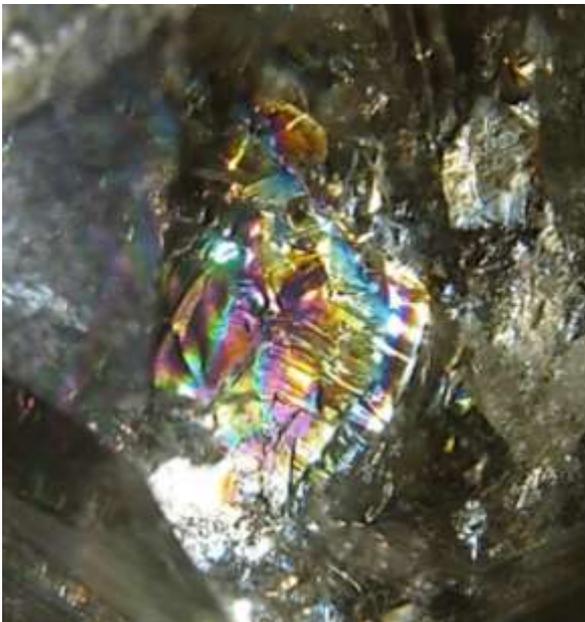
Кристалл кианита

Аквамарины Забайкалья

Представители чёрных камней: благородный шунгит и кристалл мориона.
Настало время показать две разновидности горного хрусталя: дымчатый кварц и аметист.

А это просто фантастическое, завораживающее зрелище – иризирующая «радуга» в кристалле горного хрусталя!

На этом наш небольшой «парад – алле» завершается. Очень надеюсь, что он помог читателю поближе познакомиться с интересными камнями и немного расширить свой кругозор.

Однако, здесь мои рассказы тоже заканчиваются, всем - большое спасибо за прочтение данной книги; желаю вам крепкого здоровья, всего самого наилучшего и до новых встреч в таинственном, магическом, волшебном мире камня.

Спешите наполнить душу красотой!

